

Булат
СУЛТАНБЕКОВ

ИСТОРИЯ ТАТАРСТАНА:

**СТАЛИН
И „ТАТАРСКИЙ
СЛЕД“**

(Научно-популярные очерки)

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1995

ББК 63.3(2Тат)
С89

С $\frac{503020900-018}{M132(03)-95}$ без объявл.— 95

ББК ~~63.3~~(2Тат)

ISBN 5—298—00484—9

© Султанбеков Б. Ф., 1995.

Посвящается
работникам архивов —
хранителям исторической
памяти народа.

Автор

ОТ АВТОРА

Выбрать название этой книги было нам нелегко. Нам. Я имею в виду работавших вместе с автором над подготовкой к изданию С. Шамси и Р. Амирханова — людей многоопытных и сведущих не только в истории, но и хорошо ориентирующихся в таком капризном и своенравном явлении, как читательский спрос. Прошли уже те времена, когда мало кого интересовала судьба книги после издания. Лишь бы она была идеологически выдержанной и звала в светлое будущее. А потому пылились на складах и полках магазинов тысячи томов всякого рода изданий «к вопросу», или раскрывающих «роль чего-либо в чем-то». И благополучно списывались потом в макулатуру за счет щедрой казны. Жесткие законы новой экономики ударили и по издательствам. Постоянно растущие цены на бумагу и иные компоненты создания книги требуют скрупулезных подсчетов и экономического расчета. Особенно это касается общественно-политической литературы. А ведь от названия книги зависит и первоначальная реакция потенциального покупателя и читателя. Первый вариант названия «Из тайников истории...» автору весьма нравился. Но, поразмыслив, пришли к выводу — «тайники», «секреты», «загадки» и иные захватывавшие еще недавно заголовки уже порядком приелись читателю и стали довольно рутинными. Обсуждались еще несколько вариан-

тов и в конце концов пришли к тому, который читатель видит на обложке этой книги. Почему же Сталин и «татарский след»?

На нашу историю, в том числе и историю Татарстана, огромную тень отбрасывает личность Сталина. Фигуры противоречивой, зловещей, но крупнейшей в истории XX века. Ее влияние заметно и сейчас, через 40 лет после физической кончины вождя. И всякого рода заклинания в духе «мелкий», «серый», «малограмотный» и т. п. не проясняют ситуацию, а наоборот ее запутывают. Сталин — деятель, с решениями которого связаны судьбы миллионов людей и, конечно же, велика его роль и в истории татарского народа, всех народов республики Татарстан. «След» решений, связанных с нашей республикой и со всеми мусульманскими регионами России, по мере раскрытия архивов все явственнее проступает в политической биографии Сталина. Ведь судьбоносные, а нередко и смертоносные решения о ряде деятелей республики, и не только о татарах, принимались лично Сталиным. Впрочем, читатель сам может убедиться в этом. Конечно же, нельзя все сводить к одному Сталину, но и преуменьшить его роль невозможно. Данные очерки, претендующие на полноту, — попытка разобраться в сложном, загадочном и неоднозначном явлении, имя которому — Сталин, через судьбы людей и идей, оказавшихся с ним на одном отрезке истории. Как это получилось, судить читателям. Автор будет благодарен им за дополнения и другие формы заинтересованного участия в процессе поиска исторической правды в той мере, какая нам доступна сейчас. Они будут учтены автором в дальнейшей работе над исследованием нашей многострадальной истории.

Пользуясь случаем, благодарю всех, кто откликнулся на вышедшие ранее книги «Страницы секретных архивов» и «Драматические страницы истории Татарстана». Их предложения и пожелания во многом определили со-

держание и этой книги. Моя особая признательность ушедшим недавно из жизни Разии Галиаскаровне Сагитовой, Асьме Ризаеудиновне Шараф-Фахретдиновой, а также живущему ныне в Москве Георгию Алкину и Арслану Шарафу. Они своими воспоминаниями и уникальными документами помогли написать вошедшие в книгу очерки о своих близких, оставивших яркий след в духовной жизни своего народа.

АРХИВ СТАЛИНА: «ТАТАРСКИЙ СЛЕД»

В мечтах людей, занимающихся историей, всегда существовали «пещеры, набитые сокровищами», проникнув в которые можно было бы познать многие таинственные механизмы, управляющие событиями. Это и подлинник рукописи «Слова...», и библиотека Ивана Грозного, да и многие другие желанные объекты, овеянные легендами и мифами и оттого еще более взыскиваемые пишущим людям. Особенно много появилось их в советский период с его гипертрофированной закрытостью информации и секретоманией. Перефразируя одного из зарубежных авторов, сказавшего о России еще в XIX веке, что в этой стране все тайна и ничего не секрет, можно было с горечью констатировать: а теперь все тайна, все секрет. В ряду этих «секретов» и был личный архив И. В. Сталина, вокруг которого роилось множество слухов, правда, уже после смерти вождя, ибо при жизни даже упоминание об этих документах было чревато самыми неприятными последствиями... Впрочем, один, из самых сведущих по части сталинских секретов человек, его личный секретарь Борис Бажанов, бежавший в конце двадцатых годов за рубеж, вскользь заметил в своей книге, что в столе и сейфе Сталина было немало «компромата» на тогдашних вождей, помогавшего держать их в узде. Не отсюда ли пошел миф

о том, что, кроме обычных бумаг с наисекретнейшими грифами, вождь имел еще толстую тетрадь в клеенчатой обложке, которой поверял самое сокровенное, и якобы Л. П. Берия, пользуясь общим замешательством в часы агонии вождя всех народов, похитил эту «книгу судеб» то ли прямо из-под подушки умирающего, то ли из кремлевского сейфа? Дальнейшая его трагическая судьба якобы напрямую связана с дружным желанием остальных вождей вернуть и уничтожить эту взрывоопасную тетрадь. Что-то вроде погони за «ядерным чемоданчиком». Но эта легенда вряд ли содержит больше крупиц правды, чем изданные недавно одним частным лицом пресловутые «дневники Берии». В смутное время и не такие еще «сенсации» появляются. Все это уже было. Вспомним хотя бы «протоколы сионских мудрецов» или «дневник Вырубовой». Да и вряд ли Берии необходимо было искать компромат, если бы такая тетрадь и существовала. Полагаю, что его у него вполне хватало, включая данные на самого вождя. Не случайно начало 50-х явно прошло под знаком охлаждения отношений «земляков» и поисков материалов на всемогущего шефа спецслужб. Говорил ведь Сталин ставшему министром госбезопасности Игнатьеву при ознакомлении с материалами на грузинских деятелей: «Ищите самого большого мингрела!» Но не успел вождь добраться до уроженца Мингрелии Берии.

Все это сказано лишь для того, чтобы показать прилизительно круг представлений автора о документах вождя до того, как он перешагнул заветный порог архива. Впрочем, не думаю, что и у других в то время (а речь идет о начальном этапе перестройки) сведений было больше. Это был период «раннего Горбачева» с его порывом к гласности, стремлением более полно разобраться в нашем прошлом и дать ответ на вопрос, поставленный еще его предшественником Ю. Андроповым: «В каком же обществе мы живем?» Тысячи и тысячи кандидатов и докторов разнообразных наук и целые институты, кормившиеся на прослав-

лении мудрого партийного руководства, в десятках тысяч книг и статей воспели «развитой социализм» и его сияющие вершины. Но, очевидно, и Андропов, и Горбачев знали и видели то, что было недоступно пониманию «бардов» светлого настоящего. Учитывая печальный опыт последующего развития событий и явственную тоску части общества по столь дружно ругаемому недавно «застою», автор понимает, что не следует петь дифирамбы «перестройке». Но ведь из песни слов не выкинешь. Именно она дала возможность познать по-настоящему наше прошлое, без наркотических иллюзий о единственно верном пути, по которому мы шли. А уж как политики использовали полученные знания, это совершенно другой вопрос. В Татарстане в этот период появилась наконец возможность более внимательно разобраться с судьбой и взглядами Мирсаида Султан-Галиева — единственного крупного национального деятеля среди лидеров 20-х годов, все еще числившегося заклятым врагом и агентом империализма. Все остальные давно уже были реабилитированы, их имена обрели вторую жизнь в книгах и пьесах, в названиях улиц, учебных заведений и предприятий. Сложилась довольно парадоксальная ситуация: за принадлежность к «султангалиевизму» были репрессированы тысячи людей. Теперь же подавляющее большинство из них оказалось верными ленинцами, а выжившие единицы даже удостоены персональных пенсий и орденов, а Султан-Галиев и несколько его ближайших сподвижников остались своеобразными жупелами и символами злонамеренного национализма и всего прочего. Впрочем, в несколько более крупных масштабах то же самое произошло и с остававшимися в ранге «врагов в законе» Троцким, Бухариным, Зиновьевым... Враги были, а ряды их сторонников редели. Все они (в основном посмертно) переходили в разряд добропорядочных граждан и коммунистов.

Тогда-то и была создана комиссия Политбюро во главе с А. Яковлевым по окончательному «искоренению» врагов из истории Отечества и переводу их в ранг добросовестно

заблуждавшихся. А в печати Татарстана появилось несколько публикаций. В первую очередь надо отметить размышления историка Индуса Ризаковича Тагирова на страницах журнала «Казан утлары» о необходимости более внимательного анализа и оценки деятельности М. Султан-Галиева. Выступили по этому поводу и газеты «Вечерняя Казань», «Советская Татария». В этой ситуации руководство областного комитета партии, его первые секретари Г. И. Усманов и сменившие его М. Ш. Шаймиев, а затем Р. Р. Идиатуллин проявили доброжелательный интерес к судьбе М. Султан-Галиева и, не имея еще официального одобрения ЦК КПСС, стимулировали поиски в этом направлении. Заведующему партийным архивом Д. Шарифудинову и автору этих строк было поручено представить в обком краткую справку о судьбе и взглядах «мятежного комиссара» и начать поиски реабилитационных документов в архивах Казани и Москвы. Несколько позже эта работа была начата и «комиссией Яковлева». История подготовки реабилитационных материалов по делу М. Султан-Галиева и его соратников — эта тема особого разговора. В этой работе участвовали историки, партийные работники, сотрудники КГБ и Прокуратуры. Необходимо было преодолеть не только юридические препоны, но и, пожалуй, самое главное — инерцию общественного сознания, сформированного на многолетней клевете. Да и люди, многие годы кормившиеся на разоблачении врагов и зарубежных «фальсификаторов», не дремали. Дело доходило до курьезов, когда уже после публикаций, документально доказавших необоснованность основных обвинений М. Султан-Галиева, шустрая разоблачительница ислама, кандидат философских наук со страниц одной из республиканских газет вещала о вредности идей Султан-Галиева, приписав ему соединение ислама с идеями социализма, причем явно не прочитав ни одной строчки из написанного им. В общем, по известному принципу: «Я Пастернака не читал, но я его осуждаю». И сейчас, когда почтение к выдаю-

щемуся теоретнику «третьего» пути развития мира спешат засвидетельствовать многие, и это стало безопасным и даже выгодным делом, следовало бы вспомнить, что началось все в весьма сложной ситуации, и нужно отдать должное лидерам республики, которые пошли на известный риск, поощряя процесс изучения «заминированного» прошлого. Этой позиции уже в качественно новых условиях придерживается и Президент Республики Татарстан М. Шаймиев.

Вот такова была обстановка, в которой автор впервые получил доступ к фонду Сталина, а затем и Политбюро. Хотя шел третий год перестройки и многое уже было открыто, указанные выше фонды, особенно протоколы Политбюро, продолжали находиться под особым контролем, и понадобилось вмешательство ставшего к этому времени секретарем ЦК КПСС Г. И. Усманова для получения разрешения работать в них. Как я понял из краткого рассказа Олега Морозова, работавшего помощником секретаря ЦК, дело это и для них было непростым, и всесильный заведующий общим отделом ЦК КПСС Болдин дал согласие не сразу. Итак, доступ к заветному фонду был получен. Весьма доброжелательно относившиеся к нашей работе руководители ЦПА И. Китаев, Ю. Амнантов не скрывали удивления: прямо чудеса, разрешен доступ к протоколам заседаний Политбюро. И вот, наконец, заведующая читальным залом Г. Горская, как обычно, приветливо улыбаясь, вручила опись этих дел, предупредив, что знакомиться с ними можно только в отдельном читальном зале, носящем имя Товстухи — личного секретаря Сталина и одного из первых руководителей партийного архива. Доступ в него давался для изучения особо секретных материалов. Да и название зала весьма символичное: Товстуха был одним из самых доверенных людей вождя.

Итак, что же представляет знаменитый фонд 558, в котором в основном собраны документы из личного архива вождя. Хочу предварить дальнейший рассказ некоторыми

пояснениями. Речь пойдет о состоянии фонда на конец 1990 года. После августа 1991 года произошли огромные изменения в архивном деле. Насколько мне известно, претерпел существенные изменения и фонд 558. Но вернемся к документам. Весь архив Сталина переведен на микрофиши, а некоторые документы выдаются в виде фотокопий. Временной диапазон документов — с 1909 по 1953 годы. Каждая стандартная микрофиша содержит около 150 листов документального текста. Распределение документов, а точнее их количества по годам, естественно, неравномерно: от двух документов 1909 года до 1400—2000 документов в отдельные годы. Особенно «урожайны» 1918—1923 годы, на каждый из которых приходится около 7—10 микрофиш опи́си. Есть «неурожайные» с архивной точки зрения годы, когда отложилось всего около 20—30 листов. Бросаются в глаза и некоторые другие странности. Так, в описи документов 1937-го около половины их посвящено весьма рутинным и третьестепенным вопросам деятельности руководящих органов Молдавской АССР. Очевидно, читатель ждал, что по этому «лихому» году будут документы другого рода. Так думал и автор. Но что есть — то есть! Создается впечатление, что формирование фонда велось бессистемно, а, возможно, сюда попадали документы, не представляющие особого секрета, хотя и в таком виде фонд был недоступен исследователям вплоть до конца 80-х. Есть все основания полагать, что наиболее интересные документы об экстремальных ситуациях в жизни вождя и страны, раскрывающие личную вину за творившиеся злодеяния, сосредоточены в архиве ЦК КПСС, который являлся структурным подразделением общего отдела и не предназначался для исследовательской работы. Сейчас, судя по печати, часть его дел включена в общий архивный фонд Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), куда вошел и весь корпус документов ЦПА. Там находились, кстати, и зловещие «особые папки» с документами по особо «щекотливым» делам,

некоторые из них не доверялись даже сверхнадежным машинисткам и стенографисткам и писались от руки в одном экземпляре¹. Учитывая характер полученного задания, автор уделял особое внимание сталинским документам, связанным с историей национально-государственного строительства, лидерами национальных образований начального периода создания Советского государства и, конечно же, проблемами политической жизни Татарстана. Попутно привлекли внимание и материалы, позволяющие судить об особенностях политического почерка Сталина, динамике изменения его личностных черт. Но это, разумеется, не тема статьи. И, наверное, пройдет не одно десятилетие, пока мы приблизимся к пониманию феноменального явления, именуемого «Сталин». Судя по содержанию весьма интересной книги Д. Волкогонова «Триумф и трагедия», а в ней, пожалуй, впервые в открытой печати были приведены документы фонда 558, автор использовал их весьма выборочно и нередко проходил мимо тех, которые не вписывались в его схему. Конечно, определение приемов архивной работы автора «Триумфа и трагедии» как «мародерство», данное английским биографом Сталина профессором Ронильдом Хингли, представляется нам не очень корректным, но чуть больше объективности при отборе документов Д. Волкогонову явно не помешало бы².

Наиболее интересные для изучения истории республики документы датированы 1918 годом. Они в основном связаны с деятельностью Наркомнаца и мусульманских комиссарнатов. В них часто встречаются имена М. Вахитова, М. Султан-Галиева, Ш. Манатова, Г. Ибрагимова. Это бы-

¹ Основная масса самых секретных документов партии, включая и «особые папки», осталась на месте, там, где и хранилась ранее, — на Чкаловке, в одном из зданий ЦК КПСС. Называется это архивохранилище теперь Центром хранения современной документации (ЦХСД). Имеет ли отсутствие в названии слова «изучения» символическое значение или оно опущено для краткости — поживем, увидим.

² Свободная мысль, 1993, № 3.— С. 44.

ли наиболее близкие в то время к правительству и партии деятели национальных окраин, через которых шло осуществление региональной политики. Ряд этих документов подтверждает мнение о серьезных конфликтах, уже в то время потрясших структуры управления национальной политикой, хотя в многочисленных квазинаучных панегириках по нацстроительству об этом умалчивалось. Вот некоторые из них. На бланке комиссариата по делам мусульман внутренней России помещено обращение к Сталину: «Ввиду разногласий в вопросе о реорганизации комиссариата и ввиду ненахождения общей линии компромисса весь состав комиссариата выходит в отставку». Обращение подписано комиссаром М. Вахитовым, товарищами (заместителями) комиссара Г. Ибрагимовым и Ш. Манатовым, членами комиссариата Ю. Ибрагимовым, И. Асякаевым, М. Кильдебяковым, М. Алиевым (Ф. 558. Оп. 1. Д. 137). Этот серьезный инцидент, ставивший под угрозу всю систему управления национальными движениями пробольшевистского направления из центра (мы не будем здесь вдаваться в существо конфликта), был исчерпан Сталиным весьма радикально и демократично — на письмо мятежного комиссариата наложена резолюция: «Отставку принять не согласен. Прошу всех членов комиссариата остаться на своих местах и уладить трения со мной. И. Сталин. 29 марта 1918 г.». Такое в то время было еще возможно. Будущий вождь не хотел терять «имидж» главного специалиста по национальным проблемам и защитника прав национальностей от посягательств части шовинистически настроенных лидеров партии. Уже через два дня все члены комиссариата взяли обратно свое заявление об отставке.

Это был период, когда от позиции мусульманских окраин России практически во многом зависела судьба революции, и поэтому в ряде сталинских документов раскрывается механизм заигрывания с ними. Вот один из таких: 2 мая 1918 года (напомним, что в это время началась активизация и консолидация антибольшевистского движения

вокруг чехословацкого корпуса, основные силы которого в то время находились в губерниях с значительным тюркомусульманским населением) Наркомнац принимает решение о создании «Мусульманской рабоче-крестьянской армии» (Ф. 558. Оп. 1. Д. 164. Л. 1). Организация ее штаба и создание частей на местах поручалось Центральному татаро-башкирскому комиссариату. Постановление подписано Сталиным, Троцким и Вахитовым¹. Любопытный штрих: инициал Сталина написан так, что его можно прочесть как «Ю». Неслучайно старые большевики, вспоминая гражданскую войну, иногда в разговорах по-своему называли его «наш Юсуф».

Большой блок документов связан с драматической историей перехода башкирских войск во главе с Заки Валидовым на сторону красных. Судя по телеграфным бланкам переговоров Валидова со Сталиным, этот переход происходил сложно, и на местах низовое командование красных фактически нарушало договоренность и вероломно разоряло башкир. Сквозь скупые телеграфные строки пробивается разочарование Валидова сделанным шагом и попытка Сталина оправдаться тем, что войска в боевой обстановке не всегда управляемы, и бесчинства Пензенской дивизии по отношению к башкирам связаны с общей слабой дисциплиной в частях.

Ряд документов, подписанных Сталиным, подтверждает полную поддержку им курса татарских большевиков и пробольшевистских лидеров на максимальное ограничение деятельности небольшевистских сил в национальном движении. В частности, Сталин подписал 9 апреля документ о предании суду редактора газеты «Иль» Гаяза Исхакова, подчеркнув, что делает это по просьбе татаро-башкирского комиссариата. Политическая логика этого решения понят-

¹ Через несколько лет, когда гражданская война окончится победой большевиков, эта идея будет признана порочной, и Вахитова с Султан-Галиевым будут клеймить за нее как националистов.

на: набирала силу идея Татаро-Башкирской республики (ТБР), на начало мая уже было намечено большое совещание по ее учреждению. Ленин и Сталин видели в то время в ней средство мобилизации мусульманских масс на защиту большевиков, и существование авторитетной газеты во главе с редактором, имевшим ореол борца против самодержавия, было просто ненужным и даже опасным, так как на ее страницах пропагандировалась идея демократического и неклассового государства «Идель — Урал», как альтернативы большевистскому проекту ТБР. Документы сталинского фонда дополняют в существенных деталях предположение о том, что в начале 1918 года Ленин и Сталин видели в ТБР своеобразную базовую модель национально-государственного устройства для большинства нерусских народов России, и не только мусульманских. Так, 22 марта на места уходит телеграмма с подробным изложением основных принципов «Положения о ТБР» и предложением выработать «аналогичное для азербайджанских татар (термин «мусульмане» и «татары» применялся в то время широко, и речь идет здесь об азербайджанцах — Б. С.), грузин, армян, киргиз и прислать свои предложения». Ее подписали Сталин, Вахитов, Диманштейн. Стремясь завоевать расположение мусульманских лидеров, Сталин делал иногда беспрецедентные шаги. Так, 20 мая 1918 года он вместе с замнаркома Пестковским лично дает рекомендацию для приема в партию Шарифу Манатову, члену Учредительного собрания, одному из наиболее крупных представителей татаро-башкирского движения. Насколько известно автору, это второй документально подтвержденный случай личной рекомендации в партию, данной Сталиным после 1917 года. С февраля 1923 года этот вопрос перед руководителями не вставал — решением Политбюро членам ЦК давать рекомендации было запрещено.

Количественный пик документов сталинского архива, связанных с Татарстаном и Башкирией, а также с татарскими проблемами Крыма, приходится на 1920 и 1923 го-

ды. Это связано с противоречиями, выявившимися при образовании Татарской республики. Ряд лидеров в центре (Преображенский, Пятаков, Стасова, Крестинский) и в самой Казахской губернии (Ходоровский, Карпов) активно выступали против преобразования губернии в республику. Этот великодержавный синдром был присущ и некоторым другим губернским руководителям, в частности, уфимскому предгубисполкома Эльцину. Сталину приходилось проявлять определенную гибкость и убеждать их в необходимости такого шага. Однако кризис, спровоцированный центральными властями, привел к уходу с политической арены правительства Валидова в Башкирии и замене его воинствующим национальным нигилистом Г. Шамигуловым. В Татарии с учетом опыта Башкирии, где Валидов не захотел стать марионеточным лидером, к власти был приведен послушный интернационалист Саид-Галиев, воспитанник уральской группы партийных лидеров (Преображенский и др.), противостоявших в то время национальному самоопределению народов. Документы 1923 года связаны с подготовкой первой в послереволюционной истории операции по шельмованию и политическому уничтожению крупного государственного деятеля. Это материалы подготовки и проведения 4-го национального совещания, посвященного в основном делу Мирсаида Султан-Галиева. Они вскрывают многие загадочные стороны этой истории. Часть из них испещрена пометками Сталина.

Весьма поучительны сталинские документы, характеризующие его политические приемы и уровень теоретической подготовки. Полагаю, что не выдерживают критики попытки представить его не особенно грамотным и ограниченным человеком. Трагедия была в другом. Свои незаурядные способности и знания он поставил на службу главному — достижению личной неограниченной власти. Судя по документам, в круг его чтения и изучения даже в самые сложные периоды входили книги и документы по наиболее важным проблемам политики, а точнее той ее части, за

которую он отвечал как нарком по делам национальностей и член Политбюро. Вот только один из многочисленных примеров. В письме к Стасовой от 19 февраля 1918 года он благодарит ее за доставку очень нужной для работы и уникальной книги А. И. Кастелянского «Формы национального движения в современных государствах», изданной в 1910 году. В этой объемистой (свыше 800 стр.) книге собраны наиболее значительные работы о национальном движении в Европе. Особое внимание уделено Австро-Венгрии и России. Глава, посвященная российским инородцам, написана Алиханом Букейхановым, который уже в семнадцатом стал лидером общенационального движения казахов «Алаш-Орда». Весьма полезно почитать эту книгу и в наше время. Просматривая некоторые ее страницы, вспоминешь известный афоризм: «Новое — это хорошо забытое старое».

Изучая описи и документы фонда Сталина и заседаний Политбюро, все в большей степени начинаешь понимать, что никакой, даже самый секретный архив не может дать ответ на многие загадки истории. Ряд решений, очевидно, принимался без документирования. В том числе и по национальному вопросу. Не думаю, например, что даже в самой «разособой» папке могло быть записано, например, экстремистское сталинское предложение о методе решения «русского вопроса» в Башкирии, высказанное им Валидову¹.

За пределами темы данной статьи остались многие вопросы. Автор и не ставил задачу дать исчерпывающий анализ документов по одному, хотя бы даже ограниченному, направлению. Тема «сталинский архив как отражение личности вождя» неисчерпаема, и к ней будет обращаться еще не одно поколение историков. Размах и глубина, жестокость и вероломство, умение сконцентрировать внимание на глав-

¹ З. Валиди-Тоган. Воспоминания. Уфа, 1994. Книга I. С. 291—292.

ном и пренебречь при этом людскими судьбами — эти и многие другие черты составляют политический облик Сталина. Ясно только одно: обвинение в серости и бездарности, брошенное обиженным Троцким и охотно подхваченное некоторыми публицистами, вряд ли является основным отличительным признаком его главного политического оппонента. Что же до нравственных оценок, то в политике они, как показывает опыт, в том числе и самый современный, неконструктивны и бесполезны. Как ни горестно это сознавать, силуэт Сталина проглядывает или отбрасывает тень на многие действия сегодняшних политиков, тень иногда пародийную, но чаще зловещую.

ИЛЬЯС АЛКИН: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

(легенды и реальность)

Если иметь в виду общественно-политических деятелей из татар, то в истории Татарстана и России времен революции и гражданской войны нет, пожалуй, имени, которое было бы более на слуху, чем это. И Мулламур Вахитов, и Мирсаид Султан-Галиев были с самого начала на стороне большевиков. А судьба Алкина, как и судьба всего общества тех лет, была полна самых крутых поворотов, бросавших участников великой драмы из одной крайности в другую. Остался он и в исторической памяти народа, несмотря на многие десятилетия насильственного забвения.

Год назад в газетной публикации мной было рассказано о знаменитом полицмейстере Казани Шагнахмете Алкине, а вслед за этим — об известном юристе с университет-

Ильяс Алкин. Учащийся реального училища.

ским образованием и депутатом 2-й Государственной думы Саид-Гирее Алкине. Ильяс — внук Шагиахмета и сын Саид-Гирея. Он, по мнению одного из читателей, — самая крупная политическая фигура из татар в судьбоносные годы гражданской войны, «крупнее, чем Вахитов и другие прославленные «борцы за счастье народное».

Что тут можно сказать?

Начинать все-таки в любом случае лучше сначала, а относительно конкретной личности — с внимательного изучения ее жизни и судьбы, не задаваясь при этом целью расставить политических деятелей по ранжиру (иной подход представляется некорректным). С учетом этого подготовлен и данный материал. А уж читатель, не скованный и постепенно привыкающий воспринимать прошлое без ярлыков и навязываемых свыше оценок, сам, очевидно, разберется в значимости для отечественной истории Ильяса Алкина — внука Шагиахмета и сына Саид-Гирея.

В конце XIX века семейство Алкиных входило в интеллектуальную элиту татарского общества Казани. Пожалуй, наиболее заметным из сыновей Шагиахмета стал Саид-Гирей, вдобавок ко всему прочему и талантливый журналист. Его сыновья Джигангир, Дауд, Ильяс и Аскар окончили реальное училище, а затем продолжили образование в различных высших учебных заведениях. Заметим, что не-

которое время репетитором и Ильяса, и Джигангира был реалист Вячеслав Скрябин, более известный впоследствии под фамилией Молотов.

После окончания училища Ильяс становится студентом знаменитого Петербургского политехнического института, давшего стране не только сотни высококвалифицированных инженеров, но и десятки видных политических деятелей как правого, так и левого толка. Здесь, в столице, и происходит приобщение Ильяса к общественной деятельности, вначале через общество «Учаг», объединявшее группу студентов-мусульман, а затем и через связи с социал-демократами умеренного направления, не разделявшими радикализм большевиков (1)¹. Во всяком случае, сам Алкин напишет впоследствии: «Был близок к социал-демократам-интернационалистам, но организационно связан не был».

Начало учебы Ильяса в политехническом совпало с бурными событиями в политической жизни страны и мира, приведшими в конечном счете к революционным потрясениям в Европе. Мировая война выплеснула на поверхность многие неразрешимые проблемы экономической и социальной жизни воюющих государств. Мощно заявили о себе и национальные противоречия, обостряющиеся, как правило, в кризисных ситуациях. Увы, печальное подтверждение этого постулата мы видим в конце XX века, и не только на дымящихся развалинах советской «империи».

В ходе думской деятельности, когда представительное собрание России пыталось по-своему бороться с некомпетентностью администрации и обеспечить если уж не выигрыш, то хотя бы сносные условия завершения войны, усилилась роль его мусульманской фракции. Контакт с ней искали наиболее дальновидные политики, понимавшие, что в новой политической ситуации растет роль мусульманских регионов, в первую очередь Поволжья и Приуралья,

¹ В конце этого очерка дается ряд пояснений, примечаний и дополнений к тексту материала.

щедро отдавших свои людские ресурсы в воюющую армию. Очевидно, тогда, в 1914—1916 годах, укрепляются личные контакты студента Алкина с политическими деятелями, вынесенными вскоре бурными революционными событиями на авансцену большой политики,— Садри Максуди, Заки Валиди, Гаязом Исхаки, Алиханом Букейхановым и другими (2).

Весной 1916 года в числе студентов «политеха» Алкина призывают в армию и зачисляют в знаменитое Константиновское артиллерийское училище. В июле он уже становится унтер-офицером, а 22 декабря ему наряду с другими выпускниками ускоренного курса присваивают звание прапорщика. Сразу же после выпускных торжеств, состоявшихся накануне нового 1917 года, приказом военного министра от 2 января прапорщик И. Алкин назначается на должность старшего офицера 2-й батареи 2-й запасной артбригады, расквартированной в Казани.

Прибыв сюда, Алкин оказывается в эпицентре многих общественно-политических событий, волновавших город и губернию накануне свержения самодержавия. Этому способствовали и семейные связи: отец и братья играли заметную роль в политической жизни Казани. В доме Алкиных на Воскресенской улице нередко бывали видные представители татарской интеллигенции, купечества, можно было встретить там и крупных чиновников губернских структур. (Этот дом, несколько потерявший свой первоначальный вид, сохранился и поныне под № 25 на улице Ленина. До революции первый этаж был занят магазинами. Они существуют и сейчас, правда, сменили профиль).

Политический спектр Казани был весьма широк. На его противоположных краях находились охранительно-монархические и радикально-анархические группы, доминирующие «цвета» располагались в центре. Наибольшим влиянием пользовались умеренно-националистические, кадетские, эсеровские и социал-демократические кружки и партийные объединения. Правда, в среде последних больше-

вистские настроения были весьма малозаметны, в основном социал-демократию представляли меньшевики различных оттенков. Их взгляды, до полного «ухода» в национальное движение, разделял и молодой прапорщик, впрочем, не связывая себя с ними какими-то организационными узами.

Свержение самодержавия в России стало результатом стихийной народной революции. Однако чего-то подобного штурму Бастилии не было. Монархия рухнула под тяжестью собственных ошибок и планомерной работы либерально-демократической оппозиции по расшатыванию ее устоев. Большевики во всем этом не играли сколько-нибудь заметной роли, как это впоследствии приписывали им репутильная пресса и наука. В Казани власть безболезненно перешла к довольно неопределенным структурам, главным лозунгом которых было покончить с «проклятым наследием самодержавия».

Эти события придали новый импульс национальному движению мусульманских народов, центры которого в течение некоторого времени находились в Казани и Уфе, а ведущей силой являлись общественно-политические деятели из татар. Дело заключалось скорее всего в том, что еще до революции в силу комплекса объективных причин именно татарское национальное движение стало инициатором многих интеграционных процессов и акций среди мусульманского населения России. В Петербурге, Москве, Казани, Уфе, Оренбурге возник целый ряд новых общественно-политических образований, из которых вскоре выкристаллизовались весьма четкие и влиятельные общемусульманские структуры.

Так, в Казани наиболее влиятельными организациями стали Мусульманский комитет, впоследствии названный Мусульманским советом (Милли шура, лидер — юрист Фуад Туктаров), и образованный чуть позже Мусульманский социалистический комитет (МСК), являвшийся на первых порах конгломератом различных левых организаций, но его руководитель М. Вахитов с самого начала

заял пробольшеви́стские позиции. В числе основателей МСК был и Илья́с Алкин.

Весьма своеобразной была консолидация мусульманских сил в армии: в них опять-таки лидирующее положение заняли фронтовики-татары. По существующим положениям мобилизации из восточных народов России подлежали татары и башкиры, которые «допускались» к участию в боевых действиях. Мусульман Средней Азии в армию не призывали, а попытка привлечь их хотя бы к тыловым работам привела к массовым волнениям в 1916 году, подавленным весьма жестоко. В армию призывались и представители некоторых народов Северного Кавказа, крымские татары, но в силу их малочисленности они в основном служили в элитарных, нефронтовых, частях.

Казань являлась центром самого крупного военного округа России, включавшего территорию 10 губерний и двух областей. Личный состав округа насчитывал чуть ли не миллион военнослужащих. В самой Казани располагались несколько десятков частей и военных учреждений, в которых служили около 50 тысяч человек, в том числе более 2 тысяч офицеров.

Через две недели после падения монархии, 16 марта 1917 года, в Казани был создан гарнизонный Мусульманский военный комитет. Возглавил его Илья́с Алкин. Хотя в состав комитета входили лица с большим военным и общественно-политическим опытом, в частности, капитан Биглов и другие старшие офицеры, выбор пал на молодого прапорщика. Очевидно, свою роль в избрании Алкина на столь влиятельное место, с которого началось его стремительное политическое восхождение, сыграли не только его родственные связи, но и яркие личные качества (красноречие, мужество, умение не уходить от острых вопросов), которые были проявлены им еще в Петрограде. В состав комитета вошел также его младший брат Джигангир.

Выход Илья́са Алкина на широкую политическую арену состоялся на первом Всероссийском мусульманском

съезде, открывшемся в Москве после долгой подготовительной работы. К тому времени Алкин был в числе самых заметных мусульманских деятелей постмонархической России. Учитывая, что он возглавлял военные мусульманские организации, к нему проявляло повышенное внимание и Временное правительство, стоявшее на позиции продолжения войны с Германией. Эта позиция, неприемлемая, как вскоре выяснилось, для большинства населения, тем более не устраивала мусульман, для которых война была во многом «антимусульманской», а идея замены полумесяца на «крест над Босфором» являлась явно непопулярной и даже кощунственной.

Всероссийский мусульманский съезд открылся 1 мая 1917 года в доме, построенном специально для мусульманской общины Москвы бакинским нефтяным магнатом Шамси Асадуллаевым. Количество делегатов и гостей почти в 2 раза превысило ожидаемое и достигло 880 человек. На первом же заседании И. Алкин в числе 12 наиболее авторитетных мусульманских деятелей избирается в президиум и председательствует на нескольких заседаниях (3).

Не вдаваясь в подробности работы съезда, наиболее обстоятельная оценка которого содержится в известной книге ученого-историка Т. Давлетшина (4), скажем только, что шли мучительные, часто неконструктивные дискуссии обо всех сторонах государственного и культурно-общественного устройства мусульманских регионов страны. Не прояснило ситуацию и длительное выступление представителя Временного правительства профессора Котляревского, в котором он в основном касался вопросов религиозного развития и обошел стороной проблемы правовых форм осуществления требований мусульман об автономии и федеративном устройстве. В ходе дискуссии о социальных аспектах развития мусульманских регионов С. Максуди настаивал на отсутствии у мусульман классовой структуры. И. Алкин же в соответствии со своей социал-демократической ориентацией доказывал, что классовая борьба среди му-

сульманского населения существует, правда, в несколько более смягченных формах по сравнению с русским. Однако съезд, находившийся в состоянии некоторой эйфории в связи с возможностью свободной постановки и обсуждения национальных проблем, не поддержал Алкина. Солидаризировались с ним всего два делегата — С. Мамлеев и М. Тюменев.

Усиливавшийся «демонтаж» государственных структур России приводил к обострению политической ситуации на окраинах государства, детонатором этих опасных явлений становился национальный вопрос. Весной 1917 года усугубилась обстановка в Закавказье, участились столкновения мусульманского населения с русскими войсками, осложнявшиеся наличием «армянского фактора», который стремились использовать воюющие стороны. В ответ на запрос правительства и личную просьбу военного министра Керенского помочь предотвращению кровопролития И. Алкин направил телеграмму и подтвердил свою лояльную позицию в личной беседе. Этот акт имел большое значение, и Керенский 11 мая срочно телеграфировал главному командованию Кавказского фронта, уведолив его, что Алкин считает эти инциденты провокационными и заверяет, что мусульмане не изменят свободной России. Значимость этой информации была столь велика, что министр приказал широко оповестить о ней войска (5).

Очевидно, можно по-разному отнестись к позиции И. Алкина. Лет десять тому назад, обнаружив эту телеграмму, полагалось бы заклеить его как соглашателя и союзника Керенского. Но прошедшие несколько лет нас многому научили, и, наверное, намерение руководителя Военного шуро помочь предотвратить кровопролитие следует оценить положительно. Да и вообще политический почерк Алкина отличало стремление достичь разумного компромисса независимо от того, какие партийные «одежды» носил тот или иной деятель. Главное, чтобы от него исходили предложения, служащие, по мнению Алкина, удовлетворению чая-

ний народа. Вскоре по одному из самых судьбоносных для страны решений он окажется вместе с Лениным, вопреки негодованию местных казанских большевиков, выступавших тогда против ленинского предложения.

После окончания работы московского съезда Алкин некоторое время находится в Петрограде. Здесь он добивается у Временного правительства признания роли Вошуро как политического партнера при решении мусульманских дел.

Таким образом, политическая «премьера» Ильяса Алкина на общероссийской арене оказалась на редкость удачной. Стало очевидным, что в его лице, несмотря на молодость, мусульманское движение получило видного деятеля, тесно связанного с военными кругами. Алкин был избран и в совет российских мусульман, которому поручалось подготовить следующий съезд в Казани и вести организационную работу по решению вопросов самоопределения мусульман, их культурно-национальной автономии и т. д. В отличие от Гаяза Исхаки, избрание которого в этот орган происходило в конфликтной ситуации (по иронии судьбы его взгляды по ряду вопросов попеременно не устраивали то правых, то левых), Алкин прошел практически единогласно.

Летом 1917 года Казань стала эпицентром мусульманского национально-освободительного движения. Именно здесь выдвигались и обсуждались различные варианты государственного устройства российских регионов, в которых тюркское население либо было преобладающим, либо имело значительный удельный вес. К происходящим тут событиям присматривались и прислушивались в других центрах национального движения, какими были в то время Баку, Оренбург, Ташкент, Симферополь, Уфа и некоторые другие города (6).

Значительными вехами в жизни мусульман, оформлении их национальных интересов являлись прошедшие почти синхронно три съезда — второй Всероссийский мусульман-

ский, первый Всероссийский мусульманский военный и съезд духовенства. Мусульманский военный съезд стал звездным часом Ильяса Алкина. Подготовка к нему велась довольно активно. Хотя ему предстояло еще пережить многие события, **некоторые из которых напоминают сюжеты детективно-приключенческих романов**, но никогда больше его политическая фигура не была так значительна и весома, как летом 1917 года (7).

Еще в дни работы московского съезда было принято решение наряду со следующим мусульманским съездом в Казани (далее предполагалось провести очередные съезды в Баку и Ташкенте) параллельно ему созвать там же представителей мусульман, служащих в армии. На предварительном совещании мусульман, — офицеров и солдат Московского и Казанского военных округов, по предложению Алкина выносятся резолюция о «созыве с 15 по 25 июля Всероссийского съезда представителей фронта и тыловых частей». На местах начинается активная подготовка к съезду, избираются делегаты. Подготовка к нему велась довольно активно. В выборах делегатов приняли участие практически все фронтовые объединения мусульман и тыловых частей.

Новые «демократические» власти смотрели на эти приготовления весьма косо. Так, на просьбу Алкина разрешить проведение съезда, просьбу чисто формальную, Керенский, не удостоив его ответом, в телеграмме на имя командующего округом демагогически заявил: «Не нахожу возможным дать свое разрешение на мусульманский военный съезд... Не время разговаривать, и все наши усилия должны быть направлены вперед» (Временное правительство еще не раз продемонстрирует недооценку мусульманского фактора в судьбе новой России). Ответ на это демагогическое заявление был весьма четок и не без доли сарказма: «...Министр-социалист, борец за свободу и равенство, не имеет нравственного права препятствовать трудному и необходимому делу помощи до сих пор угнетенным солдатам-

мусульманам, льющим уже три года кровь наравне со всеми. Совет считает, что делегирование двух солдат от корпуса не ослабит армию, и отказывается понять мотивировку министра... Мусульмане всегда шли рука об руку с русским народом, и ответственность за разрыв ляжет на министра. Съезд открывается в Казани 17 июля. Председатель Временного мусульманского военного совета Ильяс Алкин». Надо полагать, Керенский был раздосадован, но настаивать на своем не стал.

Съезд открылся в назначенный срок в здании городского театра. На него прибыло свыше 200 делегатов от всех фронтов. Во время заслушивания приветствий внеочередное слово попросил командующий округом полковник Коровиченко, сообщивший, что Керенский предоставил ему право действовать по собственному усмотрению. Что уж усмотрел Коровиченко, трудно сказать, но фраза: «Настоящий съезд разрешен» была им произнесена. Аплодисментов это сообщение не вызвало, с места были слышны реплики: «испугался... сдрейфил министр». Так оно, очевидно, и было. Но, стремясь отыграться, Керенский требовал от руководства округом не менее двух раз в сутки сообщать по телеграфу о ходе съезда.

Как и следовало ожидать, решения съезда были весьма радикальны и в целом неприемлемы для правительства. Если в аграрном вопросе делегаты в основном поддержали правительственную программу, передававшую его решение Учредительному собранию, то в другом они пошли значительно дальше. Резолюция призывала не считаться с запретами, и съезд призвал начать создание мусульманских частей и вести подготовку к культурно-национальному самоопределению. Впрочем, требования организации отдельных частей снимались в случае замены постоянных войск народной милицией. Голубая мечта всех социалистов.

На завершающем заседании было избрано Вошуро из 36 членов, остальные 31 должны были быть избраны на местах. Председателем военного совета стал И. Алкин, его

заместителями (товарищами) — прапорщик Осман Токумбетов и корнет Асадуллаев. В состав Вошуру вошел и брат Ильяса — Джигангир. Таким образом, не достигший еще 22 лет прапорщик Алкин возглавил, как тогда казалось, грозную и влиятельную военную организацию.

В начале августа делегация Вошуру прибыла в Петроград с целью утверждения и легализации принятых на съезде решений. Алкин и его соратники в тот период не вступали в конфронтацию с правительством, понимая, что смена кабинета скорее всего будет означать сужение уже достигнутых прав национальных организаций. Эту точку зрения разделяло большинство мусульманских лидеров. Отсюда и крайне негативное отношение этих организаций к попытке генерала Корнилова «навести порядок в стране». Известно, что навстречу эшелонам Кавказской туземной дивизии, призванной, по замыслу Корнилова, обеспечить усмирение мятежного Петрограда (ей поручалось занять центральную часть города), выехала делегация мусульманских организаций, в которую входили Цаликов, Кугушев, Токумбетов. Именно они сыграли решающую роль в нейтрализации солдат-ингушей, на которых особенно рассчитывал командир дивизии генерал Багратион. Очевидно, пришла пора воссоздать объективную картину участия Вошуру в ликвидации попыток консервативных сил лишить общество демократических завоеваний февральской революции. Мы не вдаемся здесь в обсуждение проблемы, насколько реакционны и консервативны были эти попытки. Существуют различные точки зрения.

После подавления корниловского мятежа Ильяс Алкин и другие руководители военных организаций мусульман стремятся ускорить создание национальных частей в качестве гарантии прав на случай новых попыток переворота. Стремительное падение авторитета центральной власти, развал государственных структур и вооруженных сил делали вполне реальным такой ход событий. Желая обрести союзников в других постимперских национально-государ-

ственных движениях, Вошуро устанавливает контакты с Украинской Радой, посылает эмиссаров в Туркестан (8).

Октябрьский переворот был воспринят национальными организациями мусульман в целом довольно благожелательно. По всей вероятности, это в первую очередь было связано с тем, что Временное правительство хронически запаздывало с решением назревших национальных проблем, и даже минимальные уступки принимались под давлением обстоятельств, вызывая скорее иронию, чем чувство благодарности. Как это было, например, с «разрешением» на проведение мусульманского военного съезда в Казани. Только большевики — здесь надо им отдать должное — сумели выдвинуть лозунги, которые вначале воспринимались как своеобразная «хартия вольностей» для мусульман, многие века дискриминировавшихся по религиозному признаку. Кроме того, и это тоже вносило элемент стабильности в политические страсти, новая власть на первых порах не подвергала сомнению то, что коренные вопросы должно было решать Учредительное собрание. А именно на него возлагали большие надежды самые различные политические силы страны.

Вот в такой обстановке 4 декабря в Уфе открылось национальное собрание мусульман — Милли меджлис, на котором было принято решение об образовании штата Идель-Урал. Проект должно было осуществить Национальное управление через специальную комиссию из 8 человек во главе с И. Алкиным, избранным до этого заместителем председателя Национального собрания. А еще раньше Алкин стал депутатом Учредительного собрания от Казани.

История драматического противостояния различных вариантов национальной государственности, взаимоотношений с новым советским правительством, поисков компромисса с обеих сторон, проб и ошибок на сложнейшем пути к национальному самоопределению породила многочисленную литературу у нас и за рубежом. Спектр ее весьма широк — от «агитпроповских» поделок, зачеркивающих все

положительное, что было сделано национальными организациями, не разделявшими большевистскую позицию, до работ апологетических, создавших из наспех скомпонованных биографий ранее гонимых новые «жития святых». Богатый фактический материал, воссоздающий реальную картину происходившего, содержится в публикациях последних лет М. Мухарямова, И. Тагирова, Р. Валеева и ряда других казанских историков. Мы же, со своей стороны, выделим несколько моментов, имевших прямое отношение к герою нашего очерка.

Вскоре после приезда комиссии по образованию штата Идель-Урал в Казань начались новые перипетии, осложненные, как станет ясно из дальнейшего изложения, общегосударственным кризисом, поставившим на край пропасти власть большевиков. Кроме того, после разгона «уставшим караулом» Учредительного собрания страна вступила в очередной этап перманентного кризиса, возникшего весной 1917 года.

Все эти события не могли не повлиять на ход второго Всероссийского военного мусульманского съезда, который открылся в Казани 21 января 1918 года. В здании бывшего Дворянского собрания собралось более 200 делегатов — примерно столько же участвовало и в работе июльского съезда. Однако ныне их размежевание по партийному признаку было значительно более четким. Так, на первом заседании присутствовало около 100 националистов-социалистов, 22 делегата причислили себя к большевикам, 37 — к социалистам-революционерам различных оттенков, более 30 — к беспартийным. В ходе бурных дебатов определились две противостоящие точки зрения. Первая заключалась в том, чтобы полностью принять позицию большевиков по всем вопросам. Вторая — ее придерживались Алкин и его многочисленные сторонники — в упрощенном виде выглядела так: не вступая в серьезный конфликт с большевистским правительством, создать республику Идель-Урал без резкой классовой дифференциации населения и при макси-

мальном учете интересов всех народов, населяющих регион. Причем специально подчеркивалось, что Идель-Урал — часть федеративной России (9). Один из самых близких к И. Алкину лидеров умеренно-националистической части съезда мичман Токумбетов в речи при его открытии заявил, что они не поддакивали Керенскому, а теперь не собираются поддакивать и большевикам. Обращаясь к большевистской фракции, он закончил выступление афористично: «Вы хотите нас самоопределить. Народы не самоопределяют. Они самоопределяются сами!»

На усиливающееся противостояние на съезде наложили отпечаток также острейшие кризисные явления, связанные с мучительными поисками пути к миру, которые велись советским правительством. Вокруг брестских переговоров с Германией и ее союзниками разгорелась острейшая дискуссия в самой партии, где революционная эйфория мешала ряду ее вождей трезво оценить обстановку и признать необратимость сепаратного мира на унижительных условиях. Слепком общей ситуации была и Казань. Наиболее видные лидеры местных большевиков — Шейнкман и особенно Грасис считали недопустимым подписание мира и предлагали даже более авантюрные, ультрареволюционные рецепты, вплоть до перенесения столицы в Казань и созыва в ней съезда Советов в случае потери Москвы и Петрограда.

По ходу дела заметим, что вообще жесткие и чеканные оценки в духе «Краткого курса», которыми пестрели наши книги и статьи, где по «полочкам» были расставлены «лепешки» и «антиленинцы», в том числе и в Казани, при непредвзятом изучении фактов нередко оказываются совершенно надуманными. Вот только один пример. Выступая на съезде после того, как предыдущие ораторы-большевики говорили о неизбежности революционной войны, один из сторонников Алкина (по старым шаблонным меркам «антиленинец») сказал: «Закончить войну, а мир не заключать — абсурд. Чтобы удержать завоевания революции от

удара милитаризма, мы должны заключить мир. Теперь условия тяжелые, а дальше будет еще тяжелее. Революции там нет. Вильгельм пока еще крепко сидит на троне. Только немедленный мир гарантирует свободу. Мы постоянны. Были федералистами, ими же и остались. Вы же флюгера: куда ветер дует, туда и вы!» Так кто же в данном случае был ленинцем? И подобных сложных переплетений на съезде было много (10).

Пользуясь своим интеллектуальным превосходством и красноречием, Алкин и его сторонники саркастически уличали большевиков в неисполнении обещаний, данных народу. Алкин, например, заявил: «Мира нет, хлеба нет. Печатное слово под контролем, свободы нет. Не хватает только гильотин. Социализм вводится штыком и нагайкой». В этой ситуации немногочисленные большевики-делегаты получили указание покинуть съезд. Однако их заявление, что любые решения, принятые отныне, то есть после 17 февраля, будут незаконными, не возымело на оставшихся должного влияния. Значительная часть левой фракции вернулась на съезд.

Съезд продолжил работу. И становилось ясно, что она может быть успешно завершена. Военное шуро упрочит свои позиции, а самое главное — республика Идель-Урал, опирающаяся на принцип самоопределения всего народа, будет провозглашена.

Настроение большинства съезда особенно изменилось в радикальную сторону после того, как была перехвачена телеграмма местного Совета о задержании и разоружении мусульманского финляндского полка, направленного в Казань с ведома центральных властей. Явственно обнаружилось стремление не допустить создания «Идель-Урала». Так, по инициативе казанских большевиков был срочно созван съезд Советов Волжско-Камского бассейна с приглашением представителей десяти губерний. На нем принимается решение о фактическом дублировании идеи Идель-Урала и организации особого «Урало-Волжского штата».

Практически этот проект повторял все этногеографические параметры уфимского проекта. Но при одном существенном отличии: самоопределялся не народ (нация), а только его часть в «лице своего пролетариата и беднейшего крестьянства». В этом была соль. Классовая республика противопоставлялась общенародной.

Время торопило события. Судьба власти решалась днями и часами. Учитывая, что верхняя часть Казани контролировалась Совдепом, делегаты съезда во главе с И. Алкиным переходят в татарскую часть города. Здесь, за протокой Булак, создается центр по образованию и защите Идель-Урала, разместившийся в одной из мечетей. Помощь ему предлагали многие представители антибольшевистских сил. Однако Алкин и другие члены центра вели себя осторожно и старались не давать повода для политических обвинений. Им и Галимджаном Шарафом, одним из основных разработчиков проекта «Идель-Урал», был составлен и срочно отпечатан универсал (ферман), провозглашавший образование автономной Идель-Уральской республики.

Читая этот документ уже в наше время, отдаешь должное взвешенности и государственной мудрости его авторов. Идель-Уральская республика рассматривалась как федеративная часть Российской советской рабоче-крестьянской республики. Ферман завершался призывом: «Граждане — русские, чувашаи, черемисы, евреи и другие народы! На нашем знамени написано братство народов. В этот исторический день подайте нам братскую руку».

Торжественное провозглашение республики должно было произойти 1 марта 1918 года на Театральной площади Казани в 3 часа дня. Текст фермана был расклеен по всему городу.

Обстановка в городе была тревожной. Мусульманские части колебались, их преданность Совстам вызывала сомнения. Были пущены слухи о том, что в день провозглашения фермана намечено выступление офицеров против мест-

ایدل اورال توکیمی

КАЗАНЬ.

Въ пятницу, 1-го марта (н. с.) 1918 г. въ 3 ч. дня
НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

ИМѢЮТЪ БЫТЬ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ

ФЕРМАНА (Универсала)

ОБЪЯВЛЕНИЯ АВТОНОМИИ

ИДЕЛЬ-УРАЛЬСКОЙ

РЕСПУБЛИКИ

какъ федеративной части Россійской Совѣтской
Рабоче-крестьянской республики.

ГРАЖДАНЕ — русскіе, чувашіи, черемисы, егеря и др. народы! Мы пишемъ
этимъ же написано братство народовъ — въ этотъ историческій день поднимите
платье братскую руку.

ГРАЖДАНЕ! Знаменуйте этотъ историческій день.

2-я Язык. Мус. Язык. Собрания, Комитетъ по осуществлению республики и др. органы, мус. организации
соединяются на кадетской Собрания.

Объявление автономии Идель-Уральской республики.

ного Совдепа. Из Петрограда поступили сведения о продолжающемся наступлении немцев.

Сейчас можно по-разному оценить происходившее в февральско-мартовские дни в Казани и вокруг нее. Но совершенно очевидно, что существовавшая власть не могла допустить появления другой, параллельной и базирующейся на иной идеологии. И вот со ссылкой на осложнение положения в связи с наступлением немцев в городе был образован чрезвычайный орган — военно-революционный штаб из семи человек, в который от татар-большевиков вошли М. Султан-Галиев, К. Якубов. В ночь на 28 февраля по решению штаба были вероломно арестованы братья Алкины, Токумбетов, Музафаров и ряд других активистов Вошуро. Зная решительность большевиков в ликвидации противников и опасаясь за жизнь своих лидеров, Вошуро и оставшиеся на свободе руководители съезда согласились в обмен на освобождение арестованных не провозглашать республику и принять ряд других требований, фактически упраздняющих мусульманские военные организации.

Дальнейшие события развивались весьма драматически. Попытки создать новые органы власти Идель-Урала, продолжавшиеся около месяца, окончились безуспешно. Полагаю, нам не стоит повторять запущенные тогда в политический оборот уничижительные ярлыки «учредилка», «забулачка» и тому подобные термины. Но факт остается фактом: реанимация идеи неклассовой республики в татарской части города не состоялась, к началу апреля эта республика практически без сопротивления прекратила свое существование. Причина скорее всего не только в большевиках. Февраль — март были пиком развала старой армии, люди не хотели воевать ни под каким флагом. Самые внушительные в количественном отношении мусульманские части, впрочем, как и другие, распадались на глазах. В Уфе свернула зеленое знамя и возвратила его руководителям Национального управления, казалось бы, наиболее надежная часть войск «Идель-Урала» (11).

«Горячее лето» 1918-го ознаменовало собой начало новой фазы гражданской войны, которая тлела с начала года. Для И. Алкина ее перипетии начались в августе, когда лихим набегом немногочисленные силы учредилловской Народной армии и чехословаков захватили Казань. Это было военное фиаско большевиков. Один из наиболее динамичных лидеров Народной армии подполковник Каппель телеграфировал в Самару, что потери не превысили 25 человек. Это при взятии огромного города, центра округа, где были расположены десятки частей!

Ситуация в Казани была фантазмагорическая. Хотя при взятии города произошли бессудные расстрелы, в целом «учредилловская» администрация пыталась установить и наладить подобие демократических порядков. Работали профсоюзы. Часть большевиков спокойно оставалась на местах, действуя на легальном и полулегальном положении. Фронт находился в нескольких десятках километров от Казани. Линия его была легкопроницаема для обеих сторон. Город постоянно бомбили красные. Прямой ущерб был невелик, но бомбежки вызывали нервозность у населения и поддерживали дух тех, кто ожидал возвращения красных.

Некоторые воспоминания дают нам возможность судить, что И. Алкин весьма неохотно принял предложение новых властей стать помощником особоуполномоченного Комуча в Казани по национальным делам, а точнее, по мусульманскому населению. Но никаких особо крупных мер по этой части он не предпринимал. Так, под его руководством состоялось несколько совещаний по мобилизации татар в армию, не давших значительного эффекта. Впрочем, в поведении Алкина были и загадочные моменты, некоторые из них становятся ясными только сейчас, и то не до конца. В отечественной исторической литературе долгие годы деятельность Алкина в августовской Казани однозначно оценивалась как служба и активное пособничество белогвар-

дейцам. Но вот несколько штрихов. Один из них касается и нашей семьи.

В первые дни после захвата города белочехами на одной из улочек, прилегающих к Сенному базару, был расстрелян чешским патрулем брат моей бабушки Закир Саид-заде. Просветитель, автор нескольких драм, приятель Тукая, он не был никаким революционером, но на свою беду в качестве члена какого-то комитета участвовал весной во вселении бедноты в байские особняки Забулачья. Увидев его на улице, один из «обиженных» сказал проходившим чехам, что это чуть ли не главный татарский большевик. Бросившегося бежать драматурга догнали и пристрелили в одном из дворики. О случившемся поведали примчавшийся на «Третью гору», где жил мой дед, учитель русско-татарской школы Галиаскар Сагитов, его бывший ученик Ахметзян Алмаев. Тела Закира и нескольких других бедолаг были выставлены на Сенном базаре. Военные заявили деду, что только Ильяс Алкин может дать распоряжение о выдаче тела для захоронения.

Дело было уже к вечеру, присутственное место помощника особоуполномоченного было закрыто, и дед отправился в дом Алкиных на Воскресенской. Разрешение было получено без всяких формальностей, и на следующий день состоялись похороны. Но вот какая деталь: по семейным преданиям, дед под большим секретом рассказал домашним, что в доме Алкиных весьма спокойно сидели за ужином несколько большевиков. Причем один из них, известный деду еще по учебе Исхак Казаков, даже поговорил с ним и выразил соболезнование, заметив, что он еще припомнит это подлецу, который подвел Закира под расстрел.

Впервые услышав об этом, я не поверил. Наверное, тут какая-то путаница, не мог же «враг народа» прятать большевиков. Но жизнь намного сложнее наших удобных схем...

Несколько лет тому назад, изучая дела ЧК, пытаюсь выяснить некоторые обстоятельства ареста Бари Баттала, я неожиданно обнаружил документы, развеявшие мои сом-

нения. Действительно, оказалось, что Исхак Казаков скрывался у Алкина, и хотя его искала контрразведка, тот вместе с Бари Батталом помог ему найти надежное убежище! В тех же материалах было сказано, что ни Алкин, ни Баттал никакого отношения к смерти Вахитова не имеют. Есть достаточно правдоподобная версия и о том, что другой большевик — Хаджи Габидуллин, будущий председатель Совнаркома республики, написал из тюрьмы письмо своей приятельнице Гайнель-Хаят Маминой с просьбой передать его Алкину (12). Габидуллин был сразу же освобожден. Я бы не стал делать из подпоручика Ильяс Алкина нового «Штирлица», тайно служившего большевикам. Очевидно, речь может идти о поступках интеллигентного человека, для которого политические противники еще не стали объектом испепеляющей ненависти. Такие примеры в годы гражданской войны, особенно со стороны белых, были не так уж редки.

Накануне падения Казани в начале сентября 1918-го Ильяс Алкин уезжает в Самару, где находился политический и идеологический центр «учрежденийского движения». Сильный отпечаток на его дальнейшую политическую биографию наложили попытки демократов найти «третий путь», не «белый» и не «красный».

Алкин не стоит в стороне от этого довольно широкого, мощного процесса, он его активный участник. После ухода из Самары под натиском красных он перебирается в Уфу, в Екатеринбурге выступает уже в роли заместителя председателя Комуца.

Однако «рыцари третьего пути» вызывали раздражение и красных, и белых. Их не жаловали ни те, ни другие. Гражданская война диктовала свои законы, и жестокость тут была обоюдная, как бы ни пытались доказать обратное в экстазе ниспровержения прежних идей-символов бурно расплодившееся племя новообращенных, пребывающее в рамках все того же одномерного сознания. Достаточно почитать хотя бы Василия Шульгина, одного из основателей

Добровольческой армии. В книге «1920», подводя итог своим наблюдениям, он писал: «Белое движение было начато почти святыми, а кончили его почти что разбойники». Суровый приговор был вынесен и противоположной стороне: «Красные начали почти как разбойники, хотя и стремились к святости». Вот и интеллигентный моряк и подававший большие надежды ученый-гляциолог Александр Колчак при всех его симпатичных качествах, о которых сейчас постоянно пишут, терпеть не мог ни демократию, ни национальные движения. И стреляли его подчиненные, особенно в начале, не только в красных, большевиков но и в их оппонентов — эсеров и меньшевиков. Комитет членов Учредительного собрания, обосновавшийся в Екатеринбурге, был по приказу Колчака разогнан, а И. Алкин арестован. Правда, ненадолго — Ильяс сумел бежать с помощью сочувствующих офицеров, помнивших его по училищу.

И снова крутой поворот судьбы. Не найдя общего языка с большевиками, в стане Дутова, а затем Колчака оказался руководитель башкирского национального движения Заки Валиди. Безусловно, это был самый яркий и подготовленный лидер восточных мусульманских регионов России. Хотя башкирские войска входили в состав вооруженных сил сибирского правительства, Валиди стремился не ввязываться в особенно крупные и кровопролитные бои на стороне колчаковцев. И, как показали дальнейшие события, был прав.

Хорошо зная Алкина еще по Казани, а затем по мусульманскому движению после падения самодержавия, Валиди высоко ценил его профессиональные военные знания и политический опыт. Назначенный на должность начальника штаба башкирских войск, подпоручик Алкин (13) проделал огромную работу по упорядочению структуры войск, обучению командиров азам штабного дела, по организации военно-учебных заведений и, конечно же, по широкой пропаганде «башкирского пути» создания национального государства. Судя по воспоминаниям Заки Валиди (которые

можно считать своеобразной «энциклопедией» гражданской войны на востоке от Волги), Алкин пользовался большим авторитетом у башкирских офицеров — лихих рубак, веривших в то, что Заки ага поможет осуществить вековую мечту о самостоятельном башкирском государстве (14).

И Валиди, и Алкин при всех своих противоречиях и с большевиками, и с белыми не собирались в тот период отказываться от социалистических идей, хотя они уже были существенно скомпрометированы практикой советского строительства, с одной стороны, и политической расхлябанностью и беспринципностью учредителей — с другой. Не забудем, что первая четверть XX века в мире и особенно в Европе — это «медовый месяц» социализма во всех его модификациях, ему отдали дань многие великие умы человечества. По мысли Валиди, башкиры вместе с лидерами Алаш-Орды, в программе которой социалистические идеи почти отсутствовали (Алихан Букейханов был сторонником кадетских взглядов), должны были объединить свои политические платформы в рамках единой башкирско-казахской социалистической партии. Разработка ее программы была поручена Алкину. Однако в силу ряда причин его теоретические разработки не рассматривались, и после краткого обсуждения в узком кругу был принят написанный Валиди проект создания партии «Ирек» (Воля) (15).

Уже в конце 1918 года лидеры башкирского движения во главе с Валиди начинают «зондировать» почву для перехода на сторону большевиков. Этому способствовало разочарование в политике правительства Колчака, не желавшего учитывать интересы национального движения башкир, татар и казахов и настаивавшего на сакраментальной формуле «единой и неделимой» без всяких корректировок. Лозунги большевиков на этом фоне выглядели предпочтительнее.

Подготовка столь решительного шага напоминала сюжет «крутого» детектива с тайными переговорами, взаимным недоверием, секретными эмиссарами и т. п. Главными

действующими лицами на этом сложном и драматическом пути у башкир были Валиди, Алкин, Мстислав (Мухаметжан) Кулаев, у большевиков — получивший большие полномочия М. Султан-Галиев и военные деятели В. Куйбышев, Г. Гай.

К сожалению, процесс перехода на сторону красных был для башкирских частей омрачен рядом кровавых инцидентов, в которых были повинны в основном фронтовые части, не всегда управляемые из центра. Не сумели или не захотел признать к порядку некоторых командиров полков, стрелявших в безоружных башкир, и командарм Гай (16).

Прибывшие в Оренбург в конце февраля 1919 года Валиди и Алкин, а также делегация Алаш-Орды во главе с Байтурсуном были встречены командованием красных частей и через день отправлены в специальном салон-вагоне в Москву. Здесь Валиди и Алкин были приняты Сталиным и Лениным. Так началось длившееся около полутора лет сотрудничество с большевиками башкирских политических деятелей, стоявших у истоков создания республики. Алкин в этот период воспринимался властями в Москве как видный деятель Башкирии и правая рука Валиди. Он неоднократно встречался со Сталиным, Преображенским, Крестинским, Стасовой, Пятаковым, Султан-Галиевым — с теми, кто в тот период занимался по поручению Ленина созданием национально-государственной структуры из обломков развалившейся империи.

Можно по-разному относиться к дальнейшим действиям большевиков, особенно после окончания гражданской войны. Но ретивым «отцам» и «матерям» наций, толкущимся на митингах, и тем, кто по-дилетантски подбрасывает им «горючий материал», не мешает напомнить, что никакой другой режим, включая и тот, что мог быть установлен в случае «учредительного» варианта новой России, не пошел бы на создание национально-государственных образований. Это делали большевики, это делали Ленин и его в то время правая рука в национальном вопросе — Сталин. При-

чем этот процесс происходил при активном противодействии не только немалой части губернских деятелей типа Ходоровского, Антипова, Эльцина, но и значительной части членов ЦК и наркомов. Не берусь давать нравственную оценку всем действиям Ленина да и, как показывает политика, подобные оценки бесполезны, но не случайно именно создание им республик вызывает глухое, а подчас и визгливое раздражение лиц, мечтающих о возрождении «единой и неделимой». К сожалению, в хоре тоскующих по прошлому — не только «отставной козы барабанщики» вроде Руцкого, пытающиеся идеализировать и использовать в своих корыстных целях имя Столыпина, или шустрый «сын юриста», рвущийся к Индийскому океану. Меня огорчило, например, появление на этой политической «барахолке», торгующей изношенными и засаленными от неумеренного употребления идеями, такого крупного историка и мыслителя, как Д. Волкогонов.

Союз с большевиками для Валиди и Алкина закончился трагически. После окончания гражданской войны, когда, очевидно, и Ленин и Сталин, в отличие от «буревестника мирового пожара» Троцкого, стали понимать, что новую систему придется строить одним, начался процесс «отсрочки» обещаний и щедро розданных в разгар смуты политических векселей, а затем и их «денонсации».

В первую очередь это испытала Башкирия. В мае 1920 года был принят целый пакет новых инструкций и подзаконных актов, которые отбирали у республики некоторые права, что были обещаны при подписании соглашений в 1919 году. Валиди, уехав из Москвы под предлогом лечения, в знак протеста покинул свой пост председателя Военно-революционного комитета, за ним в отставку вышли практически все находившиеся в Стерлитамаке — столице Башкирии — члены правительства (17).

Вскоре большая часть бывших руководителей республики была задержана в различных местах, под конвоем доставлена в Оренбург и подверглась интенсивным допро-

сим. Алкина арестовали в одном из самых отдаленных уголков Башкирии — Тачуранском кантоне, где работал секретарем ревкома один из самых видных деятелей Туркестана Убайдулла Ходжаев. За компанию взяли и его.

Очевидно, Политбюро и Ленин придавали большое значение этим событиям. Судя по увиденным автором очерки протоколам заседаний, «башкирские дела» обсуждались неоднократно, а 14 сентября по предложению Сталина, поддержанному Лениным, принимается решение о переводе всех арестованных членов Башревкома в Москву. Всего по этому делу арестовали 10—12 человек, в том числе и двух большевиков-татар — Исхака Рахматуллина и Камала Каспранского, направленных ЦК в состав Башревкома для «догляда» за Валиди, но разделивших крамольное решение членов правительства об уходе в отставку.

В Бутырской тюрьме Алкин пробыл около пяти месяцев, вначале в одиночке, а затем вместе с Фатыхом Тухватуллиным, уроженцем Татарстана, тоже занимавшим видные посты в Башревкоме. В конце декабря 1920 года его одновременно с Ходжаевым выпустили из Бутырки.

Вдвоем они отправились к секретарю ЦИКа Авелю Енукидзе. Тот, приняв обоих без промедления, заметил, что без указания Сталина решить их дальнейшую судьбу не может, а возвращение в Башкирию им запрещено. Кажется, что дальше ходу нет. Но к 1921 году нравы в высших инстанциях власти еще не успели втиснуть в жесткие бюрократические рамки, тем более в отношении крупных деятелей. Одни могли позволить себе либерализм, другие — расценивать все-таки на снисхождение (18).

Как бы там ни было, нарком не стал уподобляться рассерженному громовержцу. Встреча со Сталиным состоялась в его кремлевской квартире после рабочего дня, ближе к полуночи. Он принял двух «бутырцев», приветливо и участливо расспросил о планах на будущее. В беседе с Алкиным будущий генсек дал высокую оценку его позиции в период сближения башкирских деятелей с Москвой, за-

явив, что тот сумел оказать благотворное влияние на несклонного к компромиссам Валиди. Разговор был раскованным, непринужденным, насколько это позволяла обстановка в положении. Любопытна и такая деталь: Сталин, обращаясь к обоим «гостям», примирительно заметил, что и сам был в молодости националистом, но теперь «изжил этот порок». Ходжаев промолчал, Алкин тут же отпарировал, что ему «изживать нечего». Ответом на эту дерзкую выходку была улыбка... и молчание.

Что крылось за всем этим, сказать трудно, Сталин предпочитал глубоко прятать свои мысли и намерения. Пока ничто не предвещало беды.

Глубокой ночью Ильяс и Убайдулла вышли из Кремля, сели в машину Сталина, которая отвезла их в общежитие Наркомнаца на Пречистенке, где им выделили по комнате. Алкин по рекомендации наркома был принят на работу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в качестве заведующего кабинетом экономики и географии зарубежного Востока с правом проведения практических занятий со студентами (ректором КУТВ был Бройдо, бывший меньшевик из Ташкента, вступивший в ряды большевиков и весьма активно поддерживаемый «чуждым грузинцем»). Одновременно он становится студентом экономического отделения института народного хозяйства имени Плеханова, который окончил в 1925 году.

Жизнь входила в иные берега, и нужно было делать окончательный выбор. Вариантов же оставалось крайне мало. На каком из них остановился Алкин и почему?

Конечно, мы не можем достоверно смоделировать ход мыслей нашего героя. Однако, судя по его действиям, вырисовывается следующее.

Да, формально отпущение грехов состоялось. Но разве большевики забудут его резкие конфликты и политические столкновения с ними, произошедшие в 1918-м, 1919-м? А если так, то рассчитывать на «допуск» к государственной деятельности не приходится. А вообще политика? Что

же, он находился в эпицентре многих судьбоносных событий, побывал во многих экстремальных ситуациях. За неполные три года его арестовывали 8 раз, 4 раза сажали белые и столько же — красные. Круг друзей и соратников поредел: многие эмигрировали, некоторые погибли или покончили жизнь самоубийством (так, свел счеты с жизнью его родственник Шайхулла Алкин, повесившийся в мечети караван-сарая в Оренбурге). Оставшихся власти взяли на заметку, и общаться с ними было просто опасно. Даже верный большевик Султан-Галиев, который, выполняя волю партии, блестяще провел переговоры с Валиди, тоже попал и опалу и после освобождения из тюрьмы стал фактически изгоем.

Мыслящий логично и системно, Алкин не мог не понимать, чем будет сопряжено возвращение на прежнюю стезю. Оставался один путь — в науку, тем более что шла перестройка экономики и специалисты в этой области были нужны. Принимая такое решение, он, наверное, имел в виду и расположение Сталина, направившего его в КУТВ, но не только. Еще в период подготовки проекта «Идель-Урал» Алкин многому научился у Шарафа, которому принадлежала довольно важная часть этого проекта.

Что же касается взглядов, то насиловать себя и менять убеждения не было необходимости. Социализм для Алкина оставался идеалом: несмотря на некоторые, как он думал, болезни роста, его облик не терял привлекательности.

Однако где же бросить якорь? Тянуло в Казань, но о ней нельзя было даже мечтать. Алкин явственно ощущал, что гражданская война, закончившаяся на фронтах, продолжалась в умах людей, в идеологии. Да что там ощущал! Для преобладающей массы казанских функционеров, особенно из татар, он был символом «притаившегося классового врага». Учтивая, что большинством антибольшевистских лидеров татаро-башкир — Максудов, Валиди, Туктаров, Исхаки, Баттал — находились за рубежом и весьма активно вели там антисоветскую работу, именно на нем,

фигуре не менее крупной, они сконцентрировали классовую ненависть. Зная обо всем этом, Алкин вполне мог припомнить пословицу: «Милует царь, да не милует псарь».

Итак, Москва. Здесь прошла вся оставшаяся жизнь Алкина. С марта 1923 года он становится лектором-ассистентом кафедры экономики КУТВ. Известно, это этот международный вуз, носящий с августа того же года имя Сталина, был призван готовить профессиональных революционеров для стран Востока, и любые назначения туда проходили через ЦК. Вплоть до 1930 года шло восхождение Алкина по академическим ступеням. Специальностью своей он избрал экономику Средней Азии. Очевидно, выбор региона определялся как личными мотивами — в старой Бухаре работала врачом жена, там же служил в органах милиции ее брат Аскар Мамин, с которым его связывали давние добрые отношения, так и возможностью быть подалее от татаро-башкирских проблем. Не исключено, что был принят во внимание и совет Сталина, который во время встречи после освобождения из Бутырок дал высокую оценку анализу положения дел в Туркестанском регионе, сделанному Алкиным.

Вплоть до 1927 года ежегодно он руководил практикой студентов КУТВ в Средней Азии. В их числе было немало талантливых людей, ставших вскоре видными деятелями среднеазиатского региона — председателями совнаркомов, секретарями ЦК национальных коммунистических партий и т. п. Среди интеллигентов из узбеков, казахов, представителей других народов региона часто встречались лица, активно работающие в национальном движении и принимавшие участие в гражданской войне с обеих сторон, знающие Алкина еще с тех давних времен. Большинство из них примирилось с существующими политическими реалиями и по мере возможностей пыталось адаптироваться к новой строю. Назовем, например, Убайдуллу Ходжаева, Кочинбека, Муннавара-Кары, Саид-Мухамеда, Фитрата, с которыми Алкин встречался во время экспедиций. Они дава-

ли ему ценнейшую информацию по истории экономического развития региона, этнографии. В частности, Саид-Мухамед еще при бухарском эмире был главным экспертом по пакуфам (земли духовенства) и земельным отношениям, его знания оказались нужны и наркомзему Узбекистана.

В эти же годы произошли изменения и в личной жизни Алкина. Его женой стала молодой историк Вера Букалова. В 1926 году родился сын. Георгию Ильясовичу Алкину, ныне живущему в Москве, автор обязан многими деталями биографии героя очерка, относящимися преимущественно к особенностям его личности.

Наученный горьким опытом прошлого, доцент КУТВа и активный член научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем И. Алкин демонстративно дистанцируется от всяких политических проблем, особенно связанных с ситуацией в Татарии и Башкирии. Это не всегда помогает. В 1927 году его неожиданно отзывают из экспедиции по изучению хлопкового дела. Причину объявили по приезду в Москву: группа коммунистов-татар из Казани написала в ЦК ВКП(б) о том, что «контрреволюционер Алкин» не имеет права заниматься партийной наукой — экономикой. Однако дело «спустили на тормозах».

Факт сам по себе был заурядный: политическая борьба, принимавшая самые ожесточенные, патологические формы, никого уже не удивляла. Правда, это были «раскаты грозы», и когда она разразится, никто в то время еще не знал. Но предупреждение сыграло свою роль: только наука и никаких контактов с любым, кто может втянуть в политику, — таков, очевидно, был жизненный принцип Ильяса Алкина накануне большого террора.

Мы уже писали, что за плечами его было восемь арестов в годы гражданской войны. Девятого пришлось дожидаться десять лет...

В архиве ФСК РФ по моей просьбе Вячеслав Николаевич Якушев, человек, много делавший для того, чтобы мы

Ильяс Алкин. Фото из следственного дела.

могли узнать правду о прошлом, какой бы горькой она ни была, дал возможность ознакомиться с уникальными документами, вероятно, впервые предоставленными исследователю. Они мало что дают для характеристики самой политической деятельности Алкина, но без них не понять атмосферу 30-х годов, когда чувство обреченности стало уделом многих, и особенно тех, кто имел несчастье быть активным политиком в прошлом (19).

Итак, «Дело № 104975. Алкин И. С.». Начато 1 ноября 1930 года. Первая страница — «Ордер на обыск и арест» по адресу: Москва, Кривоарбатский переулок, д. 12, кв. 9. Арест и обыск, судя по протоколу, заполненному в тот же день, произвел оперуполномоченный 3-го отделения особого отдела ОГПУ Аракчеев. Дальше малопонятные теперь строки: «арестован по списку 3 отдела, § 5». Скорее всего это частица огромного дела, в котором были названы категории лиц, подлежащих задержанию. Принцип «частой сети» — авось что и попадется. В протоколе допроса для нас нет ничего нового: добросовестное перечисление «установочных данных». Отдельным сюжетом идут подробные вопросы о деятелях Средней Азии, особенно об У. Ходжаеве. Очевидно, органы интересовались не самим Алкиным, а его контактами с работниками этого региона. Ответы

звешенные, никаких компрометирующих данных нет. Это было еще сравнительно либеральное время, и физическое воздействие применялось крайне редко. Не прибегали к нему, наверное, и сейчас.

Алкин никак не может перестроиться на режим «сидельца». В нескольких заявлениях он подчеркивает, что у него срывается план научной работы, просит перевести в одиночку, дать бумагу, письменные принадлежности для написания 5—6 срочных статей для журналов. Ну, прямо благостная картина из дореволюционной тюремной жизни, когда политические писали целые тома...

Финал совсем неожиданный! На последнем листе — резолюция: «22 ноября. Обвинения не подтвердились. Уполномоч. 3-го отдела Айзенберг, зам. нач. особого отдела Дьяков». И тут же следует «распорядительное решение коллегии ОГПУ начальнику Бутырской тюрьмы», обязывающее последнего с «получением сего немедленно освободить Алкина».

Поработав в архивах КГБ, с некоторыми именами встречаешься как со старыми знакомыми. В 1928 году Дьяков и Айзенберг, будучи сотрудниками восточного отдела ОГПУ, вели вместе с Алмаевым дело Султан-Галиева и других «националов». Очевидно, и в особом отделе выполняли те же функции. Алкин их интересовал только косвенно и потому, наверное, был освобожден. Впрочем, не исключены и другие варианты, вплоть до вмешательства высших инстанций. По крайней мере, можно говорить о какой-то многоходовой комбинации. На эту мысль наводит наложенная карандашом резолюция на обложке дела: «Освободить без права выезда в Башкирию».

После освобождения Алкин работает еще более интенсивно. Публикует в журналах ряд статей по экономике и развитию колхозной системы в Средней Азии. Ничего крамольного в них нет, особенность — огромный цифровой материал, выкладки, возможно, для будущих исследователей. В 1931 году появляется его главное детище — ему отдано

более семи лет жизни — книга «Средняя Азия. Экономико-географический очерк Кара-Калпакстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Часть I». Работа уникальная, она должна была, по мысли автора, «открыть» трехтомный труд по фундаментальным проблемам истории и экономики Средней Азии. Именно за эту книгу, охватывающую собой целую эпоху, Алкину вскоре было присвоено звание профессора.

А дальше произошло то, что скорее всего и должно было произойти. В двенадцатом номере журнала «Революция и национальность» за 1932 год (это издание считалось основным в разработке теоретических проблем национальной политики) появляется большая рецензия, название которой делает излишним ее изложение — «Контрабанда буржуазной идеологии под флагом экономгеографии». Автор — Амина Мухутдинова, помощник заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Жанр — что-то вроде по-меси политического доноса и малограмотных попыток рассуждать на отвлеченные темы.

А Мухутдинова — фигура в национальном движении известная, в годы гражданской войны была близка к Субхи и другим видным деятелям, окончила Казанский университет. Рецензия явно заказная: цековский работник по малозначашим вопросам выступать не будет. Автор рецензии, громя Алкина, даже в самых страшных снах не могла представить, что через несколько лет их «семейный» знакомый, тоже работник ЦК Николай Ежов подпишет ордер на арест персонального пенсионера А. Мухутдиновой и ее мужа, блестящего экономиста, одаренного природой во всех смыслах более чем щедро, Османа Дивеева. Его расстреляют в Казани в мае 1938 года, когда выездная сессия военной коллегии Верховного суда под руководством Матулевича за два дня вынесла смертный приговор более 100 ответственным работникам Татарской и Марийской республик. Мухутдиновой «повезет» — она получит 5 лет ссылки и умрет в заполярной Сибири.

До 1937 года в жизни Алкина особых перемен не происходит. Активная научная деятельность, семейные радости — растет сын, жена становится кандидатом исторических наук. Меняется только место работы. Профессора Алкина, известного в профессиональных кругах картографов, видного специалиста по Востоку, приглашают руководителем отдела Средней Азии в институт по изданию большого атласа мира. Одновременно он читает лекции в МГУ и педагогических учебных заведениях.

Долгие годы мы ничего не знали о последнем периоде жизни Ильяса Саидгиреевича Алкина. Предположения высказывались разные. Ходил слух о том, что в 1937 году, когда начался «расстрельный беспредел», он, зная, что обречен, не вернулся домой, исчез и умер в какой-то богом забытой глуши. Что ж, такие случаи бывали. Но Алкин разделил «обычную» участь миллионов жертв сталинского террора.

«Гроза» грянула 22 сентября 1937 года: его арестовали в десятый и последний раз. Ордер на арест и обыск заполнил старший сержант ГБ Адарчук. Он же будет вести дело Алкина в последние отмеренные ему судьбой дни.

Судя по акту, изъяли много рукописей, папок, картотеку по истории Средней Азии. Библиотеку, насчитывающую около десяти тысяч томов уникальных книг по истории Востока, пока опечатали — ее заберут и растащат позднее. Уже 13 октября предъявили обвинительное заключение: «Активный участник пантюркистской контрреволюционной шпионско-террористической организации». У этой «организации» оказался блестящий состав: секретари ЦК и председатели совнаркомов республик Средней Азии, видные ученые: из татар — Хаджи Габидуллин, бывший председатель СНК Татарии, затем руководитель отдела высшего образования и науки Наркомпроса и заведующий кафедрой стран Востока МГУ.

Все они во всем «признались». Включая и попытки убить товарища Сталина. По этому «делу», по знакомому сюже-

ту, проходил и Алкин: «В 1934—35 гг. в КУТВ Алкин вместе с Сахат-Муратом (бывший секретарь ЦК Туркмении) и Габидуллинным обсуждали вопрос о совершении террористических актов над руководителями партии и правительства и в первую очередь над Сталиным». Это — выписка из обвинительного заключения. Алкиным занимались кроме Адарчука начальник 4-го отделения 3-го отдела ГУГБ капитан Дзиов. Протоколы допросов утвердил помощник начальника 3-го отдела Черток, тот самый, о котором писал Анатолий Рыбаков в своем романе «Дети Арбата».

Что происходило с Алкиным и другими обвиняемыми, можно представить по содержанию одного документа. В 1940 году судили Бегербек Урусбиевича Дзиова, 1903 года рождения, помощника начальника 3-го отдела ГУГБ, капитана ГБ (20). Его фамилию мы только что упомянули. Обвинили его в участии в заговоре в центральных органах НКВД во главе с Николасвым-Джуридой. Это уже убирала «ежовцев», выполнявших грязную работу. Руководил «уборкой» «либерал» Берия.

Но вернемся к Дзиову. Колоритная это фигура, Дзиов, даже по тем временам. При обыске во время ареста у него изъяли 11 пистолетов, 2 винтовки, 700 патронов и 5 кинжалов. Оружие это было богато инкрустировано. Очевидно, падок был капитан ГБ во время обысков на чужое добро. Но для нас важнее другая деталь — изъятая полицейская резиновая дубинка немецкого образца. Она, как говорится, проливает дополнительный свет на показания свидетелей, судя по всему, побывавших в руках Дзиова в 1937 году. Один из них утверждал, что Дзиов зверски избивал его, добываясь показаний, а потом — наверное, получив другую установку, — начал теми же приемами выколачивать отказ от прежних показаний. По словам другого, Дзиов спокойно заявил ему, что вчера в Лефортово они с Прокофьевым забили насмерть некоего Сомса, и то же будет с ним, если он станет отпираться. Причем, демонстрируя дубинку, обронил фразу: «Будет бить, как в геста-

но. Они это хорошо умеют». Сам обвиняемый чекист перед окончанием следствия сказал, что работа была напряженной, «допрашивали форсированно», особенно латышей, и некоторые из них «получили смертельный исход». Расстреляли капитана Дзиова 1 февраля 1940 года. Этот месяц стал последним для многих «ежовцев», включая и самого бывшего наркома. Тогда же были расстреляны и Михайлов, нарком НКВД Татарии, и его заместитель Шелудченко.

Ну а в октябре 1937 года Дзиов и Черток еще сами допрашивали Алкина и его «подельников». Теперь понятно, почему они признались во всем том, что им инкриминировали. Судили Ильяса Алкина 27 октября того же года по статьям 58-6, 58-8 и 58-11. Председателем суда был печальной памяти небезызвестный армвоенюрист Василий Ульрих. Обвинения, предъявленные И. Алкину, читателю уже известны. Не был неожиданностью и приговор: «К высшей мере уголовного наказания — расстрелу». Приговор был окончательный и подлежал «немедленному исполнению». Расстреляли Алкина в точном соответствии с законом в тот же день. Может быть, и в суд не приводили. В тексте приговора почему-то не указано, как обычно делось, время судебного заседания.

Где похоронен Алкин — неизвестно. Были предположения, что в подмосковном поселке Бутово, там находился стрелковый полигон НКВД. Туда привозили, в отличие от казненных в Лефортово и на Лубянке, живых. Расстреливали там же на полигоне и зарывали в заранее выкопанные траншеи. По другой версии, он упокоился где-то в общей могиле московского крематория, куда ссыпали прах расстрелянных.

Жену арестовали через месяц. Вера Михайловна провела в лагерях и ссылке отмеренные ей Особым совещанием 8 лет. После смерти Сталина начала, как и многие миллионы выживших, хлопоты о собственной реабилитации и реабилитации мужа. Реабилитировали быстро. Правда, по

инструкции того времени и солгали: в справке было написано, что «...Алкин И. С. умер, отбывая наказание, 4 мая 1939 года». «Продлили жизнь» почти на полтора года. Так и умерла она, полагая, что могли и увидаться где-то на этапе. Горькую правду было суждено узнать уже сыну.

...Зловещей оказалась все же улыбка Сталина. Так ведь он преспокойно мог и облобызывать уже обреченного им на смерть. А с тем читателем, который написал, что Алкин — фигура великая и в истории России и Татарстана значит не меньше, чем личности Вахитова и Султан-Галиева, я, пожалуй, соглашусь. И собственные впечатления подтверждают это: человек он, очевидно, был очень симпатичный. И в Казанском реальном училище Ильяса любили все, даже хмурый крепыш и драчун Вячя Скрыбин, звавший Алкина Илюшей и переживший его на 55 лет. О таких обаятельных людях в народе говорят: «Его ангел поцеловал в колыбели». Но, видно, и дьявол тоже не дремал.

Примечания

1. В литературе, посвященной истории общественно-политических движений России, понятия «мусульманин», «мусульманский» как правило, не носят сугубо конфессионального оттенка и являются скорее термином этносоциальным.

2. В беседе с автором настоящего очерка в 60-е годы один из виднейших в свое время деятелей национального движения Валидхан Танаев (Валякя-абы, как называли мы его в семейном кругу) в присутствии Ильхамии Туктаровой-Богданович, тоже принимавшей активное участие в этом движении в 1917 году, в числе людей, способствовавших взлету И. Алкина, назвал знавших его по Казани и Петрограду А. Цаликова, Г. Исхаки, З. Валиди, известного востоковеда и разведчика, генерала А. Давлетшина и ...А. Керенского.

3. Президиум съезда представлял все основные мусульманские регионы страны — Поволжье, Среднюю Азию, Кавказ, Крым. В него вошли И. Ахтямов, Г. Исхаки, А. Цаликов, Х. Досмухамедов, А. Топчибашев, Ф. Карими, Г. Ходжаев, С. Якубова, Х. Габаши, И. Алкин, Д. Саидахмет, М. Бигиев.

4. См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Мюнхен, 1974.

5. Архив федеральной службы контрразведки Российской Федерации (далее ФСК РФ, д. 104975, л. 39).

6. Архив ФСК РФ, д. 12066, л. 174.

7. Ежов Н. Военная Казань в 1917 году. Краткий очерк. Казань, 1927, с. 65.

8. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Татарстана (ЦХИДНИТ), ф. 336, д. 232, л. 32.

9. Резолюция Мусульманской левосоциалистической фракции областного съезда Советов Волжско-Камского бассейна «Об Урало-Волжском штате» / Архив автора.

10. В 1918 году молодой преподаватель-филолог Самарского университета А. П. Бараников, будущий академик-востоковед, опубликовал уникальную работу «Язык политических партий». Из нее следовало, что ближе всего «к улице» — язык большевиков.

11. Мусульманский полк, сформированный в Уфе, насчитывал около 20 тысяч человек. Его командиру полковнику Бикмееву от имени Милли меджлиса торжественно вручили знамя и передали породистого верхового коня.

12. Мамина вскоре стала женой И. Алкина. Ее брат Аскар Мамин работал в Мусвоенколлегии, впоследствии был убит басмачами в Средней Азии.

13. И. Алкина в литературе упорно продолжают именовать «порщиком». Однако приказом военного мистра 27 августа ему было присвоено очередное звание подпоручика с откомандированием его в распоряжение Вошура.

14. З. Валиди называет в числе татар-офицеров башкирской армии, вносивших большой вклад в ее становление, генерала Ишбулатова, полковника Бикмеева, штаб-офицеров Янбухтина, Чанышева, Суюндикова и др. Однако свой выбор начальника штаба, а несколько позже и заместителя командующего он остановил на И. Алкине, сочетавшем профессионализм военного с огромным опытом политика. См.: Валиди-Тоган З. Воспоминания. Уфа, 1993, Кн. 1, с. 261.

15. С легкой руки Самойлова, писавшего в 20-е годы о событиях в Башкирии и перепутавшего слова «воля» и «волна», в литературе на долгое время утвердилось второе название. Впрочем, в недрах российской бюрократической канцелярии издавна не особенно заботились о точном переводе иноязычных терминов, особенно мусульманских.

16. В 1927 году в Москве была издана уникальная по откровенному описанию этих событий книга активного участника гражданской войны, башкирского военачальника Мусы Муртазина. В ней в частности, в первый и последний раз в открытой печати была опубликована докладная записка «военного комиссара Башкирии» З. Валиди командованию Красной Армии о трагических страницах истории перехода. См.: Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927, с. 207—211.

17. Сам З. Валиди, очевидно, сумел добраться до низовьев Волги, где близ Астрахани находилась кумысолечебница. В конце августа он нелегально участвовал в работе первого Съезда народов Востока в Баку, идею проведения которого выдвинул одним из первых. Жил на квартире у Мустафы Субхи, лидера Турецкой компартии, образованной в Москве. Затем — уже известный период пребывания в Фергане в рядах басмачей, вплоть до ухода с территории Туркестана за рубеж в феврале 1923 г.

18. Заметим, что эта модель поведения Сталина, которую предлагает нам сугубо разоблачительная литература и умело подобранные воспоминания, не точна. Он мог быть и весьма обаятельным. Даже такой непримиримый враг большевизма, как А. И. Толстая, знавшая эту систему изнутри и встречавшаяся со Сталиным, писала на склоне лет о его деловитости и «совершенно небольшевистской любезности».

19. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность также работникам архива и службы связи с общественностью КГБ Татарстана Р. Кашапову, З. Гурской, С. Капула и другим. Они активно содействуют тому, чтобы трагические страницы нашей истории получили объективное и всестороннее освещение.

20. Мы опускаем «пятый пункт» из анкетных данных капитана ГБ, учитывая болезненную реакцию и стремление многих наших соотечественников связывать злодеяния с тем или иным народом. Скажем, что он был «северокавказской национальности».

КАЗАНСКИЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕР ШАГИ-АХМЕТ АЛКИН, МУСУЛЬМАНИН И ФИЛАНТРОП

Речь идет об одной из самых примечательных фигур Старо-Татарской слободы Казани, коллежском советнике, кавалере орденов Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Шаги-Ахмете бин Мухамете, а «по российскому перево-

ду» — Алексею Михайловиче Алкине. Это был яркий представитель рода Алкиных, ведущих свое происхождение из древнего булгаро-татарского аула Шэмэк, что близ Тетюш, и обосновавшихся в Казани с конца XVIII века. Так, по крайней мере, пишет об этом Шигабутдин Марджани, в доскональном знании самого широкого спектра событий истории татарского народа и ее действующих лиц которого сомневаться не приходится. Кстати, Шаги-Ахмет Алкин сыграл немаловажную роль и в судьбе Марджани, когда у того случился очередной конфликт с меценатами и с коллегами-муллами. Враги уже торжествовали победу, но Алкин, по словам Марджани, «без всяких просьб с чьей бы то ни было стороны, а единственно ради торжества справедливости», спас его от преследований и отрешения от должности. А ведь Марджани в этой невыносимой для себя обстановке уже подумывал об эмиграции...

Алкин вошел в историю Казани как гроза уголовников. Предварительно выскажу несколько соображений, возможно, и неприемлемых для некоторых наших борзописцев, привыкших пичкать общество стереотипами о вечно правых революционерах и вечно несправедливых чиновниках, особенно если они относились к правоохранительным службам. Сейчас мы отходим от наивных воззрений на преступность только как на социальное явление, порождаемое капиталистической или иной эксплуатацией. Увы, романтизируемые «буревестником» Челкаши грабили всех, не щадя ни богачей, ни «сырых вдов». Проблемы борьбы против уголовщины остры при любом строе. И до семнадцатого года, и после мы постоянно были недовольны полицией, а затем милицией, хотя, как только покушались на наше имущество, честь и достоинство, мы стремглав бежали и бежим искать у них защиты. Что же касается расхожих штампов о «продажности» царской полиции, «взяточниках-губернаторах», то, очевидно, соблазн использовать власть в личных целях всегда сопутствует их обладателям и толкает какую-то часть чиновничества на злоупотребления.

Увы, и наше просвещенное время не исключение. Брали и в «развитом», берут и сейчас, в смутное время. Причем недавно была даже сделана попытка теоретически обосновать необходимость такого «прикармливания» чиновников. Но всегда были люди, которые при любом строе честно исполняли свой долг перед обществом, защищая его от воров, грабителей, насильников и убийц и прочей малопочтенной публики. Вот к этому разряду честных служителей порядка следует отнести и Шаги-Ахмета Алкина.

Марджани называет его человеком, который держал в руках город и перед которым все трепетали. Эта оценка относится к середине 50-х годов XIX века, когда за плечами бравого помощника полицмейстера Казани был тридцатилетний срок службы.

А начиналась эта служба в 1826 году, когда 19-летний сын поручика Мухамет-мирзы Алкина бывший гимназист Шаги-Ахмет был принят на низшую должность «копииста» (переписчика) в Казанское губернское правление. В 1830 году он становится уже «экзекутором», ему присваивается первый классный чин — коллежского регистратора. Природный ум, недюжинная физическая сила, свободное владение татарским и русским языками, личная храбрость, граничащая порой с безрассудством, привлекают к молодому чиновнику внимание власть имущих, в том числе и самого губернатора.

Заметим, что расхожее мнение о благостной старине, когда якобы чуть ли не забывали о назначении замков, тоже относится к мифам. Во всех больших городах существовали преступные элементы и сообщества. Не была исключением и Казань. Улицы после заката солнца становились опасными, а грабежи в городе и окрестностях, даже убийства были повседневным явлением. Особенно досаждали квартирные кражи и поджоги. Пожары вообще были проклятием Казани, и часто городские события отсчитывались после или до такого-то пожара. Случалось так, что, отчаявшись справиться с разбоями и грабежами, губерн-

ские власти обращались к помощи вызванных на определенный срок казачьих команд из Оренбургского и Уральского войск, как это было, например, в начале 50-х годов. А на Волге у Казани до 1856 года существовала специальная флотилия для борьбы с разбоями на реке.

Очевидно, отмеченные выше качества и определили в 1833 году назначение Шаги-Ахмета Алкина, ставшего к тому времени губернским секретарем, на должность частного пристава, руководителя полиции первой части города. В нее входил весь центр города с правительственными учреждениями, крупными учебными заведениями, монастырями, соборами, особняками крупных чиновников, купцов, помещиков, так что любые происшествия здесь имели особый резонанс. В течение первых двух лет Алкин проявил недюжинную энергию, лично участвуя в задержании преступников. За раскрытие виновников целой серии грабежей в центре города он в 1835 году был награжден золотыми часами с цепочкой и удостоен личной благодарности губернатора. Много разговоров в городе вызвали действия пристава во время тушения пожара в доме купца Синякова. Возглавив оробевших было пожарных, он сумел не допустить распространения огня на близлежащие дома.

В августе 1836 года вся казанская полиция была поставлена на ноги. Ожидалось прибытие императора. За несколько недель до этого удалось привести город в довольно благопристойный вид, убрать покосившиеся заборы, покрасить фасады, посадить в кутузку потенциально опасных «мазуриков» и провести ряд других «профилактических» мер. Традиция, нам всем знакомая доднесь. Николай I, прибывший из Нижнего Новгорода 20 августа на частном пароходе астраханского купца Яралова (регулярного пассажирского движения еще не было), был встречен на берегу военным губернатором С. Стрекаловым и руководством губернии. Среди встречавших находился и Ш. Алкин. Основные объекты посещения располагались в центре города, и поэтому пристав первой части был без-

отлучен от свиты. Только во время посещения императором кафедрального собора в кремле он остался у паперти, дабы не вступать в моральный конфликт со своими мусульманскими принципами. Ознакомление с городом прошло благополучно и вызвало монарше благорасположение. Правда, власти немного перестарались, удалив из университетской клиники всех больных. Однако монарх был в хорошем настроении и с юмором воспринял ответ на свой вопрос о причинах пустоты в палатах в «каникулярное время», сказав, что впервые встречает каникулы в больнице и расскажет об этом опыте в столице. Алкин в числе наиболее отличившихся администраторов был представлен императору. Николай I с удовлетворением выслушал характеристику, данную приставу губернатором: «гроза разбойников и поджигателей», выразив монарше благоволение к усердному чиновнику, и пожелал полного искоренения преступности.

В конце 30-х и в 40-х годах Ш. Алкин отличается при раскрытии ряда убийств. Участвует он и в розыске знаменитых казанских разбойников Чайкина и Быкова, на счету которых были десятки убитых и ограбленных в городе и его окрестностях. Их поимка и публичная казнь через засечение шпицрутенами на Арском поле была с удовлетворением встречена жителями Казани. Кстати, препарированные скелеты этих монстров до сих пор «служат науке», став экспонатами анатомического музея университета.

Другое страшное событие случилось в Казани 24 августа 1842 года, когда пожар, начавшийся утром на Проломной улице, охватил к вечеру весь город. Жар был такой, что загорались стога в нескольких верстах от города, а жители спасались в лугах за Казанкой. Сгорело около 2 тысячи домов, более десятка церквей. Это бедствие вызвало сочувствие всей России. И здесь вновь проявились мужество и распорядительность Алкина, благодаря которому были спасены десятки растерявшихся людей, готовых сгореть около своих домов.

С середины сороковых годов ставший к этому времени помощником полицмейстера Алкин все еще заменяет постоянно болевшего патрона, отсюда и молва в городе о том, что настоящий глава полиции — этот «неистовый татарин». Была еще одна у него «странность» — не брал взятки. К слову сказать, ни высокое должностное положение, ни вежливые предложения принять крещение не колебали его веры. Очевидно, это было связано не с фанатичной верой, а с убеждением в том, что нельзя, не потеряв уважения к себе, отречься от заветов предков. Впрочем, авторитет полицмейстера был так велик, что власти смотрели сквозь пальцы на то, что он ежедневно и аккуратно выполнял все мусульманские обряды и даже держал на службе коврик для намаза и кумган для омовений.

Новой страницей его общественной биографии стало директорство в приюте для мусульманских детей, открытым знаменитым Ибрагимом Юнусовым (Узун Ибрагимом) — купцом, меценатом... и самодуром, от «шуток» которого (мог прибить гвоздями обувь гостей, накормить соленьями, а затем оставить на всю ночь без воды и т. п.) страдали многие его партнеры. Хотя справедливости ради скажем, что подобных выходов по отношению к бедным и прислуге он не позволял. Как бы то ни было, он первым из татарских купцов открыл приют для заброшенных и несчастных детей.

...Вскоре после открытия в Казани первого русского (Николаевского) детского приюта татарские жители города через главу своего общества казанского 1-й гильдии купца и почетного гражданина Ибрагима Юнусова обратились в 1844 году в губернское попечительство с ходатайством об учреждении в Казани приюта для сирот и детей самых пугающихся из татар, при этом сам Юнусов и брат его Исхак Губайдуллин, а также жена Биби Мухамедзянова пожертвовали каждый по 2000 руб. серебром и, кроме того, обязались выстроить для помещения приюта особый

Попечители Юнусовского приюта. 1914 год.

деревянный на каменном фундаменте дом. Юнусов подарил также в вечное владение приюта каменные лавки на Сенной площади стоимостью 5000 руб., которые в 1844 году приносили дохода 1400 руб. ассигнациями. Лавки эти Юнусов переделал заново и на дворе их выстроил каменную мечеть.

На ходатайство это последовало Высочайшее соизволение открыть его 30 июня 1844 года с наименованием заведения «Приют Юнусовых».

Вначале приют был открыт для детей обоего пола, но с 1852 года в нем помещаются только мальчики. В приюте было введено преподавание татарской и русской грамоты, арифметики, (религиозных) правил магометанского исповедания, арабского и персидского языков. В последнее же время воспитанников стали обучать ремеслам. Все обязательства, о которых заявили Юнусовы в своем ходатайстве, в точности были исполнены.

В 1871 году мусульманский детский приют Юнусовых сгорел со всем своим имуществом. Но уже 5 октября 1872 года приют Юнусовых был переведен во вновь отстроенный дом (Из исторической справки о приюте. Казань, 1855).

В 1859 году в возрасте 52 лет коллежский советник (полковник) Шаги-Ахмет Алкин неожиданно подал в отставку. Несмотря на уговоры, настоял на своем, получил «полный пенсион» в 285 рублей серебром (деньги по тем временам немалые). К тому времени у него было два дома в Казани, один из них в центре — на Воскресенской, другой — в Старо-Татарской слободе. В нем потом открылась первая школа для девочек-татарок с почти светской системой обучения. Имелось также небольшое благоприобретенное имение в Мамадышском уезде. Большую часть времени он проводил там. Семья была многочисленной. От второго брака с дочерью уфимского купца Арсаева Хусни-Замал было четыре сына и две дочери, да еще дочь от первого брака.

Умер Алкин в 1875 году, похоронен, как тогда его называли, на «новом кладбище» в конце Ново-Татарской слободы. Похороны состоялись при большом стечении народа, немало было и русских.

Ни один татарин в Казани до 1917 года не достигал столь высокой ступени на административной лестнице. Среди его потомков было немало выдающихся людей, имена которых вписаны в историю России и татарского народа. Назовем хотя бы сына Саид-Гирея, депутата Государственной думы, присяжного поверенного, специалиста в области земельных отношений. Внуки Ильяс и Джигангир стали видными общественными деятелями в трагические годы революции и гражданской войны. Ильяс — лидер умеренной части татарских общественных организаций, руководитель Военного шуро, затем начальник штаба башкирского войска Заки Валидова, вместе с которым прошел весь трагический путь. Ильяс Алкин неоднократно арестовывался, в предпоследний раз был освобожден по личному указанию Сталина. Не исключено, что об этом просил и В. М. Скрябин (Молотов), некоторое время являвшийся репетитором братьев Алкиных и живший у них. Затем в 20-е годы Ильяс стал научным работником, профессором, автором книг о Средней Азии. Погиб в смутные и трагические тридцатые годы. Зятем Алкиных был Михаил Пинегин — историк и деятель народного образования, великолепно знавший восточные языки, автор непревзойденной до сих пор книги о Казани.

Думаю, что мы еще вернемся к семейству Алкиных и к некоторым загадочным событиям, связанным с ними в годы гражданской войны.

ТУРЕЦКИЙ МИНИСТР ПОД «КОЛПАКОМ» ЖАНДАРМЕРИИ

В конце лета 1913 года министр (директор) кадастра Турции (к этому понятию там относили все связанное с юридическими и экономическими проблемами сельского хозяйства) Махмуд Эссад-эфенди совершил длительную поездку по мусульманским регионам России. Он относился к поколению политиков, выдвинувшихся на авансцену после младотурецкой революции 1908 года. С его именем были связаны новые законодательные проекты в области земельных отношений, несколько ограничившие власть феодалов над крестьянами.

Визит носил неофициальный характер и в основном сводился к встречам с общественными деятелями, духовными лицами и художественной интеллигенцией. Маршрут, согласованный с российским Мининдслом, включал в себя посещение Кавказа, Оренбурга, Сеитовской слободы, Уфы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы и Петербурга, откуда он должен был отбыть морским путем в Германию. Пребывание Эсада-эфенди было взято и под неослабный контроль спецслужб, включающий легальное обеспечение охраной и негласное наблюдение, а также агентурную разработку связей с подданными империи. В этой области жандармский корпус имел вполне профессиональные кадры. Казанское жандармское управление (речь в очерке пойдет в основном о событиях, произошедших в Казани), с учетом особой его роли в борьбе с национальными движениями, панисламизмом и пантюркизмом, укреплялось весьма грамотными и всесторонне подготовленными офицерами. Так, например, в 1912 году в КЖУ был прислан

на год рэтмистр 15-го уланского татарского полка, дислоцировавшегося в Тифлисе, А. Ф. Трентовиус, опытный разведчик, владевший турецким и фарси и неоднократно бывавший в Персии и Турции, специалист в области подрывного дела и виртуоз в фехтовании. Трентовиус после окончания секретных курсов востоковедения при Мининделе в числе четырех лучших выпускников был направлен в жандармское управление. Зная, что служба в жандармерии носила некий налет ущербности, можно предполагать, что для такого перемещения имелись, очевидно, весьма серьезные государственные мотивы. Во всяком случае, назначение всех четверых в различные города состоялось по повелению императора на основе представления военного министра. Несколько уяснить задачи, решаемые уланом-разведчиком в жандармском ведомстве, поможет его доклад о поездке в Чистополь в августе 1912 года, где он внимательно изучал через агентуру и путем наружного наблюдения связи и окружение бывшего депутата I и II Государственных дум Гарифа Бадамшина и пришел к выводу, что тот не будет больше участвовать в новых выборах из-за болезни и душевной подавленности. Чистополь в начале XX века на какое-то время стал одним из центров национального движения среди татар, и поэтому в круг наблюдений вошли и другие чистопольцы или связанные с ними лица, среди них были Гаяз Исхаков и Фуад Туктаров. В числе других секретов искали и «турецкий след». Повышенный интерес спецслужб к поездке Эссада-эфенди объяснялся несколькими мотивами, прежде всего выявлением протурецких и панисламистских настроений среди мусульман центра страны, связей татарской интеллигенции с зарубежьем и попыткой пресечения националистических настроений в ее среде. В свое время в период подготовки выборов в I Государственную думу в Казани был арестован Юсуф Акчурин — журналист, общественный деятель, имевший прочные личные связи с рядом молодых турецких военных. Некоторым из них будет вскоре суждено стать лиде-

рами общественного движения, изменившего облик страны.

Очевидно, и это обстоятельство было учтено при аресте Юсуфа Акчурина в 1906 году. Об этих тайнах «политической кухни» Казани автор уже писал в очерке «Казанские либералы под «недреманным оком». За прошедшие годы произошло немало событий, повлиявших на татаро-турецкие связи. Младотурецкая революция, несколько ограничив власть султана, привела к кормилу правления молодых деятелей из военной среды. Среди них выделялся Энвер-паша, несколько ниже по рейтингу шли другие, в том числе Кемаль, которому будет суждено стать самым видным деятелем Турции в XX веке — отцом нации, как его официально впоследствии провозгласят. Их давний соратник Юсуф Акчура, не занимая пока крупных государственных постов, стал одним из самых популярных общественных деятелей Турции, ратовавшим за возрождение былого величия страны на новой основе. Его возрастающее влияние на татарскую общественность все больше беспокоило правительственные круги России. Международная обстановка в Европе была весьма сложной, а балканские военные конфликты, в которых участвовала Турция, еще более накаляли политическую атмосферу. Ее позиция и выбор экономических и военных партнеров могли оказать (и оказали) существенное влияние на грянувшие вскоре события, поставившие мир перед катастрофой.

Вот этот клубок геополитических и внутренних «узлов» предопределил повышенный интерес к визиту в Россию Эссада. Сразу же после отплытия из Уфы парохода «Амур» в Казань пришла телеграмма с подробными данными о Махмуде Эссаде и его спутниках. Встреча на пристани «обеспечивалась» и полицией, и негласным наблюдением жандармов. По существующему порядку казанский полицеймейстер письменно доложил начальнику КЖУ: «Махмуд Эссаид (так в тексте.— Б. С.) приехал на пароходе «Амур» из Уфы 3 августа. Его встречали Мухамед Каримов, сын муллы Салихзян Галеев, редактор газеты «Кояш» Закир

Садрутдин и Шагар Шараф». Впрочем, тот уже знал обо всем. Каждый шаг тщательно фиксировался филерами. Всего в наружном наблюдении в течение двухдневного пребывания Эссада-эфенди в Казани участвовало более десятка человек. Учитывая важность «объекта» и полученные из Петербурга указания, были брошены лучшие силы; филерами лично командовал заведующий службой наружного наблюдения Дмитрий Носков, а из секретной агентуры подключили знаменитого «Жителя» — Тухватуллу Мамлеева, на счету которого было уже немало успешных операций. Программа пребывания в Казани, заранее согласованная с видными татарскими общественными деятелями, была исключительно насыщенной. Остановился министр в гостинице «Бристоль». После краткого отдыха и намаза состоялось посещение кладбища в Ново-Татарской слободе. Гость сразу же попросил провести его к могиле Тукая, сказал, что ему о нем рассказывал Юсуф Акчура и вообще в Турции многие скорбели по поводу безвременной кончины поэта, хотя и не все его высказывания нравились. Но, добавил он, пером поэта водит Всевышний. Постояв в молчании, Эссад попросил разрешения оставить на могиле свою эпитафию: «Пусть будет Бог доволен тобой, поэт». Габдулла Гисмати — один из тех, кто произнес прощальное слово у могилы, рассказал гостю и о подробностях траурной церемонии. Осмотрев еще несколько памятников, в том числе и надгробие ахуна Багаутдина, умершего в 1889 году, и занеся в памятную книжку понравившиеся эпитафии, Эссад и его спутники поехали в город. Всего за два дня он посетил около десяти мест, в каждом из которых его ждали новые встречи и собеседники. Судя по журналу наружного наблюдения, а это наиболее объективный источник информации о встречах, гость из Турции побывал в мечети Марджани, медресе «Мухаммадия», в доме ректора медресе Галимджана Баруди-Галеева, сын которого встречал его на пристани. Он выразил восхищение библиотекой Баруди (она незадолго до смерти Галеева, ставшего

уже к тому времени муфтием, будет передана им государству). Затем были встречи в редакциях популярных татарских газет «Юлдуз» и «Кояш», посещение соборов кремля и башни Сююмбеки, дома издателей братьев Каримовых, одной из дач на Арском поле, на территории «Швейцарии»... Его собеседниками были братья Фатых и Ибрагим Амирханы, Тимерша Соловьев, Фахрелислам Агеев, Хади Максудов, Шагар Шараф, один из самых ярких и загадочных личностей того времени Габдулла Гисмати и другие. Хотя шел август и многие видные общественные деятели были в отпусках, однако не было недостатка в желающих побеседовать с министром, оказавшимся к тому же весьма доступным и остроумным человеком, знавшим два европейских языка и довольно прилично объяснявшимся на татарском, фарси и арабском. Эссад-эфенди отвечал на вопросы о Турции, высказывал свои взгляды на российскую действительность и положение мусульман. Впрочем, как может судить читатель из приведенных чуть ниже высказываний, взгляды его были умеренными, характеристика — взвешенными. Что тут шло от официального статуса, что от личных взглядов, судить сложно. Но давайте ознакомимся с некоторыми оценками 80-летней давности. Они весьма любопытны и сейчас, когда уже в который раз мы пытаемся поискать «ум» на стороне и исходим по этому поводу подобострастными восторгами в среде мелких политиканов и псевдоинтеллигентов, напоминающих бессмертные «пикейные жилеты» и особенно охотно паразитирующих на национальной идее. Эссад (он уже побывал до этого в Баку, Уфе, Оренбурге, Сеитовской слободе) полагал, что в силу объективных причин Казань становится центром культурного и общественного движения мусульман России. Общая культура татар, по его мнению, пока еще выше, чем у массы турецкого населения, хотя там тоже есть «подвижки», начавшиеся после младотурецкой революции. Он высказался и по «крымскому вопросу», увидев, что у Крыма своя судьба в пределах России, и при

всей культурной близости турок и крымских татар его лично не прельщают возникающие в некоторых горячих головах по обе стороны Черного моря идеи воссоединения... Интересны и высказывания об отдельных крупных мусульманских деятелях России: Исмаил Гаспринский назван звездой мусульманского мира и его гордостью, Ризаэтдин Фахретдинов — крупным ученым, который скорее ближе к литературе. Неодобрительны отзывы о клерикалах-фанатиках и об одном из популярных тогда ишанов. Думаю, что многие из собеседников внутренне одобрили мнение, высказанное о муфтии Султанове, подготовка пышного юбилея которого была у всех на устах: он был назван человеком, отстающим от требований прогресса. Восхищаясь личностью Юсуфа Акчуры, Эссад заметил, что по-настоящему приобщение интеллигенции Турции к насущным нуждам простого народа (было сказано в русском стиле «хождение в народ») началось с идей и выступлений этого поволжского татарина, ставшего одним из «отцов» турецкого возрождения. Говоря о своих планах, турецкий гость сказал, что в будущем 1914 году (в это же время) собирается посетить Среднюю Азию по личному приглашению эмира бухарского и мечтает увидеть священные для всех тюрок-мусульман святые места Самарканда. На обратном пути из Бухары он обещал снова приехать в Казань, уже на более длительный срок. Утром 5 августа на одном из «самолетовских» пароходов Махмуд Эссад выехал в Нижний, где должен был пересесть на поезд. На пароходе его сопровождали Хади Максудов и Закир Садрутдинов. Севший было с ними Ибрагим Амирханов сошел в Чебоксарах, сославшись на срочные дела. Картина проводов из Казани будет неполной, если не добавить к сказанному, что на пароход сели также два филера и один секретный агент, благополучно сдавшие «объект наблюдения» своим коллегам из Нижнего... Поездка Эссада широко освещалась в татарской печати. О ней писали «Шура», «Вақыт», «Кояш» и другие. Тон был благожелательный, но без подобо-

страстия. Некоторые детали настоящего очерка почерпнуты отсюда. Вот так закончился визит Эссада-эфенди в Казань. Очевидно, у него были не только культурно-познавательные цели. Полагаю, что нельзя сбрасывать со счетов и стремление увидеть своими глазами результаты земельной реформы, предпринятой П. А. Столыпиным. Перед Турцией стояли в этой области еще более сложные задачи преодоления феодальных форм землепользования. Проект земельного законодательства, предложенный директором Кадастра, встретил ожесточенное сопротивление землевладельцев, имевших влиятельное лобби в правительстве и при дворе султана. В первую очередь потому, что не допускал принудительного отчуждения за долги всего участка землепашца-арендатора. Обсуждение этого проекта на парламентской сессии было сорвано начавшимися в 1912 году балканскими войнами. Эсад искал компромиссные варианты, и тут ему мог пригодиться опыт России в сходных с Турцией по традициям и обычаям мусульманских регионах, и в первую очередь в Уфимской и Казанской губерниях. Очевидно, не случайно он пытался встретиться с видными юристами-мусульманами, и в частности с С. Алиминым, знатоком земельного права. Но время, как мы уже отметили, было отпусное, и контакты не состоялись.

Немного о дальнейшей судьбе героев очерка. Расставшись в Казани и в Нижнем, они еще не знали, что ровно через год начнется мировая война, которая разведет их по разные стороны фронтов. А затем наступило смутное время, когда из хаоса переворотов, гражданской войны и интервенции начали вырастать новые формы государственности и в России, и в Турции. Махмуд Эсад станет одним из сподвижников Кемалю, займет во время ожесточенной борьбы за новую Турцию пост комиссара, а затем министра по делам экономики и на какое-то время отдаст дань социалистическим идеям. Но это уже совершенно другая тема, сулящая неожиданные открытия. Так, исследуя дело Султан-Галиева, документы Политбюро и личного фонда

Сталина, мне пришлось узнать факты, ставящие под сомнение некоторые благостные официальные версии советско-турецких отношений того периода, нашедшие свое отражение в исторической и художественной литературе. О некоторых выводах и загадочных событиях, связанных с этой темой, читатель узнает из серии очерков, посвященных советским и турецким деятелям этой сложной поры,— Кемалю, Энверу, Субхи, Фрунзе, Султан-Галиеву, Расул-Заде, Заки Валиди и др. Первый из них — «Неожиданный Субхи». Попытка раскрыть сложную, противоречивую личность этого яркого и глубоко несчастного человека, иногда представляемого некоторыми «субхиведами» весьма упрощенно и, пожалуй, даже примитивно,— в лучших традициях «краткого курса» в виде какого-то «оловянного солдатика» партии и революции, не ведавшего сомнений. Традиция, идущая еще от Павловича-Вельтмана. Автор полагает, что сама его трагическая смерть на рейде Трапезунда есть результат многоходовой политической комбинации, корни которой надо искать не только в Анкаре, но и еще в трех столицах... Краешек этой тайны приоткрывают отдельные документы, дела Султан-Галиева и Брундукова и некоторые версии, выдвинутые японским историком Ямаучи в сборнике материалов, изученных им в секретных досье турецких архивов.

В заключение несколько слов о судьбах татарских собеседников Эссада в жаркое лето 1913 года. Участь многих из них будет печальной. Почти все они остались в России, многие стали на сторону Советской власти. Кто сразу же в 1917, а некоторые, как, например, Г. Баруди, постепенно примирившись с ней к концу гражданской войны. Вскоре после окончания гражданской, во время хлопот по оказанию помощи голодающим, умрет Г. Баруди. Рано ушел из жизни и великий писатель и мыслитель Фатых Амирхан, последние годы его были омрачены нападками ретивых реписателей. Ну а блестящий знаток английского и арабского языков, выпускник Бейрутского

колледжа дипломат Ибрагим Амирханов, мудрый редактор и публицист Хади Максудов, первый ректор нового советского востоковедческого института в Москве Габдулла Гисмати, журналист Шагар Шараф, издатель и талантливый писатель Фатых Карими и многие другие из собеседников Эссада будут ликвидированы в ходе «чисток» тридцатых годов. Не исключаю, что кое-кому из них припомнили на допросах и ту давнюю встречу с турецким министром в 1913 году... А сама поездка Махмуда Эссада останется в исторической памяти обоих народов как одно из звеньев татарско-турецких контактов и общения культур. Думаю, что в наше время обширных экономических, политических и культурных связей Татарстана с братской Турцией следует добрым словом помянуть и давний вклад в них Эссада и его татарских собеседников.

ЭХО ВЫСТРЕЛА У ЛЯДСКОГО САДА

(покушение на премьеру Татарстана)

Одна из загадочных страниц истории политической жизни Татарии начала 20-х годов — получившее в то время широкий общественный резонанс, а затем «мгновенно» забытое покушение на Председателя СНК Татарии Сихиб-Гирея Саид-Галиева. Однако политическое «эхо» выстрела 9 октября 1920 года еще долго будоражило умы современников и неоднократно упоминалось в различных контекстах в ходе репрессий, обрушившихся на республику в конце 20-х и середине 30-х годов....

Но прежде несколько слов о политической атмосфере того времени. Известно, что Татаро-Башкирская республи-

ка, об учреждении которой было объявлено весной 1918 года, в противовес республике Идель-Урал (у политической «колыбели» последней стояли общественные силы антибольшевистского толка), также не была создана. Бытовавшая многие годы версия о том, что аннулирование решения о ТБР связано только с начавшейся гражданской войной, очевидно, не отражает всех причин несостоявшихся «родов» этой огромной и мощной республики. К моменту создания Татарской республики в центральной части России уже существовали возникшие в 1918—1919 годах национально-государственные образования: Трудовая коммуна немцев Поволжья и БАССР. В отличие от первой, создание Башкирской автономной республики проходило в драматической, а подчас и трагической обстановке, связанной с обоюдным недоверием башкирского правительства Валидова и центра. Поводов для этого хватало с обеих сторон. Так, по отношению к переходившим на сторону красных национальным башкирским частям допускались необоснованно жестокие репрессии. Это толкнуло тогда обратно к белым наиболее боеспособную кавалерийскую часть под командованием легендарного Мусы Муртазина, вернувшегося, правда, вскоре к красным.

Да и дальнейшая судьба республики башкир — Малой Башкирии — складывалась непросто. Не последнюю роль в этом сыграли шовинистические и антиреспубликанские настроения ряда представителей центра и некоторых руководителей Уфимской и Оренбургской губерний. Большое влияние на них имел и ярый противник создания национальных республик, непримиримый оппонент М. Вахитова и М. Султан-Галиева оренбуржец Гали Шамигулов. Называя себя «бухаринцем», Шамигулов даже Сталина подозревал в покровительстве националистам. И таких ультрареволюционеров среди татарских и башкирских работников тоже было немало. Не случайно ЦК партии в конце сентября 1919 года, рассматривая обоюдные жалобы руководителей Уфимской губернии и Башревкома Эльцина

и Валидова, принимает решение с весьма оригинальной формулировкой — «обязать Эльцина и Правдина не дразнить больше башкир». Предупреждая вопрос, который задают часто, а на заборных листовках он звучит уже как утверждение, скажу, что этот Эльцин (Ельцин) никакого отношения к Б. Н. Ельцину не имеет.

Заметим, что при подготовке весной 1920 года документов, касающихся полномочий будущей Татарской республики, был учтен опыт существования Башкирии, раздираемой внутриполитической борьбой, расхожие оценки которой с категорическим осуждением только З. Валидова требуют теперь весьма серьезной корректировки. В самом деле, если бы в создаваемой Татарской автономии, — а это понятие тогда было весьма широким и предполагало как для Башкирии, так и для Татарии ряд государственных прерогатив, — разгорелась такая же борьба, то ее последствия для центра были бы еще опаснее, если учесть большой экономический и политический потенциал новой республики даже в ее усеченном варианте. Ситуация побуждала к следующему выводу: если партийная власть могла быть безболезненно сохранена (по становившемуся уже традицией правилу) за представителем другой нации (иплоть до 1944 года первыми секретарями Татарского обкома были русские, латыши, евреи), то советское руководство решено было передать представителю татар.

В условиях неопределенности функций Председателя Совшаркома, да и бытовавшего недоверия к национальным кадрам на ключевых постах со стороны влиятельных функционеров Казанской губернии, подбор «преьера» был весьма сложным делом, а число кандидатур ограничено. Фактически речь могла идти лишь о двух лидерах — М. Султан-Галиеве и С. Саид-Галиеве. Оба они вступили в партию до революции и сыграли заметную роль в казанском Октябре. Они были хорошо известны центру: СНК, ЦК партии и Реввоенсовету. На этом сходство заканчивалось. Политическая карьера Султан-Галиева шла по вос-

ходящей без особых перерывов, и он становился все более крупной и авторитетной величиной для национальных кадров на Востоке страны. Выполнял он и ряд важных, а подчас и конфиденциальных поручений Ленина и Сталина по контактам с зарубежными деятелями. Масштаб же деятельности Саид-Галиева был более скромным, а в конце лета 1918 года она претерпела явный спад. Правда, с весны 1919 года Саид-Галиев снова «был сделан» заметной фигурой в мусульманских организациях.

Однако значительно больший опыт государственной и партийной работы Султан-Галиева не принимается во внимание. Предпочтение отдается Саид-Галиеву, и решение Политбюро в июне 1920 года предопределяет его назначение на пост руководителя ревкома, а затем Председателя Совнаркома Татарии. По всей вероятности, выбор кандидатуры народным комиссаром по делам национальностей, членом Политбюро Сталиным и секретарем ЦК, ведавшим кадровыми вопросами, Крестинским был сделан с учетом того, что Султан-Галиев по ряду вопросов проявлял «чрезмерную» самостоятельность и явно претендовал на деятельность, связанную с реальным суверенитетом Татарии и установлением контактов с другими республиками. Саид-Галиев же, как свидетельствует его предыдущая работа в Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока, был более послушным и менее авторитетным, чем Султан-Галиев, человеком среди деятелей республик и других национальных формирований на Востоке страны.

Судя по воспоминаниям Султан-Галиева, первоначально эта должность во время беседы у Сталина, перед представлением Ленину, была предложена именно ему. Но Сталин, по версии Султан-Галиева, не дожидаясь согласия, напомнил собеседнику о случившейся с ним в мае 1918 года в Москве бытовой истории, закончившейся выстрелом в соперника, и заметил, что такое «пятно» будет мешать политической репутации премьера. Очевидно, это был просто удобный предлог. Ибо та же самая «история» не по-

мешала утвердить Султан-Галиева на заседании Политбюро членом коллегии Наркомнаца с правами замнаркома.

Назначение Саид-Галиева на новую должность и формирование правительства республики первоначально прошли без особых сложностей. Свое влияние здесь оказало письмо Политбюро с предупреждением руководителей губернии Ходоровского, Бочкова, Карпова и Канатчикова о недопустимости трений по поводу выдвижения татар на руководящие посты. В состав правительства, значительная часть «министерских портфелей» в котором была предоставлена коммунистам-татарам, вошли деятели, имевшие военный и политический опыт гражданской войны. Среди них были и яркие фигуры, подобные К. Мухтарову, Ю. Валидову, Х. Габидуллину и И. Фирдевсу, которым вскоре предстояло сыграть большую роль в развернувшейся политической борьбе.

Надо сказать и о том, что республика, как и вся страна, переживала значительные трудности. Заканчивающаяся гражданская война окончательно подрывала и без того истощенные ресурсы губернии, ставшей республикой. Система продразверстки обострила социальную напряженность в деревне. В первые месяцы года на юго-востоке республики, особенно по территории Мензелинского уезда, включенного теперь в состав Татарии, прокатились крестьянские волнения. Начавшийся голод в татарских деревнях усугублялся и тем, что в них почти не было развито овощеводство. К трудностям объективным добавлялись сложности перехода органов управления к новым республиканским структурам, приверженность многих партийных и советских функционеров «губернским» методам. Хотя в решениях Политбюро ЦК и СНК РСФСР, одобренных Лениным, предусматривались особые меры по увеличению удельного веса и влияния коренной национальности в руководящих органах, на практике этот процесс шел болезненно. Ряд руководителей-татар считал создание республи-

ки отправным пунктом обретения реального суверенитета, особенно в области распоряжения земельным фондом. Эти же явления были характерны для всех вновь образующихся национально-государственных формирований страны. Вместе с тем в центральных органах и на местах было немало крупных работников, считавших национальные проблемы второстепенными, а само образование республик — шагом пропагандистским и временным. В партии таких взглядов придерживались тогда Н. Бухарин, Е. Преображенский, Н. Крестинский и другие, в советских органах — руководители Наркомзема и отдельные деятели ВЦИК, включая заместителя председателя Смидовича. На политическую ситуацию существенно повлияла и неудачная польская кампания, нанесящая сокрушительный удар по идее экспорта революции, а также правительственный кризис в Башкирии, завершившийся драматическим уходом с политической арены Заки Валидова и его соратников, считавших, и не без основания, что центр их обманул.

Все эти факторы наложили свой отпечаток на общественную атмосферу республики, деятельность первого Председателя СНК Татарии Саид-Галиева. Его политическая позиция определялась беспрекословным повиновением центру и партийным органам, что квалифицировалось рядом ответственных работников-татар как угодничество в ущерб интересам республики. Позже, летом 1921 года, в драматической ситуации усиливавшегося голода в республике он будет снят со своего поста на съезде Советов Татарии. На чрезмерное усердие Саид-Галиева в выполнении плана продразверстки, а точнее в его перевыполнении, общественное мнение не без помощи ряда официальных лиц свалит обострение голода в Татарии, хотя причины были намного сложнее и глубже. И тогда Саид-Галиев, в виде компенсации за политический провал в республике направленный Сталиным на такую же должность в Крым, напишет Ленину летом 1921 года свои знаменитые четыре вопроса по поводу национальных республик и необходимости их даль-

нейшего существования. Однако ленинские ответы оказались не такими, каких ожидал Саид-Галиев. Ленин, в частности, написал, что не видит пределов времени существования республик, хотя хитроумно составленный Саид-Галиевым вопрос подталкивал вождя к другому ответу. Не удалось. Только через два года, на Четвертом совещании по национальному вопросу, по категорическому требованию участников он огласит их. Они актуальны и сейчас. Несмотря на поддержку Сталина, и на новом месте Саид-Галиев успеха не имел. А она была весьма весомой. Сталин даже сделал серьезное замечание другому своему верному «нукеру» Шагимардану Ибрагимову, рвавшемуся на этот пост и даже предлагавшему союз против Саид-Галиева его противникам в Крыму. Вскоре, убедившись в его неспособности работать на крупном государственном посту, Сталин в 1923 году освободил Саид-Галиева от должности и устроил на работу в РКИ. Впоследствии он стал заурядным политчиновником железнодорожного ведомства в Саратове, где и был ликвидирован в 1939 году. По иронии судьбы там же проживал после освобождения из Соловков Султан-Галиев. Его арестовали в марте 1937 года и казнили в Москве в январе 1940 года. А начальником управления НКВД Саратова стал в 1937 году Яков Агранов, попавший в опалу замнаркома, тот самый — начинавший в 1922 году «татарское» дело, приведшее к аресту Султан-Галиева. Агранов был также уничтожен в 1938 году. Так на короткое время пересеклись в Саратове пути палачей и жертв 20-х годов.

Но мы забежали вперед. Вернемся к осени 1920 года.

Утром 10 октября 1920 года жители Казани, и в первую очередь ответственные работники, были взбудоражены сообщением о покушении на Саид-Галиева. Как бывает в таких ситуациях, происшествие обрастало слухами и самыми фантастическими предположениями и версиями. На квартирах руководящих работников проводились совещания и обмен мнениями по поводу случившегося.

Что же произошло? По версии самого Саид-Галиева, вечером 9 октября ему позвонили по телефону на квартиру и сообщили, что он вызывается на внеочередное и срочное заседание в СНК. В Совнаркоме его ждал «сюрприз»: никто из дежурных о заседании не знал. Приняв все это за неуместную шутку, Саид-Галиев, побыв немного в своем кабинете, направился домой. Было уже темно, около 10 часов вечера. Подходя к Лядскому саду, метрах в ста от квартиры он услышал сзади шаги, но не успел повернуться и почувствовал толчок в плечо, услышал слабый звук выстрела... Ранение оказалось легким, до перевязки он успел позвонить из дома в ЧК и секретарю обкома Таняеву.

На следующий день в городе начались аресты. Хотя первоначальная версия гласила, что покушение организовали белогвардейские агенты, арестованы были... ответственные работники-коммунисты Енбаев, Фирдевс, Ганеев, Бикчентаев, Мамин, считавшиеся правыми и сторонниками Султан-Галиева. Задержали также двух видных татарских интеллигентов — врача, известного общественного деятеля Хадичу Ямашеву-Бадамшину (память ее, к сожалению, до сих пор оболгана нашими борзописцами) и крупного издателя Насыха Мухтарова.

В официальном сообщении «Покушение на жизнь т. Саид-Галиева», опубликованном в местной печати 12 октября, и в принятом в тот же день постановлении Казгорсовета была повторена версия о причастности к «выстрелу у Лядского сада» контрреволюционного подполья. В большой статье с портретом Председателя СНК, подписанной Таняевым и озаглавленной «Контрреволюция не дремлет», говорилось о стремлении врагов вывести из строя руководителей республики. Были получены соболезнования и «приветствия» по этому поводу от башкирского бюро Сибири. Заведующий Центральной татсекцией Донбасса Булушев в телеграмме назвал Саид-Галиева вождем всех татар. Но самый восторженный материал принадлежал

Председателю ТатЦИКа Бурхану Мансурову. Озаглавив его «Почему пролетариат Востока радуется благополучию т. Саид-Галиева», автор этой раболепной статьи писал, что по своим выдающимся качествам Саид-Галиев должен был давно стать во главе всего восточного пролетариата, но, к сожалению, заболел во время нашествия чехословаков и проболел до начала 1919 года. Нередко чрезмерная кампания по восхвалению лидера приносит обратный результат. Не было исключения из общего правила и на этот раз. В общественном мнении, особенно после статьи Б. Мансурова, начали циркулировать упорные слухи о рекламном характере покушения и чуть ли не о причастности к нему самой жертвы, а упоминание о болезни, якобы помешавшей Саид-Галиеву проявить героизм во время падения, а затем освобождения Казани в 1918 году, породило иронические комментарии и обвинения в трусости. О противостоянии и нравственно-политическом конфликте между Саид-Галиевым и Султан-Галиевым образно и опираясь на документальные источники написал в романе «Сират купере» («Мост через ад») известный татарский прозаик Ринат Мухамадиев.

Аресты ответработников и бесплодные поиски чекистами белогвардейских террористов вызвали вполне обоснованное беспокойство в центре и резонные предположения о начавшейся борьбе в руководящем эшелоне Татарии. Появились опасения повторения «башкирского» варианта. Очевидно, в Москве обратили внимание и на опубликованную тогда же телеграмму из Бухары, в которой боевые командиры татбригады Мавлюдов и Касимов, бывшие члены Учредительного съезда ТАСССР, радостно докладывали Саид-Галиеву о том, что они «покончили с Бухарой», бьют басмачей, получили ордена Красного Знамени (а Мавлюдов даже был представлен за подвиги к золотому оружию) и в конце передавали привет «товарищам по течению» и поздравляли их, в свою очередь, с победой над шовинистами и мелкобуржуазной интеллигенцией.

По решению Политбюро срочно была создана комиссия ВЦИК под председательством заместителя наркома по делам национальностей А. Каменского, в то время второго по значению лица в наркомате. В нее вошел и представитель ЧК Резаусский, хорошо знакомый с обстановкой в Казани и губернии по прошлой деятельности. Комиссия прибыла в Казань 4 ноября. В местных газетах и в виде объявлений на рекламных щитах было опубликовано извещение с просьбой ко всем знающим что-либо о покушении явиться в комнату № 10 центральной гостиницы, где размещился аппарат комиссии. Подчеркивалось, что информаторам гарантируется безопасность и тайна их обращения в комиссию.

В ходе недельного пребывания в Казани комиссия получила десятки устных и письменных сообщений с различными версиями причин покушения и предположений о лицах, причастных к нему. Так, уже упомянутый Насых Мухтаров, арестованный 10 октября и освобожденный через несколько дней по требованию рабочих типографии, в своем заявлении высказывал предположение, что и его необоснованный арест, и само покушение — результат борьбы двух группировок в руководстве республики, и называл некоторые имена. Одновременно велась и чекистская разработка различных версий. Предположение о причастности белогвардейского подполья отпало. Проверялись и сигналы о связи покушения с подавлением июльской забастовки на крупнейших заводах Казани, после которой были преданы суду 47 человек, в том числе 13 женщин. Но и они не нашли подтверждения. Расследование зашло в тупик. Не исключено, что им и не занимались всерьез.

После сравнительно кратковременного ареста были освобождены и задержанные ответработники. В основном это были лица, причастные к деятельности Центральной мусульманской военной коллегии, в которой были сильны позиции Султан-Галиева. В эти же дни появилось газетное сообщение о расформировании ЦМВК и создании от-

дела Востока в главном штабе Красной Армии и такого же отдела в ПУРе (политуправлении Красной Армии). Формально эти события — покушение и расформирование ЦМВК — не были взаимосвязаны. Что происходило на самом деле в «коридорах власти» — неизвестно. Зная, что многие судьбоносные решения принимались втайне и это стало уже традицией нашего общества, автор не стал бы отрицать наличие такой связи.

Столь шумно начатая кампания по выявлению виновников покушения была внезапно прекращена. Не был найден и исполнитель. Судя по всему, стреляли из ружья «монтекристо», убойная сила которого была ничтожна, и годилось оно для стрельбы разве что по воробьям.

В справке, представленной в Политбюро (местные власти с ней не были ознакомлены), председатель комиссии А. Каменский дал короткий, но весьма аргументированный анализ положения дел в Татарии. В нем в первую очередь отмечалось, что руководящий татарский актив расколот на две группы, лидером первой является Саид-Галиев, второй — Султан-Галиев (находящийся в Москве) и Фирдевс. Указывалось и на то, что многие русские работники бывшей губернии «засиделись» на своих постах и склонны к бюрократизму. Так, была названа фамилия бывшего предгубисполкома Бочкова, мешавшего, по мнению Каменского, становлению республики. Для характеристики самого покушения была употреблена туманная формулировка — «оно сомнительно». Что крылось за этим, мы не знаем. Возможно, Каменский получил от своего наркома команду не акцентировать внимание на нем. О причинах можно только догадываться...

Вывод комиссии был однозначен: предупредить обе группы о необходимости дружной работы. Правда, представитель ЧК Резаусский записал особое мнение: «согласен в целом, но в отношении двух групп воздерживаюсь ввиду малого знакомства». Формулировка лукавая, ибо кто-кто, а уж этот представитель ЧК, работавший в Каза-

ни до конца 1919 года, положение дел знал хорошо. Хотя после информации В. Лукашева в 1923 году, о которой мы скажем позднее, позиция Резаусского да и многое другое становятся более понятными.

Свои выводы Каменский изложил на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 26 ноября в присутствии Сталина, только что приехавшего из другой горячей точки страны — Северного Кавказа. Решение Оргбюро было нейтральным: «доклад комиссии ВЦИК принять к сведению». В Казани оно вызвало массу новых слухов не в пользу Саид-Галиева. Так закончилось это громкое дело, не ставшее «политической бомбой». Впрочем, если уж употребить военную терминологию, то «миной замедленного действия» его назвать можно. Через год состоялся ее очередной «взрыв». В ПБ, очевидно, произошла новая схватка по татарским делам. На заседании присутствовали все члены Политбюро. Решение о посещении Сталиным Казани, учитывая его особое отношение к татаро-башкирскому узлу, было сформулировано предельно тактично: «Просить т. Сталина дать свое заключение о его поездке на партконференцию Татарской республики». Автор предложения В. Ленин, очевидно, щадил самолюбие «чудесного грузина». Ехать в Казань Сталин отказался, и на IV областной конференции, состоявшейся 1—4 декабря 1921 года, от ЦК присутствовал второстепенный деятель. Напомним, что летом 1921 года на заседании партийной фракции съезда Советов республики был снят со своего поста Саид-Галиев. На указанном выше заседании Политбюро 24 ноября 1921 года, кроме решения о поездке Сталина в Казань, принимается рекомендация об увеличении числа татар в обкоме партии до 4—5 ...и отклоняется неожиданное заявление наркома по делам национальностей о его освобождении от этой должности. Очевидно, обстановка в ПБ, связанная с разногласиями по национальному вопросу, была весьма напряженной. Казань стала первой столицей республики, где на основе партийной демократии был снят со своего поста «посла-

пещ» центра. Отсюда, очевидно, и нервные действия Сталина, начиная от отказа поехать в «мятежную» партийную организацию до демонстративной угрозы подать в отставку. Отставка была отклонена, но и на поездке в Казань коллеги по ПБ больше не настаивали¹. Но главные события, как уже знает читатель, произойдут летом 1923 года, когда пройдет образцово подготовленная операция по укрупнению националов — Четвертое совещание.

Вскоре Фирдевс был переведен в Крым, остальные действующие лица продолжали работу на ответственных постах. Иная судьба ждала Саид-Галиева. На его фигуре сфокусировалось назревавшее недовольство некомпетентной политикой властей (вспомним усиливающийся голод, эпицентром которого стало Поволжье), и он был, как уже отмечалось, устранен со своего поста.

На смену пришло правительство Кашафа Мухтарова, в которое входили блестящие администраторы и организаторы: Гасим Мансуров, Хаджи Габидуллин, Рауф Сабиров, Ариф Ембаев, Юнус Валидов и другие. Большую помощь Татарии оказывал Султан-Галиев, ставший в конце 1922 года постоянным представителем республики в Москве и остававшийся одновременно председателем Федземкома РСФСР и членом коллегии Наркомнаца. В Татарии, как и в других республиках и губерниях, был осуществлен экономический ренессанс. В рамках нэпа заработал механизм регулируемой рыночной экономики, возникли коммерческие банки со смешанным капиталом, рос оборот товарной биржи Казани, ставшей заметным экономическим фактором Поволжья. Существенно улучшилось снабжение населения.

Восстанавливая историческую справедливость, Совнарком ТАССР начал воссоздавать татарские населенные пункты около Казани и по берегам Волги и Камы, откуда татары были выселены после ликвидации Казанского хан-

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 234. Л. 1—4.

ства в XVI веке. На карте республики появились поселки Чингиз, Кызыл Байрак, Бахчисарай, имени Гаспринского и другие. Именем Гаспринского была названа и одна из школ Казани¹. Однако так продолжалось недолго. На свертывании этой политики национального возрождения сказались болезнь и смерть Ленина. Но были и другие причины. Как предупреждение чересчур самостоятельным «националам» в 1923 году последовали арест Султан-Галиева и разгромное Четвертое совещание по национальному вопросу, знаменовавшее собой победу сталинской концепции национально-государственного строительства.

В длинной, 1,5-часовой беседе Сталин потребовал от секретаря Татарского обкома Живова подготовить «уход» Мухтарова и его «команды». Под этим лозунгом и прошло в июле 1923 года обсуждение итогов московского Четвертого совещания. Правда, и Живова сочли недостаточно жестким, и вскоре по предложению Сталина его тоже убрали.

В 1923 году во время допросов Султан-Галиева снова всплыла история с покушением. Причем дело приняло совершенно неожиданный оборот. Опальный председатель Федземкома заявил, что, по признанию известного ему чекиста Вадима Лукашева, имевшего касательство к восточным делам в своем ведомстве, покушение было организовано им по поручению Сталина. Цель — «столкнуть лбами татар», которые много себе позволяют.

Трудно судить о мотивах подобного раскрытия «тайн мадридского двора» со стороны Лукашева. Неизвестно, насколько оно правдиво. Но это заявление Султан-Галиева было зафиксировано в протоколе. Обвинений Султан-Галиева в клевете на Сталина и Лукашева не последовало. Очевидно, чрезмерная активность татарских работников

¹ В эти же годы на берегу Кабана была построена первая после 1552 г. мечеть на «русской» стороне города. На ее стены частично пошли кирпичи сгоревшего городского театра.

действительно раздражала некоторых крупных деятелей, и не только Сталина. В решениях Политбюро того периода автор встречал, например, требование укрепить ряд организаций, но только «не казанскими татарами», и жалобы на их «гегемонизм». А чего стоит решение пригласить на совещание из республик (речь идет о совещании 1923 года) работников-антагонистов. Но эти действия можно отнести к явлениям политическим, хотя они и были не совсем нравственными. А вот история с покушением — это уже уголовщина...

Легче всего было бы теперь воскликнуть: «Вот когда, оказывается, начали отрабатываться методы провокационного террора, «блестяще» осуществленные в деле с убийством Кирова». И все равно в это вернется с трудом. Ведь это был 20-й год, и Сталин еще не сосредоточил «необъятную власть», он не был еще даже генсеком. Кто же стоял за этим покушением? Не сам же Саид-Галиев организовал его в целях повышения своей популярности, как это утверждали его политические противники?! Кстати, Султан-Галиев снова вернулся к этому сюжету в 1937 году. Он повторил во время допроса в Казани версию 23-го года, только вместо Сталина назвал безымянное «задание ЦК». Архивы молчат. Да и вряд ли их полное открытие что-либо прибавит к разгадке тайны. Ведь многие щекотливые дела не документировались.

Можу сказать одно. Это покушение также сыграло свою зловещую роль в усилении взаимной неприязни и антагонизма в среде руководящих работников Татарии. Вплоть до конца 20-х годов политическая жизнь Татарии, пожалуй, как ни в одной другой республике, определялась «хронической» борьбой между правыми и левыми, с временным преобладанием тех или других, с навешиванием политических ярлыков. Секретарь ОК Хатаевич в отчаянии просил даже прислать вместо себя работавшего тогда в ЦК, как он его назвал в письме Сталину, «крепкого парня» Колю Ежова, знавшего хорошо Казань и могущего навести по-

рядок у татар. Но Қолю Ежова в 1927 году не прислали. Правда, став через 10 лет железным сталинским наркомом НКВД, он не обделял своим вниманием Казань... Но это уже другая тема, к ней мы еще вернемся в этой книге. Эти конфликты неоднократно обсуждались на Политбюро и Оргбюро ЦК. В них лично вмешивался Сталин. Кому-то это было выгодно. Всех этих непримиримых оппонентов — и правых и левых — в середине 30-х годов объединили... в тюремных камерах и лагерных бараках. Как и во всей стране.

ЗАГАДКА СВЯЩЕННОЙ КНИГИ

(судьба «Корана Османа» в России)

Среди драгоценных реликвий почти каждой религии существуют предметы, обладающие, по мнению верующих, особой легитимностью, связанные с теми или иными знаменательными событиями и деятелями. У мусульман одной из таких наиболее почитаемых реликвий является «Коран Османа», а точнее «Кораны Османа». Известно, что по поручению Османа, третьего халифа, зятя самого Мухаммеда, вскоре после смерти пророка были произведены своеобразная «кодификация» и упорядочение различных текстов Корана для канонизации основного текста. Было изготовлено несколько идентичных официальных списков книги, ставших основой всех последующих изданий, — как рукописных, так (позднее) и печатных. Сам Осман был убит восставшими против него подданными в Медине в 656 году. По одной из исторических версий, убийцы застали его врасплох во время чтения Корана, и кровь

смертельно раненного Османа запечатлелась на многих страницах книги.

Впоследствии несколько списков этого Корана хранились в наиболее почитаемых религиозных центрах мусульман. Все они имели на страницах кровавые пятна. Один из них волей исторических судеб оказался в Средней Азии и до середины девятнадцатого века хранился в одной из мечетей Самарканда. О времени и обстоятельствах его появления в Самарканде и подлинности имеющихся на нем следов «крови Османа» у религиозных деятелей и ученых до сих пор нет единого мнения. Впрочем, большинство полагает наиболее вероятным появление «Корана Османа» в Самарканде в качестве трофея после одного из походов Тамерлана.

В числе первых в России высказал свое мнение о происхождении самаркандского экземпляра «Корана Османа» наш земляк знаменитый историк Шигабутдин Марджани. По его мнению, это один из древнейших списков Корана, но его принадлежность Осману сомнительна.

После захвата Средней Азии русскими войсками судьба «Корана Османа» круто изменилась. Он был куплен за мизерную плату одним из русских генералов и в 1869 году оказался в Петербурге.

Во время его нахождения в публичной библиотеке Петербурга «Коран Османа» пользовался вниманием ученых и издателей. Известны несколько воспроизведений его текстов различными издателями. Однако хранение священной книги в библиотеке в качестве редкой, но все же только книги вызывало вполне понятное раздражение мусульманской общины. Уже во время первой российской революции раздавались голоса в пользу ее возвращения в Среднюю Азию. Сразу же после свержения царя «Коран Османа» входит в число наиболее часто упоминаемых национально-религиозных реликвий мусульманских народов, возвращения которых исконным владельцам требует обществен-

ность. Однако Временное правительство не предприняло для этого реальных шагов.

Надо отдать должное большевикам и их консультантам по национальным проблемам — они сразу же оценили значение «исламского фактора» как стратегического, во многом способствовавшего выигрышу гражданской войны. Ряд обращений Совнаркома к мусульманам России и мира звучал тогда как своеобразная хартия вольностей... Было обещано отныне полностью считаться с их обычаями и традициями. В рамках этой политики обращение краевого мусульманского съезда Петроградского округа и личное ходатайство во время встречи со Сталиным (народным комиссаром по делам национальностей) Ахмедбека Цаликова, самого авторитетного в то время лидера мусульманских демократических сил, о возвращении «Корана Османа» были с готовностью удовлетворены властями. В тексте обращения в СНК, подписанном Цаликовым, говорилось, что «Коран Османа» будет вручен «национальному парламенту мусульман Внутренней России и Сибири, заседающему в настоящее время в г. Уфе».

Выполнение своего поручения съезд возложил на заместителя председателя столичного шуро Османа Токумбетова и члена национального парламента Керима Сагидова. В подписанном 9 декабря 1917 года Лениным и Бонч-Бруевичем отношении наркому Луначарскому предписывалось «немедленно выдать крайевому мусульманскому съезду священный «Коран Османа»», что и было незамедлительно исполнено. Коран направили в Уфу и передали для хранения в Духовное управление мусульман муфтию Галимджану Баруди. Национальное собрание к этому времени уже было разогнано. В те же дни были подписаны распоряжения о передаче мусульманам еще двух объектов, являющихся предметом особого почитания мусульманской общественности, башни Сююмбеки в Казани и комплекса религиозных и бытовых зданий Караван-сарая в Оренбурге. В годы гражданской войны священный «Коран Османа» благопо-

лучно хранился в Уфе, у противоборствующих сторон не было никаких попыток использовать его в своих интересах.

Сразу же после окончания гражданской войны религиозная община Средней Азии потребовала возвращения Корана в Самарканд. После ряда проволочек (потребовалось вмешательство секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе) принимается решение о его возвращении. Однако шел уже 1923 год, гражданская война была выиграна, и некоторые обещания 1917—1918 гг. стали «забываться». Вот и с «Кораном Османа» создалась конфликтная ситуация. Руководители общественно-религиозной организации Туркестана «Махкама Шаркия» Захретдин Касимов и Нурутдин Ходжаев летом 1923 года в письме на имя Калинина выразили протест по поводу предполагавшейся передачи Корана в ташкентский музей, считая это кощунством по отношению к религиозной реликвии. Было принято компромиссное решение — организовать торжественную передачу священной книги и перевозку ее в Ташкент специальной комиссией с участием представителей и духовенства и светских властей, а дальнейшую ее судьбу решить уже на месте. Ниже вы прочтете воспоминания непосредственного свидетеля этого события — дочери известного ученого и муфтия Ризы Фахретдинова Асьмы-ханум.

В настоящее время «Коран Османа» хранится в знаменитой библиотеке Духовного управления мусульман Средней Азии — Мавераннахре. Торжественный акт передачи реликвии из Музея истории народов Узбекистана, где он хранился с 1926 г., состоялся в Ташкенте на IV съезде мусульман Средней Азии 14 марта 1989 года. Таким образом, через 130 лет священная книга вернулась туда, где ей и надлежит быть. История «Корана Османа» завершилась благополучно.

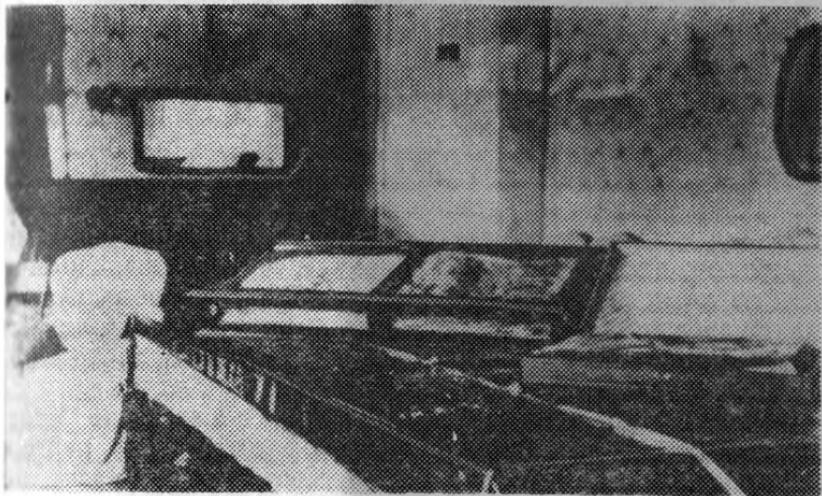
Увы, его судьба уникальна. А сколько исторических реликвий, в том числе и связанных с религиозными традициями, мы потеряли! В Татарии, например, только в начале 30-х годов запретили соревнование по сдаче в утиль кора-

нов. Ну а сколько их сдали, лихо соревнуясь, до запрета, одному Аллаху ведомо. И это тоже страницы нашей истории.

«Коран Османа» в Уфе (из воспоминаний Асьмы-ханум, дочери Р. Фахретдинова): «В 1918 году было прекращено издание известного татарского журнала «Шура», в котором мой отец, Ризаетдин Фахретдинов, работал главным редактором. После этого мы из Оренбурга переехали жить в Уфу, на новое место работы отца в Духовном управлении мусульман. Отец поехал в конце февраля. Шла гражданская война, белые и красные воевали с большим ожесточением, повсюду были разруха, смерть и голод. Поезда почти не ходили, а если ходили, то, как показывают в старых фильмах, люди ехали на крышах вагонов, лезли через окна с мешками. Отец поехал на лошадях через Стерлитамак. Нас с мамой в мае 1918 года привез в Уфу мой старший брат Габдрахман. Мы ехали поездом целую неделю.

Когда мы приехали, отец повел нас показывать учреждение, в котором он работал. Это было старинное двухэтажное каменное здание. Отец показал все комнаты, в том числе одну комнату на втором этаже, там посередине стоял большой стол, на столе располагалась невысокая витрина. Внутри витрины лежала большая толстая книга, написанная на пергаменте. Книга была раскрыта. Крупные буквы арабского шрифта были написаны от руки черной краской (или тушью). Отец сказал, что это знаменитая историческая ценность арабского народа тысячелетней давности, так называемый «Коран Османа». Коран был доставлен в Уфу в начале 1918 года и находился здесь на хранении. Витрина была закрыта на замок. Через стеклянную крышу витрины можно было прочитать отрывок текста. На некоторых листах были видны красно-бурые пятна, и отец сказал: «Предполагают, что это капли крови».

Комната была большая, высокая, светлая. Окна выходили на Тукаевскую улицу. Летом при хорошей погоде окна открывались. В двух углах комнаты были расположе-

«Коран Османа» перед отправлением в Ташкент. г. Уфа, ул. Тукаевская, д. 50. 1923 год, август.

ны изразцовые печи, которые зимой топились из соседней комнаты. Температура поддерживалась на среднем уровне. Видимо, была такая необходимость сохранения пергамента. В комнате никто не жил и не работал. Мы жили тоже на втором этаже и называли ее «комнатой Корана». У нас были две двери в смежные комнаты. Одна дверь была постоянно закрыта, другая открыта. Двери не запирались, т. к. эта комната была среди многих других, и посторонние люди сами по себе туда не могли попасть. Желающим увидеть Коран (или приезжим) отец сам его показывал.

Отец говорил, что Коран очень давно хранился в Самарканде, потом его отправили в Петербург и поместили в Императорскую Публичную библиотеку. После революции по просьбе узбеков решено было отправить Коран обратно в Самарканд. Коран по пути был задержан в Уфе и сдан на хранение в Духовное управление мусульман. Во время

гражданской войны Уфа несколько раз переходила из рук в руки. Каких-то попыток со стороны белых или красных при отступлении захватить и увезти Коран не было. С 1918 до 1923 года Коран все время хранился в этой комнате.

В 1923 году по просьбе Туркестанской республики правительство СССР решило отправить Коран в Узбекистан. Москва назначила специальную комиссию, в нее вошли муфтий и члены Духовного управления из Ташкента, Умеров из Астрахани, Габдулла Гисмати из Москвы. Председателем комиссии был назначен Р. Фахретдинов. Коран тщательно уложили в специальный футляр, упаковали витрину и в специальном вагоне комиссия вывезла это в Ташкент (в августе 1923 года).

Комиссия с Кораном благополучно доехала до места назначения, нужным образом была оформлена его передача. Члены комиссии встречались с местными улемами, посетили другие города Узбекистана.

Когда отец вернулся домой, он написал большую книгу «О путешествии в Самарканд по делу возвращения Корана Османа». К большому нашему сожалению, эта рукопись наряду с рукописями нескольких других его книг была похищена после смерти отца в 1936 году.

В печати сообщалось, что «Коран Османа» хранится в фондах Музея истории узбекских народов в специальном сейфе (Огонек, 1979, № 52) «Коран Османа» является исторической ценностью и достоин надлежащего хранения».

МУФТИЙ И СОВНАРКОМ: ПОПЫТКА ДИАЛОГА

Событие, о котором пойдет рассказ, не вполне вписывается в традиционные схемы освещения сложных, противоречивых процессов середины 20-х годов.

когда, на мой взгляд, началось активное противоборство двух направлений партийной политики в области культуры: прагматического, предусматривавшего реальный учет всей сложности духовной жизни общества, и прямолинейного, недialeктического, служившего интересам складывавшейся командно-административной системы, какими бы лозунгами оно ни прикрывалось. Причем по инерции еще декларировались многие принципы, заложенные при В. И. Ленине, но их осуществление нередко блокировалось практической деятельностью, регулируемой многочисленными государственными и партийными документами, не предназначенными для широкого распространения. От тех времен, кстати, идет и культ секретности, когда этим очень нужным в некоторых случаях словом начали бездумно штамповать любые решения.

Итак, попробуем снять этот гриф с некоторых документов и событий, тем более что прошло уже более 60 лет, и никого из действующих лиц давно уже нет в живых.

В начале 20-х годов практика антирелигиозной работы становилась все более агрессивной и упрощенной. Особенно усердствовали местные власти, полагая, что кипучая деятельность по закрытию религиозных учреждений, репрессивные меры по отношению к служителям культа, запугивание верующих приведут к ускоренной ликвидации «религиозных предрассудков», да и вообще свидетельствуют о революционном рвении. В ряде мест это приводило к серьезной социальной напряженности. Известно, например, что только срочный выезд М. И. Калинина в Тулу предотвратил серьезные конфликты, связанные с огульным закрытием всех церквей. В. И. Ленин одобрил решение М. И. Калинина по отмене этих беззаконий. В середине 1923 года Центральный комитет РКП направил за подписью И. В. Сталина совершенно секретное циркулярное письмо «Об отношении к религиозным организациям», в котором приводились многочисленные примеры «нарочито грубых приемов, часто практикующихся в центре и на местах,

издевательств над предметами веры и культа, взамен серьезного объяснения и анализа, что мешает освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и ведет лишь к закреплению фанатизма». В письме были названы и категорически запрещены и другие наиболее характерные приемы такой политики: аресты религиозного характера, незаконная ликвидация молитвенных помещений, принятие подобных решений на собраниях неверующих и т. п. Весьма важно и то, что ответственность за проведение в жизнь данной директивы была «возложена на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично». В конце директивы одной фразой напоминалось, что такое отношение к церкви не должно ослаблять бдительность и т. п.

Очевидно, что появление подобного документа, весьма жесткого по отношению к сторонникам кавалерийских наскоков на религию, и весь комплекс явлений, с ней связанных, были не случайными и являлись частью ленинского подхода к сложным проблемам духовной жизни в будущем обществе «цивилизованных кооператоров». Наверное, не случайно и то, что Пленум ЦК РКП в 1921 году при осуждении антирелигиозной работы, подчеркнув ее важность, вместе с тем предостерег от административного рвения, допустив в качестве временной меры пребывание в партии некоторых категорий верующих. Сказанное не снимает вины с Ленина за многие перегибы.

В Татарии, так же как и во всей стране, взаимоотношение религиозных общин с государством складывалось сложно. В годы гражданской войны многие служители культа оказались в стане противников Советской власти. Но были и противоположные примеры. К муллам, лояльно относившимся к новой власти, даже применялся термин «красные муллы». Нередко эти отношения в немалой степени зависели и от личностных качеств людей обеих сторон. Сторонниками прагматического отношения к религии в Татарста-

не были М. Султан-Галиев и главный идеолог правительства Мухтарова Гасим Мансуров.

Весьма колоритной фигурой был и муфтий Ризаетдин Фахретдинов, глава духовного управления мусульман центра страны и Сибири, резиденция которого находилась в Уфе. Р. Фахрутдинов еще в дореволюционное время стал известной фигурой в общественной жизни России — историк-публицист, редактор одного из самых популярных литературно-политических татарских журналов «Шура». Велик был и его авторитет в научных кругах востоковедов, сравнимый, пожалуй, с авторитетом Ш. Марджани — самого выдающегося татарского историка XIX века. В 1921 году после смерти муфтия Г. Баруди, политическая репутация которого была существенно испорчена в годы гражданской войны, на его место был избран Р. Фахретдинов. Известно, что до этого Р. Фахретдинов имел весьма серьезные намерения полностью посвятить себя научной деятельности и получил ряд лестных предложений из академических кругов. Есть довольно правдоподобная версия, что на его решение занять высокий религиозный пост повлияло и мнение, исходившее из весьма авторитетного органа центральной власти страны. Называли даже М. И. Калинина. Во всяком случае, то, что муфтием был избран уравновешенный, не фанатичный человек, с высокой научной и безупречной нравственной репутацией, имело, конечно, и политическую целесообразность¹.

В конце 1924 года стало известно, что муфтий Р. Фахретдинов собирается предпринять поездку в Казань с которой его связывали научные интересы и личные знаком-

¹ Большой резонанс в мусульманском мире вызвало опубликованное в «Правде» и перепечатанное в ряде зарубежных изданий воззвание «Ко всем братьям-мусульманам», подписанное Р. Фахретдиновым, К. Таржимановым, С. Хасановым и Мухлисой Буби. В нем, наряду с призывом помочь голодающей России, содержалось обвинение английского правительства в антимульманской политике. (См.: Правда, 1923, 12 июня).

ства со многими представителями татарской интеллигенции. Для большинства из них Риза Фахретдинов был в первую очередь популярным журналистом, историком и только затем воспринимался как религиозный деятель. Учитывая необходимость выяснения взглядов муфтия на положение дел в духовной жизни республики и его определенное влияние не только на верующих, было принято решение установить с ним деловые контакты на самом высоком уровне. Вопрос был рассмотрен на секретариате областного комитета партии. Проведение бесед и встреч поручалось Председателю Совнаркома ТАССР Хаджи Габидуллину и председателю академцентра республики, известному писателю и общественному деятелю Галимджану Ибрагимову.

В конце февраля 1925 года состоялись две встречи с Р. Фахретдиновым. Во время первой встречи в Совнарком Татарии, в которой приняли участие Р. Фахретдинов, Х. Габидуллин, Г. Ибрагимов и другие официальные лица, по просьбе муфтия обсуждались проблемы деятельности духовных учреждений в республике, соблюдения законности по отношению к религиозным деятелям, обучения детей основам религии, открытия курсов по подготовке священнослужителей. Особую обеспокоенность Р. Фахретдинова вызывали нередкие случаи конфискации и уничтожения религиозных книг, в число которых нередко включались ценнейшие рукописи и другие исторические источники. Была высказана просьба о снижении налога на мечети и разрешении обучения детей религиозных служителей в светских учебных заведениях. Муфтий заявил, что в ряде республик и областей местные власти более решительно пресекают незаконные действия в отношении религиозных учреждений. В ходе обмена мнениями, принимавшего характер дискуссии, которая, впрочем, велась весьма корректно с обеих сторон, глава правительства обещал пресечь случаи нарушения законности. Для рассмотрения других вопросов предполагалось создать специальную комиссию.

Наиболее интересной была вторая беседа, состоявшаяся на квартире Галимджана Ибрагимова, в которой участвовали известный журналист и автор учебников Хади Максудов, профессор Мухитдин Курбангалеев, ученый секретарь академцентра Загид Норкин, редактор газеты «Кызыл Татарстан», член обкома Н. Парсин и сопровождавший муфтия один из старейших татарских публицистов Бурган Шараф. В ходе обмена мнениями были затронуты самые разные вопросы: от проблем халифата, оживленно обсуждавшихся в международных мусульманских кругах, до вопросов введения латинского алфавита у тюркских народов страны. Риза Фахретдинов поделился своими воспоминаниями об известном татарском просветителе Каюме Насыри, признав, что в свое время он недооценил масштаб его личности. Касаясь современного состояния культуры республики, особенно в области народного образования и искусства, он заявил, что о многом увиденном им нельзя было даже мечтать в недалеком прошлом. Он с признательностью принял написанную Г. Ибрагимовым книгу «Черные вехи», в которой содержались резкие оценки ряда высказываний и действий татарских писателей и общественных деятелей, находящихся в эмиграции. Речь шла в первую очередь о Гаязе Исхакове и Ахметзаки Валиди, с которыми Р. Фахретдинов продолжал научные контакты, не затрагивая политических темы. Судя по воспоминаниям Г. Ибрагимова, все эти встречи были положительно оценены руководителями республики и дали возможность внести известный вклад в уменьшение политической напряженности и обеспечение контакта с верующими. Вместе с тем Г. Ибрагимов, докладывая о результатах встреч, отметил, что у части духовенства сделанные советскими органами некоторые уступки могут стимулировать стремление к усилению влияния на население, особенно в сельской местности, и это надо учитывать в практической работе Советов всех уровней.

Муфтий Р. Фахретдинов в ритуальной одежде «ихрам» во время хаджа (снимок сделан по просьбе короля Хиджаза).

Оценивая эти встречи с позиций нашего времени, когда мы знаем многое из того, что произошло после них, следует сказать, что это были безуспешные попытки сближения и сотрудничества с целью вовлечения значительных слоев верующих в процесс поддержки советской политики, попытки отказа от конфронтации во имя общенародных интересов. Полагаю, что они имели и международное значение. Через год Р. Фахретдинов будет участвовать во Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке и займет на нем весьма лояльную по отношению к политике Советского государства позицию. А к голосу заместителя председателя этого конгресса прислушивались внимательно. Однако эта линия не получила дальнейшего развития. Причины этого нам теперь понятны.

Как сложились судьбы главных действующих лиц этой истории? Х. Габидуллин вскоре будет отозван в Москву, станет профессором МГУ, заместителем наркома просвещения РСФСР, в 1937 году его расстреляют как врага народа. Над головой муфтия тоже сгустились тучи. Риза Фахретдинов умер в 1936 году. Вскоре были арестованы 42 его сотрудника по муфтиату. Человек аскетического склада, он принципиально отказывался от всякого рода подношений и приношений, которые обеспечивал по традиции его высокий духовный сан. Его труды ждут своего часа, в том числе и уникальный «Асар» — своего рода историческая энциклопедия Востока. Трагической была и судьба выдающегося писателя и революционера Галимджана Ибрагимова, инициатора этих встреч. С конца 20-х годов он будет вынужден жить в Крыму. Тяжелая форма туберкулеза сделала невозможным его пребывание в Казани. В середине 1937 года в Татарский обком партии будет направлено состоявшее из нескольких десятков пунктов обвинительное заключение, подписанное одним из наиболее ретивых палачей-ежовцев майэром Я. Веверсом, начальником четвертого отдела НКВД ТАССР. В нем Г. Ибрагимов обвинялся в антисоветской деятельности... Один из пунктов гла-

сил: «вступил в сговор с известным контрреволюционером Р. Фахретдиновым и тайно принимал его на своей квартире...» Дни Г. Ибрагимова были сочтены, но он не дождался расстрела... Умер в тюремной больнице.

Когда мы сегодня говорим об общечеловеческих ценностях и их приоритете, то следует вспомнить и одну из попыток начать такой диалог в далеком 1925 году.

ХАДЖ ГЕНЕРАЛА ДАВЛЕТШИНА

В последние годы в нашем обществе заметно возрос интерес к Ближнему Востоку, все чаще становящемуся эпицентром событий, которые влияют на самочувствие всей планеты. Не последнее место, особенно у тюркоязычного населения страны, занимают и проблемы, связанные со «святыми местами» мусульманской религии — Меккой и Мединой, находящимися на территории Саудовской Аравии. Их посещение всегда считалось венцом жизненного пути правоверного мусульманина.

В силу целого ряда и геополитических, и субъективных причин начавшийся в двадцатых годах диалог Советского государства с саудовцами, видную роль в котором играл посол Советского Союза Карим Хакимов, направленный туда по решению Политбюро в 1924 году, был свернут к середине тридцатых. Если до начала тридцатых годов советскому полпреду благодаря гибкости и знанию психологии высших эшелонов власти Хиджаза (Хиджаз — тогдашнее название государства саудовцев) удавалось в какой-то мере нейтрализовать негативное влияние развернувшейся в нашей стране борьбы против религии, принимавшей нередко репрессивные и кощунственные формы, то после

ареста и казни Хакимова как «врага народа» в 1937 году отношения были практически прекращены.

Сейчас мы переживаем своеобразный ренессанс в отношениях с рядом ближневосточных стран, и вполне закономерно обращение к истории давних контактов с этим регионом.

Одной из наиболее известных личностей, внесших заметный вклад в ознакомление широких кругов российского общества с Саудовской Аравией, является генерал-майор Абдулла Абдуллович Давлетшин — сотрудник Азиатской части Главного штаба Российской армии. В 1898 году, еще будучи штабс-капитаном Главного штаба, он совершил длительную поездку в Хиджаз как участник «хаджа» в составе одной из групп паломников-мусульман из России. Результатом этой поездки стала книга «Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз», изданная в Петербурге в 1899 году (обратим внимание на инвизидную оперативность в издании книги, недоступную для нынешней полиграфии). Хотя на книге был гриф «секретно», как и на любом издании Генштаба, с ее содержанием можно было ознакомиться без особых затруднений. Немало экземпляров было направлено в учебные заведения, и не только военные. В Казанскую духовную академию книгу Давлетшина прислал в дар генерал-губернатор Туркестана. Впоследствии она из упраздненной академии попала в библиотеку Казанского университета.

Хотя на русском языке до революции публиковались сходные по жанру записки о посещении Мекки уфимцем Селимом Султановым и сотрудником русского консульства в Джидде Шамсутдином Ишмаевым, книга Давлетшина представляется нам явлением более значительным. Речь идет не только о точности географических, экономических и политических сведений, тут автор вне конкуренции. Надо помнить, что Давлетшин — сотрудник Генштаба, офицеры которого по традиции составляли интеллек-

туальную элиту русской армии. К тому же книга обладает и художественной самоценностью. Очевидно, не случайно крупный знаток истории Ближнего Востока Б. М. Данциг в своей фундаментальной книге «Ближний Восток в русской науке и литературе», изданной в начале 70-х в Москве, дает высокую оценку труду Абдуллы Давлетшина. Он считает, что эта книга сохранила свое значение и для нашего времени. И еще одна деталь. А. М. Горький приобрел «Отчет...» Давлетшина для своей личной библиотеки, которая следовала за ним во время многочисленных переездов. И не только перечитывал, но и собственноручно ее переплел. А такой чести удостоились немногие из более чем 9 тысяч книг библиотеки писателя.

Несколько слов о судьбе автора. Мы еще очень мало знаем о видных представителях русской военной интеллигенции из татар и башкир. Как правило, мусульманское вероисповедание (вопреки расхожим представлениям) не мешало продвижению по службе. Ряд офицеров из татар достигли генеральских чинов, в их числе С. Еникеев, Мустафин, Вагапов, С. Тальковский. Список можно расширить. Десятки стали старшими офицерами. Генерал-майор Абдулла Абдуллович Давлетшин занимает среди них особое место. Его блестящие познания о Востоке, владение арабским, турецким языками и фарси высоко ценились в Генштабе. Он прослужил в его Азиатской части, за исключением небольших перерывов для прохождения стажировки в войсках, вплоть до Февральской революции. Был консультантом при подготовке ряда дипломатических акций правительства на Востоке. В годы войны принимал активное участие в разработке оперативных планов ведения боевых действий на турецком фронте, дал ряд рекомендаций по снижению в Бухаре политической напряженности, вызванной амбициями эмира. В 1915 году А. Давлетшин вел переговоры с главным визирем хивинского хана Ваквафой Бакановым, стремясь, очевидно, не допустить усиления влияния англичан в этом регионе. Судя по все-

му, он выполнял свой долг профессионального военного так, как это предписывала ему присяга. В 1916 году велось расследование довольно неприглядной истории с получением взяток от феодальных правителей Средней Азии женой генерала Сухомлинова, бывшего в то время военным министром, и начальником Азиатской части Главного штаба генералом С. В. Цейлем. Была установлена полная непричастность к этому грязному делу Давлетшина. А. Давлетшин сыграл важную роль в создании главной соборной мечети столицы, являясь председателем комитета по ее строительству от закладки в 1910 году и до открытия в 1913 году.

После свержения самодержавия Временное правительство назначает Давлетшина членом Туркестанского комитета. Вместе с председателем этого комитета Щепкиным и депутатом Думы С. Максудовым в мае 1917 года он совершил поездку в Среднюю Азию. Однако политическая значимость этой миссии была ничтожна. Умиротворить бушующий регион было уже невозможно. Ему предстояло пройти через горнило гражданской войны...

Трудно судить, как бы сложилась дальнейшая судьба генерала-востоковеда, если бы не смерть от болезни в 1918 году. Есть сведения о том, что он поддержал идею создания Восточной академии штаба Красной Армии. Бесспорно одно: оружия против Советской власти он не поднимал.

В истории нашей науки и культуры А. Давлетшин остался в первую очередь автором интересной книги, доброжелательно и вдумчиво раскрывающей сложную и противоречивую обстановку на арабском Востоке, подчеркивающей свободолобие народа. Автор впервые дает социально-экономическую и этническую характеристику паломников из России, приводит любопытные факты формирования татарской общины в Хиджазе. Наиболее крупной частью этой общины в то время были 30 семейств, проживавших в предместье Медины, называвшемся

Монаха. Ее основателем был поселившийся там еще в 60-х годах астраханский татарин Абдусаттар. С помощью купцов Казани, Симбирска, Оренбурга и ряда городов Сибири эта община построила мечеть, медресе на сорок учащихся и помещения для паломников. Отдельные татарские семьи жили в Мекке и некоторых приморских городах и поселках Хиджаза.

Своеобразным завещанием Абдуллы Давлетшина являются его советы и рекомендации по упорядочению путешествий к святым местам, обеспечению паломников медицинской помощью, созданию условий для безопасного совершения хаджа.

МЕЧ НАД КРЕСТОМ И ПОЛУМЕСЯЦЕМ

В конце 1930 года в секретной информации из Татарии, направленной в Политбюро ЦК ВКП(б), с нескрываемым удовлетворением, сквозящим в сухих официальных формулировках, отмечалось среди прочих успехов борьбы с контрреволюционными элементами, что «органами Полномочного Представительства ОГПУ в Татарии была успешно вскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая организация, руководимая бывшими профессорами Казанской духовной академии В. И. Несмеловым, Н. В. Петровым, М. Н. Васильевским, И. М. Покровским, Е. Л. Полянским и викарным епископом Чистопольским Иосафом Удаловым». К ним в качестве соруководителей были «подверстаны» также находившиеся в Казани на положении ссыльных бывший профессор Томского университета священник Я. Я. Галахов и епископ Яранский из Вятской епархии Н. К. Трез-

инский. Всего же в качестве активных членов организации привлекалось 33 человека. Полномочным представителем ОГПУ в Татарии был тогда Д. Кандыбин, назначенный вместо своего предшественника Кадушина, выдворенного из республики за чересчур уж беззастенчивые фильсификации дел против партийного актива. К тому же Кадушин оказался пьяницей и развратником, да еще с поддельным партийным стажем. Кандыбин потом вовремя выйдет из «игры», найдет теплое место в системе военной юстиции и в качестве члена военной коллегии Верховного суда отправит на плаху сотни человек, в том числе и генерала Павлова, обвиненного летом 1941 года в предательстве.

Но, прежде чем перейти к рассказу об этой трагедии, необходимо хотя бы кратко напомнить о некоторых фактах, характеризующих положение дел в стране и республике.

Ряд опубликованных за последнее время документов свидетельствует, что негативное отношение к религии и организацию репрессий против ее деятелей нельзя объяснить только ожесточением гражданской войны и слепым бунтом и буйством толпы. Очевидно, не надеясь только на силу убеждения и просвещения, высшие эшелоны власти молодого государства планировали проведение принудительных методов внедрения атеизма. Религиозные структуры — это в равной мере относится ко всем крупнейшим конфессиям — оставались наиболее крупной помехой на пути распространения новых идей. Только их ликвидация могла, по мнению большинства руководителей, уничтожить очаги сопротивления в духовной области. После публикации известного письма в «Известиях ЦК КПСС» (№ 4, 1990), где В. И. Ленин весьма четко формулирует репрессивную политику по отношению к церкви, у нас исчезает утешительная мысль о том, что эксцессы происходили вопреки, или, по крайней мере, без ведома высшего руководства. Хотя в письме речь шла о православной

церкви, но его «методические» принципы касались, очевидно, всех вероисповеданий.

В ходе революции и гражданской войны на территории Казанской губернии пострадал ряд религиозных учреждений. В Казани во время октябрьского восстания снаряды попали в здание духовной академии. Были случаи разрушения церквей и мечетей, арестов и в отдельных случаях расстрела священнослужителей. Однако в целом структуры религиозных учреждений не понесли существенных потерь. В 1921 году в Татарии еще насчитывалось 598 мусульманских, 273 православных и более двадцати других учреждений культа. В Казани действовали 6 монастырей, за ее пределами — 8. С учетом сложности проведения национальной политики до середины 20-х годов в ряде территорий, населенных мусульманами, допускалось существование религиозных школ при мечетях, был заключен своеобразный «конкордат» между государством и муфтиатом. В Наркомнаце наиболее либеральной и прагматической линии по отношению к религиозным учреждениям придерживался член коллегии М. Султан-Галиев, выступивший со специальной брошюрой о формах и методах антирелигиозной работы среди мусульман. Автор подчеркивал, что «всякая казенщина или излишняя крикливость в этом деле должны быть устранены...».

Свидетельством неоднозначных тенденций в руководстве партии и государства является и секретное письмо ЦК РКП(б), подписанное И. Сталиным в августе 1923 года. В нем местные партийные органы предостерегаются от излишне репрессивных мер по отношению к священнослужителям, запрещаются методы борьбы, унижающие личное достоинство верующих. Подобные явления, подчеркивалось в письме, приводят к вооруженным столкновениям и «грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви».

Однако, как показывает ретроспективный анализ, все эти отклонения от общей линии, вызванные тактическими

соображениями, не могли существенно повлиять на главное направление политики по отношению к религиозным организациям — курс на ликвидацию религии и создание безрелигиозного, атеистического общества. Особенностью этой политики, как, впрочем, и других направлений государственной и общественной жизни, являлся частый разрыв между официальными документами и секретными постановлениями и письмами, нередко существенно корректирующими и практически даже отменяющими опубликованные ранее решения. Классический пример подобных «вакулисных директив» — история компрометации ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин». После ее опубликования на места было направлено секретное письмо, подписанное «наличными членами Политбюро и Оргбюро». В нем отмечалось, что Ленин написал эту статью, не зная истинного положения дел в партии, и отношение к ней должно быть соответствующим. Соответственно, и ряд постановлений СНК и ВЦИК, декларирующих в общем-то довольно терпимое отношение к религиозным организациям, дополнялся негласными указаниями партийных инстанций, нередко в корне меняющими дело.

Добавим еще, что пик негативного отношения к религии обычно совпадал с серьезными затруднениями во внешней и внутренней политике.

Начало 1930 года было кризисным во всех областях и особенно в сельском хозяйстве. «Большой скачок», напавший в то время «великим переломом», дезорганизовал аграрный сектор страны. Его последствия преодолевались вплоть до самой войны. Кризисные явления вызвали брожение умов и недовольство и в самой партии. Как едко заявил в частной беседе секретарь Татарского обкома ВКП(б) М. Разумов, «Сталин требует сплошной коллективизации в самые быстрые сроки и одновременно предупреждает, что в случае недовольства масс мы отвечаем головой». При всеобъемлющей системе политического сыска это откровение было, конечно, зафиксировано и

доведено «куда следует». Дождался данный компромат своего часа уже после ареста Разумова в Восточной Сибири в 1937 году.

Очевидно, не случайно на начало тридцатых годов в Татарию пришелся целый ряд новых политических дел: борьба с «султангаалиевщиной», «крестьянским иттифаком», «сагидуллинщиной». Были проведены аресты среди мусульманского духовенства в Казани, Буинске, Бугульме, Чистополе, Мамадыше, инспирировано дело по обвинению в буржуазном национализме руководителей кооперативного издательства «Яна китап» и пр. Об этом нужно говорить особо. Сейчас же продолжим рассказ о «контрреволюционной церковно-монархической организации».

В обвинительном заключении, подписанном 15 сентября 1931 года начальником секретно-оперативного управления ОГПУ по Татарской республике Неверновым и его подчиненными Якуниным, Власовым и Степановым, утверждалось, что руководители контрреволюционного центра религиозно-монархической организации Несмелов, Петров, Удалов и Троицкий ставили своей конечной целью свержение Советской власти. К ним примыкали боевики из группы «хрисомол» — союз христианской молодежи, возглавляемой священником С. Воронцовым и его женой. Изучение следственного дела, а также показаний свидетелей, смахивающих на обыкновенный донос, убеждает, что даже по тем весьма крутым временам большинство обвинений явно «не тянет» на попытку свержения Советской власти. Суть, очевидно, в другом. Лидеры этой «группы» — люди, относящиеся к весьма уважаемой части русской интеллигенции Казани, связанной с церковным миром, не воспринимали упрощенную, примитивную трактовку общественно-политической жизни, примитивизацию духовного мира общества. Отсюда и весьма резкие оценки происходящего. Так, профессор В. И. Несмелов во время бесед со студентами рекомендовал учить философию по Гегелю, имен Маркса и Ленина в связи с проблемами фи

лософии не упоминал. Причем заявлял, что Маркс с точки зрения профессионала-философа — жалкий немецкий бюргер. Об этих крамольных разговорах один из студентов не преминул сообщить «куда следует». Особое негодование следователя вызвало утверждение профессора о том, что христианство и диктатура пролетариата несовместимы. Еще более крамольные мысли, судя по следственному делу, содержались в дневнике. Вот один из отрывков: «Пламя классовой вражды, поминутно раздуваемое, вой гиен и шакалов, ищущих добычи для подвалов, ссылок, тюрем... Это беспросветная, затяжная перманентная духовная пурга, бесовская свистопляска...».

Особо резкие политические формулировки имелись в дневнике томского священника профессора Я. Я. Галахова, высланного в Казань после четырехлетнего пребывания в Туруханском крае: «Сталин решил ликвидировать кулака как класс. Во что обойдется этот опыт народу, удастся ли колхозная операция, каких кровавых слез она будет стоить миллионам народа, что будет в результате всего, сами руководители движения не могут сказать. Лучшая часть крестьянства русского обречена в жертву социальному Молоху». Слова обвиняемых о том, что дневники — это записи для себя, для чужих глаз они не предназначаются, во внимание не принимались. Такие мысли, даже не произнесенные публично, были страшны и вредоносны.

Однако при всей неприемлемости их мировоззрения профессора — люди преклонного возраста, они явно не подходили на роль террористов и организаторов мятежей. Поэтому, очевидно, было принято решение укрепить ряды инговорщиков лицами, которые уже привлекались ранее к контрреволюционную деятельность. В конце 1929 — начале 1930 гг. в Казань после отбытия различных сроков тюремного заключения и ссылки были административно высланы священнослужители и монахи из ряда восточных епархий, в основном сибирских. Они были лишены

гражданских прав (люди старшего поколения, очевидно, помнят, сколько горя и трагедий крылось за словом «лишенец») и в основном жили за счет скудных пожертвованной верующих.

Среди них были весьма колоритные фигуры. Назовем прежде всего Н. К. Трезвинского — епископа Яранского, в 1925 году он был сослан на Соловки, после отбытия трехлетнего наказания проживал в Казани как административный ссыльный — «минусник». Термин «минусник», часто встречающийся в делах того времени, означал возможность проживания, за исключением ряда городов (минус), на строго контролируемых условиях. В Казань были направлены также священник Е. И. Едемский-Своеземцев из Иркутска, активный участник гражданской войны на стороне красных, до июля 1920 года — начальник штаба артбригады, он был дважды судим коллегией ОГПУ; Н. А. Дягилев, священник из Екатеринбурга, в 1923—1926 гг. находился на Соловках, в Казани с 1926 года, «минусник», был настоятелем Богоявленской церкви; П. В. Титков, диакон Пятницкой церкви Москвы И. Н. Вешняковской в Казани, сюда он прибыл в 1927 г.; А. И. Волкитин, священник из Уфы, был четырежды судим ОГПУ, в Казани с 1928 г., и другие.

Были привлечены еще бывшие монахини женских монастырей, в основном казанских, но не только. Среди них А. С. Алексеева — в 1921—1924 гг. настоятельница Федоровского монастыря в Казани, Л. Е. Мануйлова — до 1917 г. директор частной гимназии в Казани, А. А. Кукарникова — до 1925 г. учительница, а затем монахиня, Ю. В. Стахеева — человек трагической судьбы, дочь В. Стахеева — из знаменитой семьи елабужских купцов-меценатов, медсестра, с 1922 г. — монахиня, и другие. Особняком среди них стояли Е. А. и О. М. Антипины — мать и дочь. Обе уже имели богатый опыт общения с ОГПУ. Еще в 1925 году за распространение воззвания епископа Андрея (Ухтомского) они были осуждены на

пять лет «домзака», так тогда именовали тюрьму. Ольге Антипиной было в то время всего 17 лет. Судя по всему, они уже не испытывали трепета перед ОГПУ и, пройдя через тюремные «университеты», держали себя независимо и дерзко. О. Антипина заявила на допросе: «ГПУ само нарушило действующие законы Советской власти о свободе совести и вероисповедания. Таким образом, как раньше жандармерия душила свободу мысли, так и теперь ГПУ делает то же самое... Разница в том, что жандармы делали это откровенно и нагло, а ГПУ — то же самое, но под прикрытием хороших законов».

И, наконец, внутри привлеченных была выделена группа молодых во главе с регентом хора и священником Вознесенской церкви Казани С. Н. Воронцовым. Его неосторожное, шутовское замечание на спевке о том, что есть вот комсомол, а мы, наверное, «хрисомол», стало основанием для обвинения в создании подпольной группы христианской молодежи.

Аресты начались летом 1930 года, и по мере расширения круга обвинений в группу включались все новые лица, в их числе директор Казанской психиатрической лечебницы А. Д. Скалозубов, выпускник сельхозинститута И. Н. Соколов, телеграфистка Е. Н. Степанова.

Следствие продолжалось более года. Нет основания говорить о применении физических мер воздействия, тем более в тех формах, которые получили широкое распространение в середине тридцатых годов. Давление было психологическим и режимным. Судя по некоторым данным, следствие пыталось связать казанскую группу с церковной контрреволюционной организацией, якобы действовавшей по всей стране, приписать ей контакты с зарубежными иерархами и даже поддержку папы римского. Весьма серьезным могло стать обвинение части привлеченных, проживавших в Козьей Слободе, в подготовке диверсий. Во время массовой («по требованию трудящихся») ликвидации храмов в Казани, которая происходила в 1929—1931 гг.,

в Заречье, по утверждению следствия, была обнаружена листовка, содержащая угрозу взорвать пороховой завод в случае слома Ягодинской и Кизической церковей. Очевидно, доведенные до отчаяния прихожане могли написать и такое. Но причастность кого-либо из обвиняемых к этой угрозе не была доказана, и в обвинительном заключении данный эпизод не фигурировал.

Что же касается связи с зарубежьем, то был доказан только один случай: 68-летний священник Петропавловского собора А. И. Боголюбов переписывался с эмигрировавшим в Китай своим бывшим прихожанином, известным казанским купцом Унжениным. Тот успешно вел свои коммерческие дела и нередко присылал на имя Боголюбова немалые деньги (официально, через почту) для поддержки храма. В одном из писем была прислана листовка, содержащая стихи весьма агрессивного характера. В частности, в них говорилось: «Стонет измученный грешный народ. Гибнет под гнетом стыда и невзгод. Боже, лукавого власть изживи. Боже, царя нам верни!» Правда, не удалось доказать, что Боголюбов с ними кого-нибудь знакомил. Но листовка такая в его бумагах была все же найдена¹.

Сложнее всех было положение епископа Яранского Нектария Константиновича Трезвинского. Судя по всему, он пользовался большой популярностью среди бывших прихожан, часто приезжавших из самых отдаленных мест Вятской губернии к нему в Козью Слободу, где он жил в доме одного из доброхотов. Его обвиняли также в том, что через казанских монашек он оказывал материальную

¹ Выпускник Казанской учительской семинарии, уроженец Лаишева Андрей Иванович Боголюбов многие годы прослужил в сельских епархиях. Был незаурядным историком-краеведом, печатал свои яркие зарисовки из жизни прихожан и истории храмов в журналах и газетах. Его небольшая книга о селе Ключищи и правобережье Волги от Услона до Шеланги с уникальными историческими сведениями и меткими этносоциальными наблюдениями и сейчас читается с захватывающим интересом.

помощь ссыльным. Очевидно, этот крупный иерарх, священный личной дружбой с московским епископом Дмитрием Гдовским, действительно вызывал беспокойство и в центре.

В конце следствия был арестован и казанский vicарный епископ Иосаф, в миру Иван Удалов, только что вернувшийся из ссылки после пятилетнего пребывания на Севере по решению коллегии ОГПУ. Его, как и Трезвинского, обвинили в создании подпольной церковной организации, отказывающейся сотрудничать с властями.

Итак, после годичного расследования, во время которого все обвиняемые, кроме Несмелова, находились под арестом, «дело» было закончено. Все 33 обвиняемых были признаны виновными в контрреволюционной деятельности, определяемой зловещей статьей 58 УК РСФСР. Верхний предел наказания по этой статье — высшая мера, нижний — три года. Однако следствию было ясно, что даже самый послушный суд не усмотрит в деятельности группы церковных интеллигентов и небольшой кучки женщин-монахинь, считавших своим долгом проявлять милосердие и спасать от голодной смерти ссыльных, оставшихся без средств к существованию, признаки грозной заговорщической организации, угрожавшей самому существованию Советской власти. Для такого рода дел существовала коллегия ОГПУ СССР, куда в конце сентября и было направлено обвинительное заключение. Для обвиняемых потянулись тягостные дни ожидания. Вселяло некоторую надежду и то, что в заключение было отмечено: 16 человек вину свою отрицали, а почти все остальные признали ее только частично. Да и эти признания были весьма сомнительны. Кроме того, несколько десятков лиц, обвиняемых в сотрудничестве с «хрисомолом», «завербованных» Трезвинским или входивших в «группу» бывшего профессора Казанской духовной академии И. И. Сатрапинского, были оставлены под подозрением, и разработка

их дел продолжалась. Очевидно, готовилась еще одна контрреволюционная организация.

На заседании Особого совещания при коллегии ОГПУ 26 января 1931 года приговор Трезвинскому гласил: 10 лет концлагерей. Очевидно, яранский епископ с его широкими связями среди опальных церковных иерархов Москвы и Ленинграда и огромной популярностью среди паствы, стоящей под гнетом коллективизации и раскулачивания в Вятском крае, казался особо опасным. Все остальные получили сравнительно мягкие приговоры: 3 года лагерей или высылку в Казахстан и северный край. Несмелов был избавлен по ряду причин и от этого. Впрочем, мы не знаем деталей того, как проходил процесс вынесения приговоров. Скорее всего, их утверждали одновременно на сотни людей. Да и от признания или непризнания вины практически ничего не зависело.

Вспоминается рассказ нашего удивительного художника и мыслителя Баки-ага Урманче. В те годы он, заведующий учебной частью художественного техникума, был арестован по делу «султангалиевцев» и затем провел несколько лет на Соловках. Много любопытного поведал он о соловецких былях. Что ни фамилия, то знаменитость... Так вот, после полугода пребывания в ожидании приговора на Лубянке его наконец вызвал к себе следователь Восточного отдела ОГПУ Ахметзян Алмаев, давний знакомый еще по гражданской войне, и, показав какую-то бумагу, сказал: «Вот здесь твои пять лет, уже и печать поставлена. В ответ на вопрос, а как же с допросами и надо ли что-нибудь подписывать, Алмаев спокойно ответил: «Не надо ничего! Все уже сделано по бумаге из Казани. Давай лучше на прощанье я тебя угощу чаем!» Так вот буднично и даже без особого озлобления решалась судьба людей. Были указания, существовали, очевидно, какие-то «плановые» количественные показатели по разоблачению определенных категорий, ОГПУ поручалось исполнение этих предначертаний. Так, наверное, произош-

ло и с казанской организацией монархистов-церковников.

Как дальше сложилась судьба тридцати трех? Для многих это было начало скорбного пути в небытие. После завершения срока часто следовали новые аресты. И. К. Трезвинский и А. И. Волокитин, находясь в казахстанских лагерях, попадут под расстрельную кампанию осени тридцать седьмого года, когда «тройки» НКВД посылали на смерть многих из тех, чьи сроки по статье 58 уже заканчивались. В Соловках так были расстреляны еще остававшиеся в заключении видные «султангалиевцы» И. Фирдевс, К. Мухтаров и Р. Сабилов. В делах несколько раз встречается имя Стахеевой. Судя по всему, она осталась в Сибири и перед самой войной была арестована по новому делу. Профессора же, ввиду преклонного возраста, были освобождены. Некоторые даже не отбыли полностью срока. С. Н. Воронцов — организатор мифического «хрисомола» — после отбытия трехлетнего срока в лагере работал, был мобилизован на фронт и сложил там свою голову за Отечество... Ангелину Алексееву расстреляли в 1938 году как «троцкистскую террористку».

Резонанс в Казани от процесса «профессоров, епископов и монахинь» был сравнительно небольшим. Вскоре наступили более страшные времена — убийство Кирова и последовавший разгул репрессий, переросший в приснопамятный тридцать седьмой год.

Верховный Совет РСФСР принял закон о свободе вероисповеданий. В парламенте России приводились такие данные: в 1917 году в стране было 78 тысяч действующих православных храмов, к 1939 году их осталось около сотни, из 100 тысяч священников не более 500; еще в 1918 году были закрыты все духовные учебные заведения. Казанская духовная академия, в стенах которой было немало первоклассных профессоров-историков, философов, с которыми считал за честь сотрудничать университет, выпустила в том году последние 40 человек. Профессора

Халил Ядгари. Мулла, журналист, ученый. С сыном. Расстрелян 22.XI.1938 года.

академии в большинстве своем остались без работы. О судьбе некоторых из них вы узнали из этого очерка.

Подобная же судьба постигла и мусульманское духовенство. Еще в 1928 году по инициативе Сталина Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос о мусульманских духовных учебных заведениях и преподавании

религии в обычных школах, отменило ранее действовавшие постановления ВЦИК¹. В Татарии были расстреляны Хади Атласов, Касим Исхаков, Бари Фаттахов и десятки других видных мулл и богословов. Сотни из них нашли свой конец на многочисленных «островках» архипелага ГУЛАГ. В Башкирии только по делу ДУМЕС после смерти муфтия Р. Фахретдинова было привлечено более

¹ Рядом постановлений ВЦИК и ЦК ВКП(б), принятых в 1923—1925 гг., в ряде мусульманских регионов страны было разрешено преподавание основ религии для детей школьного возраста на строго регламентированной основе. В тот же период в специальном письме, подписанном Сталиным, запрещались наиболее одиозные и издевательские меры против священнослужителей и конфессиональных общин. Причем ответственность за их прекращение возлагалась на руководителей партийных комитетов всех уровней, от республиканских до районных. (См.: ЦХИДНИТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 841. Л. 64): Очевидно, новый «тур» борьбы с религией был связан с подготовкой к «великому перевороту» и необходимостью дальнейшего подрыва нравственных устоев общества и, в первую очередь, в деревне.

40 человек. Закрывались мечети, отбирался и уничтожался Коран¹.

Последнее было настолько уж провокационным и угрожающим вызвать мятежи, что вызвало серьезную тревогу центра. Местные власти получили внушение Сталина, было запрещено «соревнование» по сдаче Корана в утиль, и авторы статьи в «Кызыл Татарстане» «Как свинья победила «Коран»» об открытии свинофермы в мечети получили строгий выговор.

Впрочем, Политбюро и Сталина беспокоили не сами факты беззакония — все это было составной частью построения атеистического общества, — а их огласка, вызывающая нежелательный резонанс в мире. Вот одно из ярких подтверждений сказанного: 18 марта 1930 года в газете «Рабочая Москва» была напечатана информация о закрытии в столице 56 церквей, и к вечеру того же дня по инициативе Сталина ЦК исключил редактора газеты Лазьяна из партии за разглашение государственных секретов и принял другие оргмеры.

Наконец, в 1930 году был закрыт последний монастырь в Татарии.

Один из самобытных мыслителей наших дней, поэт и депутат Б. Олейник говорил недавно о самом страшном дефиците нашего общества — дефиците совести. Два кризиса переплелись тесно — кризис экономики и кризис нравственности. Не думаю, что только религия спасет нас от всех бед, хотя очень уж любим мы бросаться из крайно-

¹ Судя по чудом сохранившимся дневниковым записям известного муллы, просветителя и учителя Халиля Султан-Бика-Ядгари, сделанным им в лагере на Беломорканале в начале 30-х годов, там среди заключенных находилось более 500 мусульманских священнослужителей из Татарстана. А ведь это только один из «островов архипелага ГУЛАГ». Автор записей был расстрелян в Красноярске 22 ноября 1938 года в числе 59 человек, в основном состоявших из «престарелого антисоветского элемента», отправленных на смерть только по одному из протоколов заседания «тройки» НКВД края.

сти в крайность. Сами священнослужители больше реалисты, чем мы. Но опыт, горький опыт более 70 лет показал, что без нравственных устоев, которые включают в себя и некоторые постулаты религии, нам не обойтись. Но и церквям всех конфессий не надо бы очень уж тесно примыкать к политическим структурам... Был уже печальный опыт и до 17-го года и после... И декоративное стояние в храмах политических лидеров со свечками и без оных веру и благолепие в народе не укрепят. Другое тут необходимо.

КАЗАНСКИЙ ПРОТОДЬЯКОН — ДРУГ СТАЛИНА

Несколько лет тому назад в процессе изучения некоторых следственных дел в архиве КГБ ТАССР — работа была связана с подготовкой материалов для реабилитации Султан-Галиева — мне пришлось познакомиться и с делами ряда представителей духовенства всех конфессий. Некоторые впечатления об этих трагических судьбах нашли отражение в очерке «Меч над крестом и полумесяцем», опубликованном в ноябре 1990 года. В нем речь шла об одной из групп, созданной фантазией следователей ПП ОГПУ по Татарии в 1930 году из нескольких престарелых профессоров Казанской духовной академии, сосланных сюда священников и монахов, прихожан, получившей громкое и зловещее название «Контрреволюционная церковно-монархическая организация». Очерк неожиданно вызвал довольно широкие отклики: нашлись родственники некоторых жертв, в письмах назывались неизвестные

факты о дальнейшей судьбе отдельных «фигурантов» этого процесса. Довольно интересное письмо получил я и от епископа Константина (Горянова) — ректора Белорусской духовной академии, известного ученого-богослова, в своей диссертации рассмотревшего различные аспекты религиозно-философских взглядов одного из профессоров КДА Несмелова, проходившего по этому же делу.

В числе документов, которые находятся в делах «казанских церковно-монархистов», наряду с обычными протоколами допросов, справками, запросами и доносами встречаются и весьма любопытные, представляющие общенсторический интерес. Об одном из них и пойдет сегодня речь. Какое отношение он имеет к названию, вынесенному в заголовок этого очерка, читатель узнает несколько позже.

В середину одного из дел вшито 20 машинописных листов, напечатанных в полтора интервала с оборотом. Если перевести это на доступный нам язык, то здесь приблизительно два с половиной печатных листа — это объем полновесной брошюры. Подписи нет, документ безымянный. Но в конце пометка от руки: «получено от ПП (полномочного представительства) ОГПУ по ЛВО» и подпись: «12 ноября 1930 г. Ст. уполномоченный СО (Секретного Отдела) ГПУ ТР Власов». Фамилия весьма известная: в конце 20 — начале 30-х годов Власов вел следствие по ряду дел, связанных с интеллигенцией. На этих двадцати листах безымянный автор образным и ярким языком и, как показывает проверка по другим источникам, весьма правдиво рассказывает о драматических событиях в жизни казанской епархии с 1917 по 1924 год включительно. Этому рассказу предпослано и небольшое введение о дореволюционной истории епархии и краткая характеристика ее наиболее видных иерархов¹. В конце

¹ В частности, дана яркая характеристика последнего казанского митрополита Кирилла (Смирнов Константин Илларионович. 1863—20.11.1937), человека всесторонне одаренного, верного сторонника пат-

Митрополит Казанский Кирилл — Смирнов Константин Илларионович (род. 1863 г.— расстрелян 20.11.1937 г.)

очерка я постараюсь высказать свою версию появления этого документа и нарисовать приблизительный «портрет» его автора. Пока скажу только, что его насыщенность информацией и деталями из церковной жизни, многие из которых не сохранились ни в одном архиве, такова, что под бойким пером элементарно грамотного человека, не лишённого журналистского навыка,

вполне может появиться на основе этой справки книжка по истории епархии, весьма интересная для читателя, особенно если не ссылаться на конкретный источник и разбавить его деталями, вполне доступными нашему воображению.

Отдельные эпизоды, талантливо рассказанные безымянным автором, таковы, что и сами по себе могут стать основой детективных и иных занимательных рассказов и повестей. Во всем этом не вижу ничего плохого. При одном условии: если будет упомянут конкретный источник бесценной информации и тем самым выражена благодарность неизвестному автору. Противоположные примеры, к сожалению, уже есть.

риарха Тихона, расстрелянного по решению «тройки» Южно-Казахстанского УНКВД. Начиная с 1920 года он практически без перерыва находился в тюрьме и ссылке.

Из примечательных сюжетов этого документа назову трагическую судьбу монахов Зилантова монастыря, расстрелянных в 1918 году, трагикомическую историю находившегося под «колпаком» ГПУ рукописного журнала «Красный звонарь», в семи номерах которого сатирически освещалась жизнь епархии, историю церковного «самиздата» в Казани, детали возвышения и падения «живоцерковников» и другие. Последний сюжет драматичен: к этому движению, которое было направлено против патриарха Тихона и скрытно «подпитывалось» органами, примкнули и люди, искренне верившие в то, что «живая церковь» несет обновление. В Казани в их числе были бывшие законоучители гимназий, священники С. Спирин, В. Беллавин, М. Колокольников и, пожалуй, самый яркий среди них талантливый оратор отец Павел Ружимский. Стронники Ж. Ц. в Казани на какой-то срок взяли верх во всех почти храмах, кроме большинства монастырских и Петропавловского собора. Священник Сосунцев стал даже издавать разрешенный властями журнал «Жизнь и религия», носивший ярко выраженную «антипатриаршью» направленность. Не оставались в долгу и сторонники Тихона. В начале 1923 года по рукам ходила едкая эпиграмма на П. Ружимского, ставшего «живоцерковником»:

«Во время встречи в прошлый год
Ружимский говорил в Соборе
И убеждал тогда народ,
Как свиньи, не бросаться в море.
Лишь год промчался с той поры,
Но что же видим мы:
Что сам «свиньей Гадаринской»
Стал митрофорный поп Ружимский»¹.

В июне 1923 года после освобождения патриарха Тихона часть казанских храмов возвращается под патриаршье

¹ В эпиграмме обыгрывается евангельский эпизод о вселении нечистой силы в стадо свиней, бросившихся после этого в воду озера. Событие произошло близ городка Гадара.

управление. В них проводится обряд очищения от «живоцерковной» скверны. За «живоцерковниками» осталось шесть храмов, но их причт и прихожане тоже проявляли колебания. Среди них был и П. Руфимский. Конец его земных дней был впечатляющ. В октябре на диспуте о религии в актовом зале университета настоятель Грузинской церкви Павел Руфимский, произнес блестящую речь в защиту религии и закончив ее словами «а все-таки бог существует» под аплодисменты зала упал, сходя с трибуны. Сердце не выдержало волнения. Хоронили его по православному обряду. Отпевал архиерей Иосаф, верный сторонник Тихона.

Особого разговора заслуживает история с таинственной ризницей на хорах Благовещенского собора, в которой настоятель Андрей Поликарпович Яблоков хранил сокровища искусства мирового значения. Вокруг них началось противостояние местной ЧК и музея, закончившееся победой музея...

В этом кратком перечислении сюжетов документа — только небольшая часть заключенной в нем живой истории духовной жизни Казани в эти переломные годы, и не только церковной. Кстати скажем, что пресловутое изъятие церковных ценностей в Казани прошло тогда без всяких инцидентов. Разумную сдержанность и готовность к компромиссам проявили и церковные иерархи, и партийно-советское руководство республики. В отчете обкома отмечалось: «...кампания по изъятию церковных ценностей дала значительные результаты... эксцессов не наблюдалось. В некоторых местах замечалась добровольная сдача ценностей самим духовенством. В продолжение и после кампании собрано золота 1 фунт 69 золотников, драг. камней 125 каратов, серебра 404 пуда 2 фунта и много золотых и серебряных денег...» Полагаю, что весьма доброжелательный тон партийного документа также говорит о разумной сдержанности властей по этому конфликтному для многих епархий вопросу. Что же касается ценностей взломанной

ризицы Благовещенского собора, переданных вопреки требованию ЧК в музей (большую роль в этом сыграли П. Дульский и И. Стратонов, последний затем стал пассажиром «философского» парохода), то среди них, судя по описи, были такие раритеты, как панагии, золотые кресты, митры, унизанные жемчугом и осыпанные драгоценными камнями, саккосы, шитые жемчугом, жемчужная митра митрополита Маркела и алмазное Евангелие патриарха Адриана, иконы «строгановского» письма, миниатюры, ювелирные изделия, древние богослужебные книги. По мнению Дульского и Стратонова, 33 предмета из множества сокровищ, находившихся в соборе и переданных в музей, являлись уникальными произведениями древнерусского церковного искусства....

Не знаю, что сохранилось в нашем музее, учитывая ряд обстоятельств и лиц в его истории, но не грех хотя бы кое-что из оставшегося вернуть Казанской епархии для использования по прямому назначению, а Евангелие Адриана отдать патриархии. А то ведь все равно пылится в запасниках... Если только пылится...

Ну а теперь перейдем к интригующему заголовку о Сталине и казанском протодьяконе. Начнем с названного выше документа. Из него следует, что еще до революции казанская епархия славилась своими певческими голосами. Особой популярностью пользовались хоры архиерейский, Казанского женского монастыря и лучший в Поволжье хор под управлением С. Морева, дававший каждый год во время великого поста несколько концертов в зале Дворянского собрания, на которые съезжались ценители искусства даже из обеих столиц. Славился и знаменитый бас протодиакона Петропавловского собора Аксенова.

Незадолго до революции началось восхождение к славе учащегося миссионерских курсов в Спасском монастыре уроженца села Кольцовки Казанской губернии Максима Михайлова. Еще во время обучения на курсах, когда

в сослужении участвовал Михайлов, в монастырский собор приходили сотни людей ради его голоса. После «рукоположения во диаконы» он недолго служил в сельской церкви, а в 1918 году лихолетье гражданской войны забросило его в Сибирь. Могучий бас и богатырская внешность молодого дьякона сделали его весьма популярным в Сибири и на Дальнем Востоке. После разгрома антибольшевистских сил на Востоке Михайлов не ушел в эмиграцию. Правда, возвращение в Казань затянулось не по его вине. Осенью 1922 года он снова в Казани в качестве протодьякона Воскресенской церкви¹. С его приездом возобновляется хоровая традиция. Правда, Казань потеряла в годы гражданской войны хоры духовной академии, женского монастыря и архиерейский, но многие из этих великолепных голосов влились в хоры Морева и его ученика Нечаева. Каждый из них, по мнению автора цитируемого документа, имел свои особенности и своих «звезд». Моревский отличала изумительная гармония голосов, «хор звучал как орган», а в нечаевском пела жена дьякона Покровской церкви Далматова — обладательница изумительного сопрано. Ее голос, по мнению знатоков, украсил бы сцену и Большого, и Марининского театров. Основным местом служения моревского хора была Воскресенская церковь с протодьяконом Максимом Михайловым, а «нечаевского» — Богоявленская и Покровская церкви. Михайлов участвовал и в концертных выступлениях хоров. Но особую популярность имели введенные им «ектении», исполняемые нараспев. Вообще 1923—1924 годы для церковно-хорового пения в Казани были временем расцвета. По приглашению Нечаева в Казани в 1924 году побывал знаменитый композитор и регент П. Чесноков, автор многих «ектений», давший несколько концертов в Богоявлен-

¹ На месте снесенной церкви сейчас стоит здание химфака КГУ. И на том спасибо: хоть храм науки построили, а не купальню, как на месте собора Христа Спасителя в Москве.

ской и Воскресенской церквях. Здесь он и встретился с Максимом Михайловым, о котором был наслышан еще в Москве от самого патриарха Тихона. Могучий талант и широкая натура протодьякона требовали, конечно, иных масштабов. Не совсем гладко складывались и его отношения со здешним церковным начальством, не было хорошей квартиры, ущемляли при «дележе» церковной кружки и т. п. Когда Чесноков от имени патриарха предложил Михайлову место в Москве, согласие охотно было дано. По приезде в Москву казанец был сразу же принят Тихоном и получил назначение в одну из самых почитаемых москвичами церквей — храм Василия Кесарийского, что на Тверской.

На этом сведения о протодьяконе Михайлове в следственном деле обрываются, да и сама справка доводит события только до начала 1925 года, когда она, очевидно, и составлялась.

А дальнейшие события в жизни М. Д. Михайлова, ставшего впоследствии народным артистом СССР, орденосцем и дважды лауреатом Сталинской премии, связаны с Москвой. Имя артиста еще при жизни было овеяно легендами, и его, как и любого выдающегося баса, пытались сравнивать с Шаляпиным. Было и есть это у нас всегда — ждали и ждем нового Шаляпина. Но, очевидно, такое уникальное явление человеческой природы, каким был Федор Иванович, появляется далеко не каждое столетие. Да и бесполезно сравнивать. Каждый великий артист, а Максим Дормидонтович был таким, очевидно, неповторим. Он стал выдающимся певцом Большого театра, одних из лучших исполнителей партий Сусанина, Кончака, Гремина, народных песен... Особенностью его было и то, что он никогда не участвовал ни в каких закулисных интригах, которыми также богат этот великий коллектив. Один из самых ярких наших дирижеров, Кирилл Кондратини, очень тепло вспоминая певца, особенно подчеркивал его высочайшие нравственные качества, оберсгавшие от

придворных склок. Он с юмором пишет и о том, что бывший дьякон с богатыми вокальными данными легко исполнял труднейшие оперные партии, на которых нередко «спотыкались» рафинированные воспитанники консерватории, но не всегда мог совладать с мощью своего голоса на репетиции. Поэтому, продолжал дирижер, «его нужно было сначала утомить, после чего он пел не крича, и получались великолепные варианты. Устав, он всегда подкреплял себя тем, что из шикарного шевиотового костюма доставал соленый огурец..., закусывал и снова начинал голосить. Души он был необыкновенной». Как человек тактичный, автор умалчивает о том, что предшествовало огурцу, «для густоты» голоса, так это искони называлось у басов... Впрочем, Максим Дормидонтович, как вспоминают знавшие его, ни в духовном сане, ни в светском не злоупотреблял этим средством и сохранил свой «божий дар» — голос — до самого конца земной юдоли, воследовавшей в 1917 году на 78-м году жизни.

Одной из самых загадочных сторон его жизни была личная дружба со Сталиным. Об этом также ходило много слухов. Да и редко кто мог, очевидно, сказать, что Сталин одарил его своей дружбой. Впрочем, рассказывали весьма сдержанно и неконкретно. При жизни вождя всякие упоминания о личных делах и привязанностях не только его самого, но и других «олигархов» были весьма чреватые... Рассказывают же анекдотический случай о молодой работнице, схлопотавшей до войны несколько лет лагерей только за то, что утром, придя на работу, рассказала подругам, что видела во сне, как «занималась любовью», — так мы это сейчас называем, — с самим Ворошиловым, да еще с деталями... Формулировка приговора была классической до двусмысленности: «за распространение слухов, компрометирующих члена Политбюро...».

О многом из своих взаимоотношений с вождем рассказывал певец Кондрашину, доверяя ему больше, чем кому-либо, и зная, что дальше это никуда не пойдет. И толь-

ко после ухода из жизни и Сталина, и Михайлова дирижер получил моральное право рассказать об этой загадочной дружбе. Именно дружбе, а не отношениях слуги и хозяина. Вот как это выглядело по рассказам Максима Дормидонтовича. Известно, что Сталин был не чужд искусству и литературе. Не будем вдаваться здесь в давний спор, была ли это искренняя любовь или политический расчет. Аргументы, подтверждающие и ту, и другую точки зрения известны¹. Но в театры он ходил и знал их возможности в достаточной степени. Особую заботу проявлял о МХАТе и Большом, часто устаивая их своим посещением. Считал их символами советского искусства «сталинской эпохи». На полюбившихся постановках появлялся неоднократно. Так, например, случилось с мхатовским «Бегом». После одного из правительственных концертов в Кремле, сопровождавшегося обильным застольем (это была новая форма общения элиты с искусством, введенная советскими лидерами. Невозможно, например, представить, чтобы у царя во время застолья или банкета пели, например, Шаляпин или Собинов) Михайлова пригласили сесть за один стол с вождем. Это произошло сразу же после исполнения им двух народных песен. Сталин поднял бокал и провозгласил тост за новые могучие голоса Большого. Смущенный певец простодушно осведомился у Сталина, знает ли тот, что он, Михайлов,— бывший казанский дьякон, и в гражданскую не у Буденного служил...— сидевший неподалеку Семен Михайлович вполне серьезно, не поняв юмора, подтвердил, что «уж точно у себя в Первой Конной такого голоса не слышал», а то бы обязательно запомнил. Возникла напряженная пауза (этот эпизод рассказываю со слов ныне покойного москов-

¹ Еще в 1923 году, судя по встреченным автором документам архива Политбюро, Сталин и Троцкий активно собирали «компромат» на писателей Чапыгина и Пильняка. Причем каждый из вождей доказывал, что его «кандидатура» более контрреволюционна.

ского приятеля, отец которого «прослужил» в хоре Большого около сорока лет. Он похож на часть закулисного фольклора, но не исключено, что так и было), после чего Михайлов лукаво добавил, что может «подвести» этим т. Сталина, да и НКВД, где сейчас начальником работает Ежов, очевидно, помнящий еще по Казани его как дьякона, будет недоволен. Шутка была принята, и вождь, поддерживая ее, рассмеявшись, сказал, что ему все известно, а уж с НКВД он сам объяснится, и заговорщически подмигнув, добавил, что, может, обоих вместе и не заберут...

В характере Михайлова были действительно странные черты, необъяснимые с точки зрения преуспевающего советского деятеля культуры, многие из которых «ловили момент» и осылались затем орденами, квартирами, дачами, автомашинами, званиями, бесплатными поездками с женами за рубеж для лечения... и т. п.¹ Так он долгое время категорически отказывался получать квартиру в центре Москвы, на улице Горького, где жила новая элита. В Кунце до войны у него был домик, при нем сад и живность, находившиеся на попечении супруги. Единственное, что отличало его скромное жилье,— это правительственный телефон. Иногда по ночам раздавался знакомый глуховатый голос: «Максим, за тобой выехали!» В Кремле его проводили в один из кабинетов (по рассказам Михайлова, приходилось спускаться по ступенькам вниз), где уже ждал Сталин. На столе стояла бутылка «Хванчкары» (я переспрашивал приятеля—может, «Цинандали»? Обычно «вспоминатели» называют его в качестве любимого напитка вождя,— на что тот обиженно отвечал: «отец названия, да и сами напитки, не путал, все же сорок лет на сцене и не на одном правительственном банкете бы-

¹ Надо отдать должное Сталину, на поддержку ряда видных деятелей искусства средств он не жалел. Решением Политбюро в 1937 году на зарубежный отдых Качалова, Голованова и др. отпускались многие тысячи долларов.

вал...»), сидели несколько часов, больше молчали, иногда перебрасываясь малозначащими фразами... Бутылка не всегда осушалась до конца. Кончалась встреча традиционной фразой: «Ну, Максим, хорошо посидели, спасибо! Тебя сейчас отвезут домой». Такие встречи, судя по различным источникам, повторялись до середины 1951 года. Можно себе представить, как бы использовал подобные отношения честолюбивый и корыстолюбивый человек. Кондрашин подчеркивает: Михайлов ни о чем Сталина не просил. Ни за себя, ни за приятелей, ни за родню. Объяснил с подкупающей простотой: «не такие у меня взаимоотношения, чтобы выпрашивать». Странно это для нас, так привыкших к совершенно иному. Впрочем, Сталин и так не обделял вниманием Большой, да и репрессии обошли его стороной. Есть различные версии этой «аномалии».

Но вернемся к «друзьям». Невозможно объяснить простой логикой подобную привязанность Сталина. Аналогов ей, кажется, не было. Может быть, дело в том, что по ждую, привыкшему к угодничеству своего окружения, политическим интригам и подсиживанию друг друга, корыстолюбию некоторых «верных ленинцев-сталинцев», становящемуся все более болезненно подозрительным, нравилось и успокаивало общение с нравственно чистым и бескорыстным человеком, сохранившим религиозные основы морали и поведения. Впрочем, это одна из загадок человеческой психики, не поддающихся однозначному объяснению. У меня есть свое видение роли религиозного фактора в политической биографии Сталина и некоторых особенностях его поведения, опирающееся на ряд документов архива Политбюро и личного фонда — 558... Но об этом как-нибудь потом. Хотя факты встретились там парадоксальные.

Пора, очевидно, и расставаться с нашими героями. Вряд ли безвестный пока автор увиденной мной в делах НКВД справки или записки мог предполагать такую судьбу казанского протодьякона из Воскресенской церкви.

И все же — кто ее автор? Число, поставленное Власовым, говорит о том, что ее получили в разгар следствия по делу «казанских церковных монархистов и террористов». Судя по знанию деталей и широкому взгляду на события в стране, писал ее человек, занимавший не последнее место в Казанской церковной иерархии. Не исключено — и близкий патриарху. События, описанные в ней, неожиданно обрываются январем 1925 года... Возможно, это были записи для себя, отобранные при обыске или аресте в то же время.

Кем бы он ни был, спасибо ему, пока еще неизвестному, за приоткрытое окно в прошлое, в нашу злосчастную историю, которую только по официальным документам не восстановишь...

Было бы хорошо после передачи следственных дел в государственный архив опубликовать эти записи в поучение нам и для памяти последующим поколениям. И не нужно ничего в них редактировать и править. Написаны они хорошим, сочным и образным русским языком. Будем считать это литературным памятником «смутных времен».

ЗАГАДКА СТАЛЬНОЙ ДВЕРИ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

(о судьбе сокровищ собора)

После публикации статьи о казанском протодьяконе и его могущественном друге в опубликовавшую ее газету и автору пришли письма. Были и телефонные звонки и личные беседы. Как и следовало ожидать, особый интерес вызвала мельком упомянутая история с

сокровищами Кафедрального (в газетном материале была оговорка, и назван Петропавловский) собора. Многие просят рассказать об этом подробнее. Впрочем, это не диво, любим мы все очень загадочные истории с сокровищами еще с детства. А казанская история дает немало поводов для такого разговора. Вспомним хотя бы версию о бочках с ханским золотом в озере Кабан, или о таинственных подземных ходах, пронизывающих город. В детстве (я вырос в Суконной слободе, точнее, на примыкавшей к ней Третьей горе) ходили такие же слухи о богатствах брошенного армянского кладбища на нашей улице или о знаменитой «дунькиной щели» на выезде по Оренбургскому тракту, где в глубоком овраге якобы было зарыто золото шайки, предводимой лихой девицей. Думаю, что таких «мест» в Казани много. Находки еще будут. Что же касается нашей улицы, то в начале войны во всех домах было приказано рыть щели на случай бомбежки. И в нашем саду действительно нашли клад... но более позднего времени. Аккуратно смазанные шашки, несколько покрытых ржавчиной револьверов, два ведра патронов и почему-то три снаряда... «Эхо» гражданской войны. Все это было торжественно отнесено нами в ближнее отделение милиции. Закон тогда чтити. Просилась с нами сопроводить «опасный» груз в милицию и соседская девочка Рина, но мы ее по малолетству не взяли, чем весьма огорчили... Уважаемая Ирина Вадимовна Коновалова, известный химик, профессор университета, наверное, помнит этот эпизод. А в нашем старом дворе растут еще два вяза, которые посадил, уходя на фронт, ее отец. Вернуться ему было не суждено, а деревья вымахали огромные...

Ну, а в моей заметке речь шла о настоящих сокровищах, и, наверное, стоит рассказать о них чуть подробнее.

Настоятелем кафедрального собора в Казанском кремле долгие годы был Андрей Поликарпович Яблоков, а протодьяконом—знаменитый бас Аксенов, обладатель могучего голоса, от которого гасли даже свечи. Настоятель

был человеком суровым и требовательным. Его страстью была церковная история и ее раритеты. Кстати, он был автором нескольких книжек по истории отдельных храмов и статей в «Православном собеседнике». И вообще была неплохая традиция, когда настоятели храмов, особенно сельских и уездных, публиковали материалы по истории своих епархий, которые практически были краеведческими очерками, затрагивающими все стороны жизни населения. У меня есть, например, небольшая книга отца Андрея Боголюбова, настоятеля храма в селе Ключищи, изданная в 1895 году. В ней изложена живая история правобережья Волги от Услона до Теньков, да с такими любопытными подробностями, что диву даешься... Вплоть до перечисления дурных привычек своей паствы... Живучи они, по моим наблюдениям, у прибрежного люда и до сей поры¹.

Особой любовью А. П. Яблокова пользовалось редчайшее собрание предметов церковной древности епархии, вверенное его попечению. А их со времен первосвятителей Гурия и Германа накопилось немало. Берег он все это весьма тщательно и рачительно и приумножал по мере возможности. Для хранения наверху была оборудована специальная комната — ризница, а дверь была сделана приходскими умельцами стальная о трех замках, да еще замаскированная. Предосторожность не лишняя. Нас иногда «утешают» рассказами о дореволюционном благолепии и благонравии во всем. И царь был добрейший, и купцы с фабрикантами только и думали о благе народном и т. п. Все, конечно, было гораздо сложнее, хотя и не так карикатурно, как мы изображали позднее. А вот что касается воровства и лихих людей, то их хватало и тогда, и не верьте умильным рассказам, что в Казани даже замки не покупали... Покупали, да только не всегда они помогали. Од-

¹ Андрей Боголюбов стал впоследствии настоятелем Петропавловского собора в Казани. В 1930 году осужден к ссылке по делу «церковно-монархической организации».

ним из любимых объектов покушения уголовного мира всегда были храмы... Вот и в Казани... умыкнули ведь главную святыню — икону Казанской богородицы. Украли было в Семиозерной пустыни и другую реликвию — икону Смоленской богородицы с алмазным окладом, но ее, к счастью, быстро нашла расторопная полиция. Вот от таких «случаев» и берегся А. Яблоков чаще всего. В ризницу допускал только архиерея. И даже на заседаниях Церковно-исторического общества демонстрировал, как правило, не сами предметы, а их фотографии, правда, сделанные лучшими столичными мастерами. Собирались даже издать альбом наиболее редкостных из них. Но помешала война. А затем грянула революция и междоусобная смута, именуемая гражданской войной.

Известно, что обратное взятие Казани в начале сентября 1918 года подготавливалось мерами весьма жесткими. На войне как на войне. Ленин, чуть оправившись от ранения, в одной из телеграмм даже упрекал Троцкого в излишнем «либерализме» по отношению к жителям осажденного города. Хотя упрек был явно незаслужен. Еще до взятия Казань постоянно бомбила красная авиация, старались попасть в центр, где жила, по разумению летчиков, только буржуазия. Было повреждено несколько церквей. Артобстрел с Услона усилился особенно в начале сентября. А так как освобождение Казани от красных приветствовалось в августе почти всей интеллигенцией, а духовенство служило молебны по этому поводу, то нет ничего удивительного в том, что перед падением города из него начался великий исход. По дороге через Столбищи и Пестрецы по направлению к Каме тянулись десятки тысяч людей и сотни повозок. Были небольшие группы военных, но больше мирного населения. По дороге на них совершали налеты аэропланы красных. Не знаю, насколько это было оправдано военной необходимостью, но панику вызывало изрядную. В числе ушедших было немало духовных лиц. И как показали события, мера была не лишней. Хотя

главный в то время теоретик красного террора, смутивший даже Ленина своими неумными призывами к расправе,— Лацис и писал что-то вроде: город пустынен, некого даже посадить и расстрелять, однако этот «дефицит» был быстро восполнен. Среди ушедших в сторону Чистополя был и протопоп А. П. Яблоков, очевидно, не думавший, что расстанется с городом и предметом своих неусыпных забот надолго.

Прошел почти год. В отличие от помещений Спасско-Преображенского монастыря в Кремле, превращенного в место солдатского постоя, кафедральный собор простоял год почти нетронутый. Бывали, правда, в нем отдельные военные, поднимались даже наверх, но замаскированную стальную дверь никто не обнаружил, а среди прихожан лиц, желающих нагреть на этом руки, не нашлось.

Так продолжалось до конца лета 1919 года. В августе-сентябре ЧК произвела обыски в ряде церквей. В Петропавловском соборе нашли несколько ящиков с имуществом бежавшего священника, а вот на хорах Кафедрального увидели, наконец, замаскированную дверь. Однако открыть эту махину не удалось, ключи унес с собой А. Яблоков, просто взломать было невозможно. Это произошло 26 августа. Некоторые горячие головы из сочувствующих предлагали сунуть под дверь пару «лимонок» и дело с концом, но чекисты на это не пошли и, выставив охрану, стали подыскивать «умельца» из своих «клиентов», сидевших за разные нехорошие, но не политические дела.

Все это стало сразу же известно церковной и научной общественности. На квартире у профессора Иринарха Аркадьевича Стратонова — знатока церковной истории и руководителя архивной службы губернии,— собрались встревоженные священники и некоторые профессора университета. Было принято решение, учитывая историческую ценность предметов, хранящихся за стальной дверью, просить власти не конфисковывать их и передать в распоряжение только что созданного общества археологии и охраны па-

мятников и музея при нем. Стальная дверь оказалась крепким орешком даже для приглашенного «специалиста». Наконец, через шесть часов упорного труда 29 августа двери со скрипом открылись. На этой церемонии присутствовали, кроме чекистов, Стратонов и несколько других представителей общественности, в их числе и известный искусствовед П. Дульский. Любопытно было всем. Ведь не только чекисты, но и профессора видели все это впервые. Видели в натуре, а не на фотографиях, которые демонстрировал Яблоков.

В двух комнатах в идеальном порядке находились известные по фотографиям и неизвестные сокровища: панатии, старинные кресты, различные облачения, сосуды, книги, иконы, все это переливалось сиянием драгоценных камней. Впрочем, ценность их заключалась не в самом золоте, серебре и самоцветах, а в исторической значимости.

Много было церковной утвари, принадлежавшей видным церковным деятелям, сыгравшим большую роль в истории России и края, митрополитам, архиепископам, некоторым патриархам, первосвященникам казанского края.

На следующий день работники ЧК предъявили ордер на конфискацию найденных вещей, однако комиссия, созданная при обществе, опротестовала его, и ее заместитель П. Дульский, человек, с которым будут связаны в будущем многие культурные начинания в Казани, добился приема у председателя губисполкома Николая Антипова. Бывший слесарь, человек весьма крутого и неуживчивого нрава, Антипов в данном случае проявил понимание важности происходящего и немедленно вызвал председателя ЧК Левентала. Было принято разумное решение — вещи оставить на месте, составить полную опись, сфотографировать наиболее ценные для истории и послать в Москву на экспертизу в Наркомпрос. Одновременно Стратонов и Дульский связались с Луначарским и Грабарем (известный художник, много сделавший в то время для сохране-

ния культурных ценностей, побывавший до этого и в Казани и посетивший Свяжск). Нарком обещал переговоры с Лениным и Дзержинским. Составление описи и фотографирование началось 2 октября, от ЧК участвовал Теплов, от комиссии Стратонов, Дульский и представители епархии. Работа закончилась 7 октября, была составлена подробная опись и сделано несколько десятков фотографий. Особо подробно описали 33 предмета. Однако послать их срочно в Москву не пришлось, еще 3-го пришла телеграмма оттуда об отмене конфискации и передаче всех без исключения вещей в музей.

Так в целом благополучно закончилась эта приключенческая история. Правда, не для всех. В 1922 году, когда составлялись списки для высылки за рубеж многих видных ученых на так называемом «философском» пароходе, из Казани в них попали трое — ректор университета Овчинников; профессор-психиатр, ученик Павлова — Трошин... и Стратонов, которому припомнили его «противостояние» с ЧК и чересчур активное участие в делах епархии.

Во время массовой сдачи церковных ценностей в 1922 году, которое прошло в республике без инцидентов, хотя одного серебра в виде сосудов и утвари было сдано более четырехсот пудов, сокровища из ризницы, находившиеся в музее, не трогали.

Не знаю их дальнейшую судьбу. Хотя описи, очевидно, сохранились, но ведь прошло уже много времени, да и у музея бывали не лучшие времена. Много мы пережили разных кампаний. Вон в 1930-м даже объявляли соревнование по сдаче священных мусульманских книг в утиль, и везли возами... Но думаю, что кое-что, по крайней мере в запасниках, есть. Выставить бы все это, а что-то и вернуть епархии или патриархии. Вон в Москве даже рублевские уникамы вернули по принадлежности. Зачтется все это нам, если уж не там, так хоть здесь.

Один из собеседников сказал мне, что надо бы боль-

ше показывать все, что связано с историей религии в республике. Очевидно, это так. Первым шагом станет готовящаяся обществом архивистов-историков и Главным архивным управлением республики выставка документов «Судьба духовенства республики». Многие из них впервые увидят свет и будут неожиданными и для верующих, и для атеистов. Сейчас завершается ремонт выставочно-экспозиционного зала в здании архивного управления, который станет постоянно действующим. С этой выставки в начале 1995 года он и начнет свою работу.

«НАЛОЖИТЬ В ПАРТИЙНОМ ПОРЯДКЕ КАРУ...»

(вожди и писатели в начале 20-х годов)

Общеизвестно — Сталин был не только лучшим другом физкультурников, детей и ученых... Та область человеческого духа, которая связана с литературой, тоже была «подведомственна» вождю и испытывала его постоянное влияние, впрочем, как и другие отрасли культуры. Пишу последнее без иронии. Ибо речь идет не только о том, что семинарист Иосиф Джугашвили был не чужд поэзии, и его юношеские стихи, вполне грамотные и во всяком случае не ниже уровня тысяч других заполнявших журналы и газеты, печатались и даже пользовались определенной популярностью (1). Речь о другом — вождь прекрасно понимал силу печатного слова и его влияние на формирование общественного сознания. При всем уважении к политической литературе люди проника-

лись идеями в первую очередь через романы, поэмы, стихи и рассказы. Читать Сталин умел и, как мне кажется, любил. Впрочем, в духовной семинарии, которую он чуть было не кончил,— учили всерьез, и преподаваемое там, включая и словесность, прочно впечатывалось в сознание. Не берусь давать оценки эстетическим вкусам вождей, хотя тут тоже не все просто, как нам иногда преподносят. Но полагаю, что на фоне других «тонкошеих» вождей, таких, как Калинин, Каганович, Шверник, Андреев, Ворошилов, Томский, Буденный и др.,— и Сталин, и Ленин были если и не специалистами, то во всяком случае ценителями литературы. Причем, если для медалиста симбирской гимназии, выросшего в интеллигентной провинциальной семье и окончившего хотя бы экстерном университет, знание российской и мировой словесности было как бы предопределено биографией, то для сына сапожника, рано брошенного в житейское море и учившегося «на медные деньги», этот интерес был благоприобретенным и вовсе не вытекал из его повседневной деятельности.

Сказанное выше вовсе не означает стремление написать панегирик во славу сановным литературоведам. Просто они понимали силу литературы и умело ставили ее на службу делу, которому посвятили жизнь. Что же касается всего того, что было связано с политическими аспектами их «любви» к литературе, то здесь, очевидно, нравственные оценки бесполезны, что подтверждает, при всей разнице в ситуациях и методах, и современная политическая жизнь.

Если о литературных вкусах Ленина мы знаем довольно много — есть многочисленные высказывания, выступления, в конце концов уже давно издан каталог его личной кремлевской библиотеки, позволяющий нам хотя бы поверхностно судить о литературных пристрастиях вождя, то об этой стороне личности Сталина известно меньше. Все публикуемое можно, очевидно, условно развести на две альтернативные точки зрения: до 1953 года — «садовник»,

бережно выращивающий вечнозеленое дерево советской литературы, а после 1956 года — невежественный злодей, которому только смерть помешала полностью опустошить ее. Наверное, истина все же намного многомернее и разнообразнее, чем нам представляется. Знакомство автора с некоторыми документами личного архива Сталина, фондов Политбюро и Секретариата ЦК и материалами следственных дел в архиве бывшего ОГПУ — НКВД — КГБ, а ныне архива ФСК РФ, наводит на ряд мыслей, которые, возможно, не будут звучать в унисон «разоблачительной» струе, утвердившейся, и не без оснований, в нашей исторической и литературоведческой науке. Опять-таки оговорюсь — речь идет не о пересмотре нравственных оценок деятельности вождя в этой области. Хотя сейчас на волне разочарования в реформах, столь щедро обещавших всеобщее процветание под сенью рыночного древа, явно ощущается тоска по «светлому прошлому», и не только у отдельных персональных пенсионеров, оттесненных от кормушки. Вон даже Лаврентия Берия начали представлять чуть ли не «предтечей демократии». Когда это делает его сын, как и сыновья Маленкова, Хрущева или Щербакова, идеализирующие отцов, по-человечески их можно понять: «лавы» несчастного Павлика Морозова никого не прельщают. Но ведь эта нотка зазвучала и в работах более серьезных. Наверное, общество все же никогда не простит Сталину миллионы его жертв, в том числе сотен писателей, погибших в годы «большого» и «малого» террора. Но механизм партийной любви к литературе надо знать и анализировать хотя бы для того, чтобы не питать лишних иллюзий о власти предрержащихся...

Увиденные мной в указанных выше фондах документы весьма красноречиво показывают, как складывался механизм партийного руководства, опиравшийся на секретные решения и действия, малоизвестные, а подчас и совсем неизвестные обществу и явно расходящиеся с благо-

стной картиной, которую нам рисовали многие годы. Если о литературных пристрастиях вождей, и в первую очередь Сталина, в конце 20-х — начале 30-х годов нам все же кое-что известно (вспомним хотя бы телефонный звонок Сталина Пастернаку о Мандельштаме, «посиделки» вождей у «буревестника революции» Горького, участие Сталина в судьбе Замятина и Булгакова, встречу с украинскими писателями и др.), то подспудная часть вмешательства в эту сферу в начале 20-х, сразу же после окончания гражданской, известна намного меньше. Хотя, по моему мнению, ряд оценок, прозвучавших в 30-е годы и в конечном счете повлиявших на судьбы некоторых писателей, идет еще с тех времен.

Речь пойдет о Борисе Пильняке, Артеме Веселом и... Чапыгине. Если бурная литературная биография двух первых, находившихся в центре общественного внимания в середине 20-х, в общих чертах известна, а вызвавшая политический скандал «Повесть непогашенной луны» раскрыла, по мнению многих в то время, — 1926 год — механизм устранения Михаила Фрунзе как потенциального соперника Сталина, то имя Чапыгина, благополучно прожившего свою писательскую жизнь и умершего в собственной постели, в отличие от расстрелянных Пильняка и Веселого, тоже оказавшегося в центре схватки в Политбюро, для меня было неожиданным. Но давайте по порядку.

Итак, 10 августа 1922 года состоялось очередное заседание Политбюро ЦК РКП(б). На нем присутствовали Каменев, Троцкий, Молотов, Зиновьев, Сталин. Ленин находился в Горках, медленно, но упорно преодолевая болезнь и практически восстановив круг своих обязанностей, за исключением присутствия на заседаниях. За день до этого у него побывал Сталин и, очевидно, обговаривал наиболее важные вопросы, которые предстояло обсудить на заседании Политбюро. Председательствовал, как обычно в отсутствие Ленина, Каменев. На заседаниях в 20-е годы не было еще такой концентрации вопросов, как это

происходило в середине 30-х, когда в один день обсуждались по 200—300 дел. На повестке стояло 18 вопросов, 5-м из них по предложению Троцкого был включен вопрос, неожиданный для многих и не имевший никакого отношения, на первый взгляд, к политике и экономике. Он был сформулирован так: «О конфискации книги Пильняка «Смертельное манит». В архиве не сохранилось стенограммы обсуждения, да и вряд ли она велась в то время, поэтому о происходившем на заседании мы можем судить только по решениям. Неизвестно, что крамольного было в этой книге по мнению ОГПУ, принявшего решение конфисковать книгу (2). Очевидно, большинству членов Политбюро, занятых мировыми проблемами и приближавшейся, как им казалось в то время, революцией на планете, было не до чтения художественной литературы. Мы не знаем, на какую принципиальную высоту был поднят на заседании вопрос о вредности книжки для судеб страны и мира. Спор, судя по всему, был нешуточный. Но решение было неординарным: отложить обсуждение книги до следующего заседания... А до этого обязать персонально Рыкова, Калинина, Молотова и Каменева прочитать рассказ Пильняка «Иван да Марья», всех остальных членов ПБ (очевидно, имелись в виду Троцкий, Зиновьев и Сталин) — его же повесть «Метель». Разумеется, такую заботу партии о литературном багаже своих лидеров можно было бы только приветствовать, если бы не узко утилитарная задача этого «ликбеза». Запомним: впервые все Политбюро обязали прочитать и изучить художественные произведения одного из «крамольных» писателей, не политические или философские, а именно художественные. В этот день Ленин также занимался проблемами культуры — в течение двух часов у него в Горках был Председатель ЦИК Азербайджана Агамали-Оглы. Большое место в разговоре заняли проблемы ликвидации арабской письменности и перехода на латинскую графику. Азербайджан был в то время лидером в этом революционном

процессе. Одобрил его, судя по воспоминаниям Агамалы-Оглы, и Ленин, заявив, что это будет «Октябрь на Востоке в области культуры» (3).

Через неделю, 17 августа, на заседании ПБ присутствовали все его члены, кроме Ленина. Правда, в протоколе записано замечание Калинин, опоздавшему на полчаса, возможно, зачитался, выполняя поручения предыдущего заседания, на котором не был (4). В обсуждении творчества Пильняка на этом заседании участвовали также члены Секретариата ЦК Куйбышев и Рудзутак и партийные «интеллектуалы» Радек, Раковский и Ярославский. Есть основания полагать, что это первое в истории деятельности высшего органа партии столь скрупулезное обсуждение литературных произведений одного писателя с предварительным их прочтением. Не исключено, что было запрошено мнение Ленина и его «горькинского» окружения. По крайней мере две книги Пильняка имелись в личной библиотеке Ленина, причем среди тех, которые находились в самом кабинете, то есть читаемых. О характере обсуждения и сложившемся в его результате мнении можно косвенно судить по краткой протокольной записи решения Политбюро — «Предложить ГПУ отменить конфискацию книги Пильняка «Смертельное манит». Возможно, тайну конфискации книги приоткрыл впоследствии сам Пильняк. В домашней библиотеке Горького имеется 11 книг Пильняка, подаренных им в различное время. Известно, что Горький самолично переплетал наиболее читаемые им тома. Среди них и злополучный сборник «Смертельное манит», подаренный в 1926 году с таким вот посвящением: «И эту книжку Вам, Алексей Максимович, конфискованную за рассказ, посвященный Вам». Весьма любопытно, что же в 1922 году усмотрело ГПУ крамольного в рассказе, посвященном Горькому? Известно ведь, что деятельность писателя, особенно во время его пребывания в Петрограде, вызывала неприязнь у ряда видных функционеров партии, и в первую очередь у питерского

«гауляйтера» Григория Зиновьева, который методично преследовал многих из тех, кого пытался защищать «бу-ревестник». Как бы то ни было, формально запрет с книги был снят, и она поступила в продажу. Но имя писателя лидерами партии было запомнено и, очевидно, вошло в рубрику «не уличен, но оставлен в подозрении». Впоследствии в числе тех, кто «скрепя сердце голосовал за отмену конфискации», был Сталин. В нашей исторической литературе иногда 1922—1923 годы представляются небольшим «просветом» демократии на фоне набравшего силу тоталитаризма. Однако документы и анализ ряда выступлений лидеров партии показывают, что если в области экономики власти были вынуждены мириться с временным оживлением частной инициативы, своеобразным социалистическим квазикапитализмом, то в области идеологии нравы «военного коммунизма» существенных изменений не претерпели, и потеря бдительности по отношению даже к весьма безобидным отклонениям от долга и сами «отклонения» преследовались беспощадно. Высылка ученых на «философских пароходах» и иных транспортных средствах была только верхушкой айсберга. Весьма показательны приоритеты запретов, вмененных в обязанности цензуры. В апреле 1922 года созданная по инициативе Сталина комиссия (председатель Рыков, члены — Луначарский, Уншлихт, Мещеряков) представила в Политбюро новый проект Положения о цензуре и справку о ее состоянии. В отличие от дореволюционной, социалистическая цензура работала в режиме повышенной секретности. В справке отмечалось, что в органах цензуры (без некоторых ее особых подразделений) денно и нощно трудится более двух с половиной тысяч человек (4) — приблизительно в 10 раз больше, чем заклеянных как душители свободы в подобных же органах старой России. Основные задачи советской цензуры по степени важности определялись комиссией, а затем Политбюро следующим образом: не допускать в печати, театре, кино и устных

выступлениях «агитации против соввласти, ложных сведений, националистической пропаганды, религиозного фанатизма, порнографии, охранять военные тайны». Таким образом, охрана военных тайн по значимости была поставлена на последнее место, а самая главная задача — пресечение «выступлений против соввласти», когда при расширительной трактовке этого термина под данную рубрику подводились и весьма безобидные вещи. В частности, повести и рассказы Пильняка, скорее всего, прошли с подачи ОГПУ именно по этой графе. Разгул политической подозрительности начал принимать местами трагикомический характер. Издание печатных органов, состав библиотечных фондов, проверка устных выступлений нередко отдавались на откуп уездным и губернским отделам ГПУ и политпросвета. Еще в 1921 году за подписью председателя Главполитпросвета Крупской был направлен на места циркуляр об очистке библиотек и музеев от политически вредной «продукции». Одновременно с этим принимает циркуляр Отдел политического контроля ГПУ — о необходимости «считать работу по очистке библиотек и книжных магазинов вместе с Главполитпросветом чрезвычайно серьезной и ударной, а при изъятии руководствоваться соображениями чекистского, политического и педагогиковоспитательного характера» (5). Проведенная через несколько лет проверка показала, что «к сожалению, это дело, требующее очень большой подготовки, не всегда поручалось товарищам, сведущим в книге», как весьма мягко и дипломатично писали работники ЦКК (речь идет все-таки об органах ГПУ), в результате ввиду подозрительности заголовков подчас изымались работы Маркса, Ленина, не говоря уж о Лафарге. Вот только один из многочисленных примеров: в ходе проверки школьных и клубных библиотек и книжных лавок Макарьевский отдел ГПУ Иваново-Вознесенской области изъяс ряд работ Маркса, Ленина (о свободе торговли), Лафарга, Сервантеса, Реклю и Льва Толстого. Впрочем, чего уж требо-

вать от местных оперуполномоченных ГПУ, которым, дай бог, справиться с задачами очистки вверенных уездов и волостей от антисоветского и иного политически вредного элемента, бандитизма и спекуляции... Тут уж не до тонкостей, да и названия книг того же Толстого, или Реклю явно чуждые. Чего стоит хотя бы одно из них: «Много ли человеку земли надо», или: «Не могу молчать».

Тем временем в высших эшелонах партийной власти назревал еще один «литературный конфликт» со старыми и новыми персонажами. Его главным действующим лицом на этот раз стал Алексей Павлович Чапыгин — писатель, хорошо знающий быт крестьянства, сам уроженец одного из глухих углов России. Наблюдения писателя о смутном революционном времени, проникавшем в самые отдаленные села родного ему Каргополья, одного из заповедных мест старорусского жизненного и духовного уклада, легли в основу книги «По звериной тропе», изданной в Петрограде частным издательством Аверьянова в 1918 году. Тогда эти рассказы, весьма откровенно рисующие быт деревень, прошли незамеченными. Не до того было ревнителям революционного искусства, самим бы уцелеть. Книга вышла вторым изданием в государственном издательстве Петрограда в 1922 году. Писатель издал рассказы без исправлений, и, наверное, кое-что в них звучало диссонансом пути к светлому будущему, кое было уготовано крестьянству. В начале 20-х годов «главнонаблюдающим» за литературой на какое-то время стал Лев Троцкий — человек безусловно одаренный, начитанный, любитель парадоксов, а термины, введенные им в оценки литературы — «попутчики», «мужиковствующие» и др., — пережили их автора. Тонкое понимание образцов литературного творчества не мешало ему исповедовать весьма утилитарный подход к ней. Он был, например, большим поклонником хлестких агитвишней Демьяна Бедного, пользовавшихся популярностью среди красноармейцев. Именно по его представлению Бедный — единственный из писателей —

был удостоен ордена Красного Знамени за литературный труд в годы гражданской войны. Поэт также не оставался в долгу и неоднократно упоминал в стихах Председателя Реввоенсовета. Книга Троцкого «Литература и революция» — весьма объемистый том, изданный уже в 1923 году, — и сейчас представляет значительный интерес как документ эпохи «бури и натиска» в сфере культуры (6).

Итак, в число действующих лиц этой полудетективной истории закулисных боев в Политбюро входит после Пильняка его, пожалуй, антипод по творческому почерку — Чапыгин. В архиве Политбюро хранится автограф письма от 8 ноября 1922 года в три адреса — Секретариат ЦК РКП (читайте — Сталину), Зиновьеву и Госиздат. Дело, по мнению Троцкого, было настолько безотлагательным, что пришлось пожертвовать праздничным отдыхом. Давайте внимательно прочитаем текст, а потом попытаемся выяснить мотивы этого беспрецедентного документа, многие годы хранившегося под спудом: «В Петрограде вышла во втором дополненном издании книжка Чапыгина А. «По звериной тропе». Это сборник рассказов. Рассказы эти, не лишённые некоторых, довольно впрочем невысоких художественных достоинств, насыщены грубой и тенденциозной мистикой, и влияние их иначе нельзя определить, как растлевающее. Можно бы понять еще, если бы цензура разрешила издание этой книжки частному издательству. Но абсолютно невозможно понять, каким образом государственное издательство выпускает в свет такое глубоко антиреволюционное по всему духу произведение? Кто входит в редакцию? Кто редактировал данную книжку? Есть ли какой-либо отзыв ответственного лица, редактора или члена редакции? Предлагаю расследовать это дело и наложить в порядке партийном кару на лицо, ответственное за выпуск на государственные средства такой книжки. Л. Троцкий. 8 ноября 1922 г.». Письмо было прочитано Сталиным на другой день, подчеркивание принадлежит ему. Ниже идет заключение Сталина: «Согласен при ус-

ловии создания гарантий против появления на книжном рынке подобных изданий, особенно же изданий вроде «Иван да Марья» Пильняка, гораздо более контрреволюционных, чем Чапыгинская книжка. И. Сталин». Слово «контрреволюционных» подчеркнуто вождем двумя чертами. Еще ниже — две подписи, датированные 11 ноября, — секретарей ЦК Молотова и Куйбышева. Оба, конечно, «согласны» с мнением Генерального секретаря. Казалось бы, ничего особенного — совершенно секретно два члена Политбюро вынесли приговор (пока еще политический) двум писателям, его послушно подтвердили два секретаря ЦК, и пусть на страницах газет и журналов имитируется бурная дискуссия, соответствующая команда прессы и издательствам будет дана, на это есть агитпроп и отдел печати. Но Сталин не был бы самим собой, если бы не имел в виду более крупные проблемы, и в первую очередь «синдром Троцкого». В статье «Партийная политика в искусстве», опубликованной в «Правде» 16 сентября 1923 года, Троцкий, беря под защиту «попутчиков», напишет: «Особенно входит почему-то в моду травля Пильняка...». Полагаю, что это была квалификация позиции Сталина, считавшего Пильняка символом контрреволюционных настроений в литературе. Но этот написанный «эзоповым» языком выпад против Сталина состоится почти через год, когда официальные позиции Троцкого начнут слабеть. А пока в ноябре 1922 года намечался «обмен»: «признаю Чапыгина «мистиком» и «растлителем», если согласитесь с моей оценкой Пильняка, как «контрреволюционера», — так это могло прозвучать в разговоре. Кстати, и Генеральный секретарь, и член Политбюро — оба были рационалистами и терпеть не могли мистику и заигрывание с потусторонним миром, одно из немногих, на чем сходились. Мысленно представьте их реакцию, если бы кто-то сказал тогда, что через семьдесят лет люди, видевшие шаги человека на Луне, создавшие компьютеры и ракеты, будут упоенно слушать вещание кашпировских, чумаков, ванг и

джун на уровне средневековья, да еще использовать их в политической борьбе, как это совсем недавно продемонстрировал в Казани заезжий любитель полоскания сапог и портянок в теплом океане. Зрелище, конечно, постыдное, и уж если говорить о массовом невежестве и истерии толпы, то далеко мистикам и любителям спиритических сеансов дореволюционного времени, включая и окружение Распутина, до нас, теперешних.

Но вернемся к началу 20-х. «Обмен», очевидно, состоялся. Решением Оргбюро ЦК РКП(б) от 23 ноября издание книги Чапыгина в Петрограде было осуждено. В деле есть также объяснительная записка секретаря губкома П. Залуцкого об обстоятельствах издания злосчастной книжки, а также материалы проверки этой же «крамолы», проведенной Куйбышевым и завагитпропом ЦК Бубновым. Когда читаешь эти материалы, даже зная о трагической судьбе многих этих борцов за чистоту советской литературы, походя травивших писателя, поневоле думаешь: «за что боролись, на то и напоролись». Наверное, на этом эпизоде с чапыгинской книжкой, приоткрывающей тайные механизмы идеологического диктата, можно было бы завершить рассказ и поразмышлять об «уроках», которые надобно бы извлечь... но нам предстоит еще один «крутой поворот». Итак, «порок» наказан, книжка ошельмована. И вдруг... 11 декабря 1922 года в газете «Правда», самом авторитетном органе государства, появляется весьма положительная рецензия на книгу Чапыгина «Звериные тропы» за подписью П. Орешина (7). Она произвела шоковое впечатление на околопартийные и литературные круги. Ни для кого из власть имущих не было секретом, что по письму Троцкого, поддержанному, хотя и с оговорками, генсеком, было принято решение ЦК с категоричным осуждением этой книжки! Не могли об этом не знать ни редактор Бухарин, ни заведующий литературно-библиографическим отделом газеты Мещеряков. Случайность? Возможно! Но хорошо подготовленная случайность. Когда разби-

раешься в некоторых хитросплетениях закулисной политики наших «отцов-основателей», создается впечатление, что читаешь лихо закрученный «детектив». Напомню, что конец 1922 и почти весь 1923 год Зиновьев, Каменев, Сталин — «зикаси», по едкому определению Троцкого, — были союзниками, этот странный союз, базировавшийся на стремлении не допустить к власти Троцкого, — ибо политическая судьба Ленина была уже предрешена, при всех знаках внешнего почтения он все больше становился символом, — распался вскоре после смерти вождя-основателя. Осуждение книги Чапыгина, изданной в Петрограде, — вотчине Зиновьева, косвенно бросала тень и на него. Поэтому есть основания полагать, что «крамольная» рецензия была своего рода напоминанием Троцкому, что его литературные вкусы, даже «легитимизированные» решением ЦК, еще не истина в последней инстанции. Мы не знаем, что происходило в недрах ЦК после 11 декабря. Не исключено, что Троцкий, — а «политическая пощечина» была оглушительна, — мог бы обратиться к Ленину, но новый резкий приступ болезни в ночь с 15 на 16 декабря выводит вождя из строя, и дальнейшее его физическое существование в течение еще более года лишь подтверждает наихудшие предположения соратников и врачей. Хотя выступление «Правды» формально являлось «бунтом» против решения ЦК, так его по крайней мере оценивал сам Троцкий, оно было фактически спущено на тормозах, не имело каких-либо серьезных последствий. Новое письмо Троцкого рассматривалось 18 января 1923 года на заседании Секретариата Сталиным, Куйбышевым и Молотовым, а не Политбюро, как просил автор. «Оргмеры» были весьма умеренны: Мещерякову рекомендовалось написать новую рецензию и поместить ее за своей подписью, а заведующему Петроградским отделением Госиздата Ионову поставлено на вид за выпуск книги, имя редактора «Правды» вообще не упоминалось. В целом для Троцкого дело кончилось конфузом, и в своей книге «Литература и ре-

волюция» он Чапыгина не упоминает вообще, но задним числом поминает Сталина, как вы уже читали выше, его участие в травле Пильняка.

Однако практика прямого вмешательства в дела литературные на уровне Политбюро, начатая «делом Пильняка» и имевшая потом столь причудливые «извивы», продолжалась. В начале марта 1923 года Секретариат ЦК под председательством Сталина заслушал информацию Бубнова о публикации в журнале «Молодая гвардия» романа Артема Веселого «Реки Огненные» и признал его помещение в журнале политической ошибкой. Снова было предложено, теперь уже членам Оргбюро, прочитать его фрагменты и вынести окончательное суждение на заседании 5 марта. Автор полагает, что в едином контексте с вышеизложенным надо рассматривать и печально знаменитое постановление ЦК ВКП(б) в августе 1944 года, когда народный эпос татарского и других тюркских народов «Идегей», равно как и связанные с ним литературные произведения, были объявлены «антинародными» и политически вредными. Дело дошло даже до переделки либретто оперы «Алтынчеч» Н. Жиганова, одной из жемчужин мировой музыки. Правда, автор либретто поэт Муса Джалиль в этом кошунственном деле не участвовал — в августе того же года он был казнен немцами как враг фашизма.

Впрочем, поход против национальной литературы, как ни печально об этом говорить, начинал еще либерал Николай Бухарин. В конце 20-х годов он, выступая перед весьма широкой аудиторией, облыжно обвинил казахского поэта Магзана Жумабаева в том, что тот выступает против индустриализации, коллективизации и ратует за национальную ограниченность. Не правда ли, знакомый лейтмотив, взятый потом на вооружение партийными идеологами как безотказное оружие против любой попытки напомнить о национальных особенностях и его истории. Вспомним хотя бы злоключения татарского поэта Сали-

ха Баттала уже в более поздние времена, связанные с его стихами, где упоминался один из ханов. Что же касается той давней истории с М. Жумабаевым, то он осмелился сказать поэтическим языком, что «Турксиб» несет в степи не только прогресс, но и многие болезни цивилизации и в прямом и в переносном смысле. К сожалению, многое из нравов того времени перешло в наше... В общем, как сказал наш современник поэт Равиль Файзуллин, у истории «на рукоятке — серебряный цветок. А в ножнах — черная кровь».

Так еще в начале 20-х годов создавалась система партийного руководства духовной жизнью общества, и в первую очередь литературой, наивысшими «достижениями» которой стали известные постановления 1946—48 годов. Как дальше сложились отношения с «литературоведением» главных действующих лиц этой истории? Биографии больших и малых вождей читателю в основном известны. Троцкий в автобиографической книге «Моя жизнь» относит начало своего прямого противостояния со Сталиным и его временными союзниками Зиновьевым и Каменевым на начало 1923 года. Но закулисные аппаратные интриги вождей, а Троцкий тоже был тут не без греха, начались, конечно, раньше. Один из примеров — изложенная выше «литературная» история. Другие вожди в литературных дискуссиях замечены не были. Правда, Семен Буденный уже в конце 20-х годов попытался обрушиться на «клеветническое», по его мнению, описание Первой Конной армии, становившейся символом всех мыслимых доблестей красных, писателем Исааком Бабелем и всячески демонстрировал свое презрение к «щелкоперам». Есть даже «апокрифический» рассказ о том, что на вопрос об отношении к Бабелю доблестный кавалерист ответил: «А это смотря какая «бабель»!» Но после того, как Горький хлестко назвал подобную критику художественного произведения «взгляд на литературу с высоты конского седла», Буденный потерял вкус к литературным делам и полностью

переключился на поддержку студии военных художников. Правда, в середине 30-х он выступил уже в защиту одной повести о лошадях, но этот, скорее комический, эпизод заслуживает специального рассмотрения.

Что же касается Сталина, то его интерес к литературе общеизвестен. Произведения писателей он читал самолично, особенно те, которые представлялись на премию его же имени. Можно спорить о его эстетических вкусах. Но думаю, что и здесь он был политиком, и главным критерием было «служит или не служит произведению» интересам создания нового общества в его собственном варианте. Сейчас все чаще построенное им общество называют тоталитарным. Думаю, что ближе всего к истине трагическая мысль, зафиксированная в предсмертной записке Александра Фадеева, сталинского литературного проконсула, о том, что литературой правил тиран, но образованный и начитанный.

Коротко о судьбе литераторов и некоторых других лиц, причастных к описываемым событиям 1922—1923 годов.

Начнем по хронологии с Бориса Пильняка. Его рассказы, повести и романы 20-х годов неизменно вызвали повышенный общественный интерес. Конечно, он был весьма далек от набирающего силу «соцреализма», хотя сам термин еще не был обнародован. Ряд его произведений грешил натурализмом, особым вниманием к проблемам, как бы сейчас сказали, «секса». Оказывается, по Пильняку, даже твердокаменные революционеры не были чужды этому пережитку капитализма. Ему даже приписывали хлесткую фразу «вся революция пахнет половыми органами». Хотя этот сюжет не нов, и уже на заре марксизма спорили об этом. В частности, один из двух основателей марксизма в XIX веке (они оба были не прочь для вящей убедительности и доступности своего учения использовать в трудах и особенно письмах и фривольные пословицы, и весьма смелые по тем временам сравнения), критикуя пролетарского поэта своего времени, писал, что, судя по его

стихам, у рабочего нет половых органов и он не пьет ничего, кроме жидкого чая. Правда, все эти споры на фоне современной «сексуализации» искусства и жизни кажутся детскими забавами и бурей в стакане воды. А вот политическая направленность ряда произведений Пильняка была действительно настораживающей. Вспомним хотя бы знаменитую «Повесть непогашенной луны», где ее герою, командарму, герою гражданской войны, в ЦК навязывают абсолютно ненужную ему хирургическую операцию, в результате которой он погибает. Публикация этой повести в 1926 году стоила должностей ряду функционеров и редакторов. Ибо как бы облекала в хлесткую художественную форму бывшую в 1925 году «притчей во языцех» историю смерти после хирургической операции Михаила Фрунзе, военачальника, кандидата в члены Политбюро. Вскрытие показало ненужность этой операции. Думаю, что никогда не станет известным все, что привело Фрунзе под нож хирурга, равно как и точные обстоятельства гибели Кирова. Сомневаюсь, что будут найдены прямые доказательства причастности Сталина к уходу из жизни этих талантливых людей, могущих стать его соперниками на политической арене. Но то, что Сталин использовал все это для укрепления своей позиции и обоснования ряда жестких мер — бесспорно. Вряд ли мы когда-либо достоверно узнаем, почему и Пильняк взялся за такую опасную тему. Не исключено, что она была подсказана некоторыми противниками Сталина, не обладавшего еще в 1925 году всеобъемлющим аппаратом сыска и информации и только создававшим его. Возможно, дополнительным мотивом для этого выпада против Сталина послужило и то, что писатель знал о позиции генсека по отношению к себе во время обсуждения в 1922 году его произведений в Политбюро... Кстати, политическая подоплека повести была осуждена и Горьким, считавшим ее отражением сплетен. Все это, впрочем, не помешало Пильняку активно публиковаться в стране и за рубежом и даже издать в конце

20-х годов восьмитомное собрание сочинений... В тридцатых годах Пильняк пытается вписаться в общее русло соцреалистической литературы, но без особого успеха. Неудачным оказалась и попытка написать по рекомендации Микояна, выразившего желание увидеть в печати панегirik торговле и общественному питанию, роман «Мясо» (8). «Литературная газета» в мае 1936 года оценила его как «рекламное объявление бакалейной лавочки». В 1937 году Пильняк был арестован вместе с А. Веселым и расстрелян как террорист-троцкист 21 апреля 1938 года.

А. Чапыгин после критики со стороны Троцкого на какое-то время перестал публиковаться. Но, очевидно, падение политического веса своего недруга расценил как стимул к новому этапу творчества. Написанные им романы «Гулящие люди» и особенно «Степан Разин» стали классикой занимательной исторической литературы советского периода. Хотя конечная дата жизни писателя — 1937 год, но смерть его была нехарактерна для этого зловещего года — умер он от болезни и в чести.

Упоминающиеся в связи с литературными дискуссиями в Политбюро 1922—1923 годы писатели А. Веселый, поэт П. Орешин, политические деятели Рудзутак, А. Бубнов, П. Залуцкий, К. Радек, Х. Раковский погибли в период «большого террора».

Примечания

1. Вот только два отрывка: «Когда луна своим сияньем / Вдруг озаряет мир земной, / И свет ее над дальней гранью / Играет бледной синевой»... или «Цвети, о Грузия моя! Пусть мир царит в родном краю. А вы учебюю, друзья, прославьте Родину свою! Чит, по: Колесник А. Мифы и правда о семье Сталина. Харьков: Простор, 1991, с. 171—172. А ведь неплохо. Первый может стать словами трогательного шлягера, на музыку какого-нибудь теперешнего бойкого композитора. Ну, а второй, так и просится в начало гимна патриотической учащейся молодежи сегодняшней суверенной республики Грузия. Во всяком случае, в современном эфире звучат намного более примитивные и просто «дебильные» тексты.

2. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 307. Л. 2.
3. Массовое внедрение латинского алфавита вместо арабского активно осуществлялось уже в конце 20-х годов во всех мусульманских регионах. Предложения ввести его в письменность русских, армян и грузин были отвергнуты.
4. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308. Л. 5.
5. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 442. Л. 51, 52, 54.
6. Весьма четко сформулировал особенность подхода Троцкого к литературе Ю. Боров: «Политический утилитаризм часто затмевает эстетическое сознание». — См.: Боров Ю. Эстетика Троцкого. В кн.: Л. Троцкий. Литература и Революция. М., 1991. С. 31.
7. См. «Правда», 1923, 11 дек. Орешин П. В. — один из плеяды «крестьянских» поэтов, уничтоженных в 30-х годах.
8. РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 570. Л. 3.

«ОБОЗВАТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКИМ ПОГРОМЩИКОМ...»

(судьба бакинского друга Сталина
Расул-Заде)

В личном фонде Сталина есть странный, на первый взгляд, документ, проливающий некоторый свет на таинственные закоулки дореволюционной биографии вождя, которые впоследствии никогда не становились достоянием официальных жизнеописаний. Речь идет не об апокрифических участях в «эксах» и последующей самоличной расправе вождя над могущими стать опасными свидетелями из числа близких людей. Эта тема, конечно же, увлекательна и преподносится сейчас в духе самых «крутых» гангстерских боевиков... Другое дело — насколько она реальна. Хотя, зная характер вождя, можно предположить, что нечто подобное и могло быть. Именно могло! Здесь же

речь пойдет об истории, документально подтверждаемой, хотя и в ней будут и стрельба, и погони, и загадочное спасение героев, но не это главное.

«Бакинский» период жизни Сталина, при всей его изученности, таит в себе еще немало загадочного: это и первые контакты с Вышинским, и встречи с иранскими боевиками и многое другое (1). Кстати, здесь, в Баку, состоялась первая и единственная встреча на подпольной работе с большевиком-татариним. Она была письменно подтверждена Сталиным уже после революции (2). Вот и документ, который мы проанализируем в этой публикации, тоже идет из этого времени. Итак, на двух листах машинописи 16 сентября 1923 года Генеральный секретарь ЦК РКП(б) излагает следующее (вначале идет заголовок, он непривычен для документов такого рода): «Мой совет гг. Мусабекову, Мирзояну, Ахундову, Кирову, Орахелашвили по поводу реакционной брошюры Расул-Заде». Кроме, может быть, Кирова, остальные фамилии мало что говорят современному читателю. Поэтому коротко скажем и о них: Г. Мусабеков — председатель Совнаркома Азербайджана, М. Орахелашвили — председатель Совнаркома Закавказской федерации, Л. Мирзоян — председатель ЦК компартии Армении, Р. Ахундов — председатель ЦИК Азербайджана. Киров был в то время секретарем ЦК КП Азербайджана. Двое из них — Киров и Орахелашвили — члены ЦК. Никто из них не доживет до преклонных лет. Погибнут в 1934—38 гг. Очевидно, все названные Сталиным в заголовке лица приехали в Москву на Пленум ЦК, который намечался на 20-е число, но состоялся только 23-го. И последнее имя: Мамед-Эмин Расул-Заде — первый Президент демократического Азербайджана, брошюра которого названа реакционной, уже более года находился в эмиграции в Турции.

Итак, что же за брошюра настолько обеспокоила Генерального секретаря и заставила буквально по пунктам проинструктировать руководство главных кавказских респуб-

лик, только недавно ставших учредителями СССР. Речь идет об изданной на турецком языке в Стамбуле в том же 1923 году небольшой книге «Азербайджанская республика», в которой Расул-Заде весьма эмоционально, но правдиво изложил драматическую историю этого государства, павшего жертвой сговора между великими державами. Республики, первой среди мусульманских регионов осуществившей успешную попытку создания светского демократического государства на исламской основе. Если республики «Идель-Урал», Башкирская при Валиди, Алаш-Ордынская Букейханова остались в памяти народов как своеобразные «заготовки» государственных структур, то Азербайджан просуществовал около двух лет как суверенное государство, имевшее полномасштабные дипломатические и экономические отношения с другими странами ...Его президент Расул-Заде, уходя из дворца правительства последним, взял с собой (обмотав вокруг тела) знамя республики, спасая его от участи трофея Красной Армии, «освободившей» Баку... Но это было уже в 1920 году.

Что же предшествовало этому? Начало жизненного пути родившегося в 1884 году в Баку Мамед-Эмина Расул-Заде было, пожалуй, обычным для ряда отпрысков интеллигентных мусульманских семей этого региона. Увлечение европейской культурой, отход от мусульманского фундаментализма, знакомство с идеями социализма, которые переживали свой «медовый месяц» и сулили, как казалось, решение всех больших вопросов общества. Не забудем и то, что Баку и его окрестности были первым мусульманским анклавом России, вступившим на путь бурного промышленного развития. Нефтяной бум конца XIX века привел к тому, что недавно еще захудалый центр феодального образования стал своего рода российским «клондайком», а вчерашние обитатели сонной провинции оказались втянутыми в горнило промышленного развития. Роскошь дворцов и имений нефтяных нуворишей на одном полюсе и нищета обитателей нефтяных промыслов, своим 12—14-часовым

трудом в нечеловеческих условиях создавших ее, — на другом, явились благодатной почвой для внедрения идей классовой борьбы. К этому следует добавить, что Баку стал местом концентрации многих представителей других губерний России, в том числе и мусульманских регионов Поволжья, приехавших туда на заработки, а нередко и осевших там. Отсюда и бурный рост общественно-политической жизни региона и самый пестрый спектр политических взглядов его населения: от традиционно монархических и феодально-патерналистских и до самых модных социалистических.

Уже в начале 900-х годов Расул-Заде становится самым популярным публицистом социалистического толка, одним из создателей находившейся у истоков социал-демократического движения в Азербайджане организации «Гуммет», явившейся стартовой площадкой для многих большевистских лидеров региона начала XX века. Среди тех, кто в то время находился в соратниках Расул-Заде, выделялись: Нариман Нариманов, Меджид Эфендиев, Мешали Азизбеков, Асадулла Ахундов и др., вошедшие потом в «пантеон» великих брочов «за счастье народное», чьи имена увековечены в названиях городов, промышленных предприятий, учреждений культуры, воспеты в поэмах и романах. По-другому сложилась судьба Расул-Заде, безусловно, самой крупной и талантливой личности на политическом горизонте Баку того периода.

Преодолев временное увлечение большевистскими идеями, он все более склоняется к умеренно-националистической модели будущего общества, которое мыслится ему как светская республика с исламским менталитетом, причем вопрос о месте Азербайджана в составе Российской империи в то время для него не был еще ясен, и, очевидно, речь шла о культурно-национальной автономии. Именно в это время начались его личные контакты с Иосифом Сталиным — «восходящей звездой» политического небосвода Закавказья, находившимся в то время на берегах

Каспия. Об их дружеских отношениях существует множество версий. Особенно умножились они после 1956 года. Судя по книге «Дни минувшие...» писателя Манафа Сулейманова, пожалуй, наиболее полного источника этих сведений, Расул-Заде неоднократно спасал свободу, а, возможно, и жизнь Сталина (3). Приведем только несколько эпизодов: спасая Сталина от жандармов, Расул-Заде две недели укрывал его в «минбаре» мечети, настоятелем которой был его отец молла Алекпер. Около двух месяцев скрывался будущий вождь на даче моллы Алекпера в Новаханах (4). Содержание документа, датированного 1923-м годом, свидетельствует, что Сталин был действительно хорошо осведомлен о политической биографии автора «реакционной брошюры», и связывали их не только, очевидно, политические дела.

Общественно-политическая биография Расул-Заде до 1917 года известна достаточно хорошо. Добавлю только к уже известному, что довольно близкие, даже доверительные, отношения сложились у него с одним из бакинских журналистов, сотрудничавшим в ряде русскоязычных изданий. Он вместе с Ахмедбеком Цаликовым, другим кавказским деятелем, и Гаязом Исхаки помог этому журналистической 1917 года стать заметной величиной в мусульманском общественно-политическом движении и политической элите столицы России. Фамилия этого бакинского журналиста была Султан-Галиев, звали Мирсаид, и никто еще тогда не предполагал, что он станет одним из самых видных теоретиков национального движения в «третьем мире». Политические течения вскоре развели Султан-Галиева и Расул-Заде в противоположные стороны — бывший социал-демократ большевистского толка Расул-Заде явился одним из организаторов «Муссавата», партии, возглавившей создание демократического Азербайджана, а Султан-Галиев, став большевиком с лета 1917 года, в годы гражданской войны был одним из наиболее пламенных сторонников мировой революции в ленинском варианте. Но в

1917 году Султан-Галиев, в ответ на упреки своих оппонентов в измене национальному, мусульманскому делу, еще отвечал — спросите о моих взглядах Ахмедбека и Мамед-Эмина! Они были в то время в числе высших авторитетов для национально-мусульманского движения. Однако это не мешало Султан-Галиеву весьма критически относиться к некоторым журналистским приемам Расул-Заде. В частности, он упрекнул Расул-Заде в 1916 году за то, что в редактируемой им газете «Ачык суз» была перепечатана статья Садри Максудова без указания истинного автора.

Политическая судьба Расул-Заде в годы гражданской войны была тесно связана с партией «Муссават» — лидером азербайджанского общества того времени. С этой партией он прошел весь «крестный путь» молодой мусульманской демократии. В течение почти трех лет ей пришлось выдерживать многочисленные схватки и временные союзы с различными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими силами, каждая из которых имела свои виды на будущее богатейшей прикаспийской страны. Турки и англичане, немцы и дашнаки, белогвардейцы и большевики — все они стремились прочно обосноваться в Баку. Запах нефти манил неодолимо. Смена властей и ориентаций происходила иногда с калейдоскопической быстротой. Турция, представлявшая в этом регионе наиболее внушительную военную и политическую силу, в сложных обстоятельствах противостояния Антанте была вынуждена ради поддержки со стороны Советской России фактически отдать Азербайджан советским войскам (5).

В конце апреля захватом Баку 11-й армией, поддержанным выступлениями местных большевиков и пробольшевистских элементов, завершился последний акт политической драмы Азербайджанской республики. В начале июля 1920 года Расул-Заде, скрывавшийся в поселке Лагич, что неподалеку от Шемахи, был схвачен и брошен в одну из общих камер Баиловской тюрьмы в Баку.

Его дело вела местная ЧК, и, очевидно, шансов выжить у экс-президента было мало. Но спасение пришло с неожиданной стороны. В октябре 1920 года в Баку прибыл Сталин. Это была своего рода инспекционная поездка по местам, где начиналась его революционная карьера. Вот что рассказывал впоследствии один из руководящих работников Азчека, ведавший секретными делами Баилдовской тюрьмы: «Вызвали меня к заместителю начальника Азчека. Он говорит мне: отведи Мамед-Эмина Расул-Заде на вокзал, там его в салон-вагоне Сталин дожидается. Я отправился в тюрьму. Зашел в камеру, где содержали М.-Э. Расул-Заде. Условия здесь были тяжелые. Жара, отсутствие свежего воздуха, камера тесная. Сам заключенный вид имел совершенно жалкий — в оборванной одежде, заросший бородой. Он вел себя сдержанно, с достоинством, не разговаривал. Взяв двух солдат, я посадил арестованного в фаэтон и отвез в город. Мне выделили деньги в бухгалтерии, на которые я купил ему нижнее белье, костюм, туфли, верхнюю рубашку, шляпу и прочие принадлежности. Когда он вымылся, побрился и, надев новый костюм, вышел на улицу, я его сначала не узнал. Будто другой человек — высокий, представительный. В больших глазах светится ум, лоб высокий, выражение лица решительное. Очень он величественно выглядел». Далее из этого бесхитростного воспоминания, написанного в конце 20-х годов, следует, что автор доставил Расул-Заде к салону-вагону и доложил Сталину. Интересен диалог, свидетелем которого стал чекист: «Сталин приблизился к нему, крепко обнял и расцеловал. Потом Сталин вдруг спросил: «Мамед-Эмин, что дала ваша власть народу за эти полтора года? Что вы успели сделать?» Мамед-Эмин, немного помолчав, ответил: «Успели мы, Иосиф, немного. Сам знаешь, какое было положение... Однако полагаю, что главного мы достигли. Дали почувствовать вкус национальной свободы и независимости... флаг, взметнувшийся однажды, более не опустится». Завершая воспоми-

вание, автор привел любопытную деталь: когда чекист на- помнил через несколько часов о том, что узника надо воз- вратить в тюрьму, Сталин, взяв предписание, пометил на нем: «Арестованного Мамед-Эмина Расул-Заде принял Сталин». Однако порядок есть порядок, перепуганный кон- воир тут же по пути в ЧК, зайдя в фотографию, попросил сделать несколько копий предписания с резолюцией нар- кома и члена Политбюро, заставил солдат расписаться как свидетелей и, вложив документ в тюремное дело, ос- тавил на всякий случай копию у себя. Но никаких заме- чаний не последовало — кто такой Сталин и какова его власть уже в то время хорошо знали, тем более на Кав- казе. Впрочем, это были еще времена революционной ро- мантики, и не все определялось жесткими правилами. Вожди могли позволить себе широкие жесты, не предусмотренные инструкциями, да и самих инструкций было еще мало. Это мог бы подтвердить, например, и бывший глава Военного шуро и начальник штаба башкирских войск Ильяс Алкин, когда, выйдя из Бутырской тюрьмы в мо- розный декабрьский вечер 1920 года, он вместе с сокамер- ником Убайдуллой Ходжаевым напрямик направился в Кремль, на квартиру к Сталину. И ничего — принял, на- кормил, обещал дать обоим работу и отправил на своем автомобиле в общежитие Наркомнаца на Пречистенке. Од- нако все это не спасало облагодетельствованных, когда приходил их черед попасть под жернова репрессивной ма-шины.

Дальнейшую жизнь Мамеда-Эмина в Советской Рос- сии можно уместить в нескольких строках. Он был устроен после приезда вместе со Сталиным в Москву на работу в Восточное издательство, бывшее своеобразным филиалом восточного отдела Коминтерна по изданию и распростра- нению революционной литературы в колониях. Вел редак- торскую работу и опубликовал несколько статей. Однако жесткую цензуру и редактирование своих статей с воз- мущением отвергал. После того, как в одном из номеров

газеты «Жизнь национальностей» к его статье приписали фразу. «Да здравствует Советская власть во всем мире», пришел с жалобой к своему давнему другу, члену коллегии Наркомнаца Султан-Галиеву, тот развел руками и сказал, что ничем помочь не может, это указание ЦК (6).

В 1922 году Расул-Заде очутился в Финляндии. Есть две версии его «ухода». По одной, он приехал в Хельсинки в командировку для закупки бумаги и в тот же день сдал в посольстве под расписку все казенные деньги, заявив, что остается здесь и не хочет, чтобы потом писали, что сбежал, прихватив народные средства. По другой, об этом говорил близким Султан-Галиев, помог бежать Мамед-Эмину через границу с помощью татарской общины в Финляндии Муса Бигиев, бывший в то время настоятелем Петроградской мечети. Могло быть и такое — «финским коридором» несколько ранее воспользовался приблизительно по такой же схеме с помощью Бигиева и Бари Баттал, известный татарский журналист и общественный деятель, бежавший из концлагеря под Казанью в августе 1920 года. Вскоре Расул-Заде появился в Стамбуле, а затем в Анкаре, где был принят Кемалем.

Очевидно, все пережитое за годы гражданской войны заставляло Расул-Заде немедленно взяться за перо, тем более, что в советской и просоветской зарубежной печати события в Баку преподносились односторонне. Так появилась брошюра, которая вызвала такой переполох в «коридорах кремлевской власти». Тем более в ней раскрывались факты двойной игры советского правительства по отношению к Турции Кемалю. «Советы» Генерального секретаря достаточно убедительно раскрывают «технология» опровержения «неудобных» фактов, которой он впоследствии не без успеха пользовался внутри страны и за ее рубежами. Любопытно их прочитать и в наше время и не только как исторический «раритет». В начале «советов» Сталин категоричен: «общий тон брошюры против Расул-Заде должен быть наступателен. Ни в коем случае не следует

оправдываться», а наступать, обвиняя его: (разрядка моя.— Б. С.)» в следующих грехах:

1. В рекегатстве. Он был большевиком, но изменил им.
2. В измене интересам самих турок. Так как он сам и его партия «Муссават» мешали Красной Армии помогать туркам, препятствовали взятию Баку.
3. В измене азербайджанскому народу. Препятствовали передаче земли крестьянам и ликвидации владений беков.
4. В измене интересам всех народов Востока и помощи Англии в сохранении колониального господства над мусульманами.
5. В организации армяно-татарской резни. Сталин тут же дает хлесткую пропагандистскую формулировку — «обозвать азербайджанским Пуришкевичем».
6. Обвинить в организации Шамхорского погрома — «обозвать его азербайджанским погромщиком».

Далее в нескольких строках дается анализ идеологического багажа «крамольника», сводящийся к тому, что тот «невежественный утопист средневекового уровня». В конце «советов» со скромностью, присущей вождю, небольшая приписка: «Я думаю, что брошюра будет вполне удовлетворительна, если будут учтены эти тезисы. Привет. И. Сталин» (7).

Судя по всему, появлению этих «советов» предшествовала беседа с адресатами или некоторыми из них, а чтобы не забыли и не перепутали, «кому цветы, кому мороженое» и другие «аргументы и факты» (из них только Киров имел небольшой опыт провинциального репортера), им была вручена эта инструкция по разоблачению политического противника. В конце документа — следы начавшейся работы по выполнению «советов» — надпись чернилами: «т. Ратгаузер, прошу дать материалы из музея революции для составления мной брошюры согласно тезисам т. Сталина.

Мусабеков». Судя по всему, «жребий» разоблачителя пал на Председателя СНК Азербайджана. Киров счел за благо уклониться от полемики с Расул-Заде, чей блестящий язык и умение «припечатать» оппонента были общезвестны. В известной мне литературе брошюру Мусабекова я не встречал (8). Написанное им скорее всего не подошло из-за низкого уровня, которым мог воспользоваться оппонент. Ведь «советы» надо было воплотить в жизнь. И в наше время далеко не все обладатели фактов могут их преподнести интересно и убедительно. Кроме сидения в архивах, нужно, очевидно, еще кое-что.

Прочитанный нами документ уникален и по-своему сенсационен. Впервые после победы революции мы видим столь откровенное и не предназначенное для посторонних изложение методов и способов пропагандистской кампании в ситуации, когда фактов и аргументов явно не хватает или же они противоречат политической цели. Сталин не стесняется среди своих: «обозвать», «не оправдываться», «наступить», да и хлесткие ярлыки предлагает, чтобы не ломали головы (9). Это был 1923 год. Вскоре всю «мощь» такой аргументации и приемов компрометации испытают на себе его соратники: Троцкий, затем Зиновьев и Каменев, а в дальней перспективе и Бухарин, в то время их главный разоблачитель.

Есть во всей этой истории загадочный аспект, по которому у меня имеется версия, но она столь неожиданна, что высказывать ее полностью воздержусь. Не хочу превращаться в провинциального «Юлиана». Приблизительно во время событий, о которых мы узнали из написанного выше, неожиданно в Москве появляется книга Галимджана Ибрагимова «Черные вехи», посвященная разоблачению татарской эмиграции, в основном Г. Исхакова и З. Валидова... В ней имеется и раздел о Расул-Заде, причем многие приемы критики его взглядов и деятельности перекликаются с «советами», преподанными Сталиным кавказским деятелям. Хотя Сталин и Ибрагимов были весьма близки

в годы гражданской войны, не думаю, что этот раздел — результат прямого «инструктажа». А если он и был, то такие вещи, как правило, не документировались. «Советы» Кирову и другим — все же исключение. Обычно следы уничтожались.

Известный исследователь культуры литературовед академик М. Хасанов, пожалуй, больше, чем кто-либо знающий все нюансы биографии Ибрагимов, тоже выразил сомнение в версии о прямом заказе Сталина. Наверное, это так. Но идеи разоблачения эмиграции носились в воздухе, да и сама она весьма активно вмешивалась, по крайней мере публикациями, в общественно-политические процессы, происходящие в стране. Поэтому Г. Ибрагимов мог просто выполнить социальный заказ и сделать это блестяще, как бы мы сейчас к этому ни относились.

Но вернемся к Мамед-Эмину Расул-Заде и его жизни за рубежом. Ему еще предстояло прожить до своей кончины в 1954 году тридцать лет. Он активно участвует в общественно-политической жизни российской эмиграции. Пишет книги и статьи, ведет полемику с теми ее представителями, которые обвиняли национальные движения в пособничестве большевикам. Одним из эпизодов этой полемики являются статьи конца 20-х — начала 30-х годов. Это был период ожесточенной борьбы против так называемого национал-уклонизма в СССР — дела и политические процессы Вели Ибраимова в Крыму, Султан-Галиева в Москве и Поволжье, массовые аресты «муссаватистов» в Азербайджане знаменовали новый этап борьбы тоталитарного режима против национальных движений, все еще надевавшихся на «оплату векселей», выданных большевиками в годы гражданской войны. Эти кампании не могли пройти мимо эмиграции и вызвали значительное число публикаций. Особенно активно обсуждалась «султангалиевщина», представлявшаяся официальными органами, с одной стороны, как агентура империализма, с другой — как попытка создания «туранской империи». На какой-то момент

сложился странный «союз» противников «национал-уклонизма» — от Сталина до Керенского. Речь, конечно, не идет о прямых заданиях Кремля первому демократическому премьеру России, хотя по мере открытия архивов мы узнаем о вещах, казалось бы, нелогичных и несовместимых (10). Приведем несколько фактов, не комментируя их. В газете «Дни» в 1930 году Керенский опубликовал громкую статью по поводу вскрытых ОГПУ в СССР национал-уклонистских групп. Само ее название — «Диктатура над русским народом» — служило весьма ценным «подтверждением» правильности линии ОГПУ на разоблачение национальных движений. Чего стоит фраза о том, что «султангалиевцы» хотят разделить русскую землю между «так называемыми угнетенными народами» бывшей России. Именно так — «так называемыми». Нагнетая ужасы, Керенский продолжает: султангалиевцы требуют: «Кавказ отдается грузинам, горцам и азербайджанцам. Малороссия — украинцам, Сибирь — якутам и бурятам и другим инородцам». И самое ужасное припасено под конец: «Вся Россия, находящаяся за Волгой, начиная с Оренбурга и Сибири и кончая Памиром в Туркестане — пантюркистам — т. е. союзу казанских татар с кемалистами». И это объявлено на весь мир. Позиция Керенского была поддержана армянскими эмигрантами (11). В цикле статей Расул-Заде, наиболее принципиальной из которых является «Пантюранизм и проблемы Кавказа», подробно анализируется кампания в русской эмигрантской печати и в первую очередь «демократической» по дискредитации национальных движений в СССР. Расул-Заде с сожалением констатирует, что демократические взгляды Керенского и его соратников всего-навсего «камуфляж», за которым стоит имперская идея «единой и неделимой». При всей разности ситуаций и действующих лиц, кое-что из заблуждений тех давних дней проросло и в наше время. Но это тема отдельного разговора. Дальнейшая жизнь Расул-Заде в эмиграции сложилась благополучно. Если не считать того,

что он оказался вырванным из родной почвы и так и не увидел осуществления своей мечты о суверенном Азербайджане. В республике Азербайджан, переживающей ныне трудные времена, имя Расул-Заде возвращено народу. Им назван и Бакинский университет, об открытии которого он мечтал в 1918 году.

Судя по всему, Сталин не предпринимал каких-то чрезвычайных мер по ликвидации крамольника. Возможно, считая, что они рассчитались взаимным спасением жизни друг друга. Да и среди зарубежных противников были немало более опасные лица — Троцкий, Бажанов, беглые советские дипломаты, генералы ОГПУ и НКВД, по разным причинам оказавшиеся в стане противников Сталина и Советской власти, не говоря уж о деятелях белой эмиграции. Вот ими занимались всерьез. Но тоже не всегда успешно. Могло быть и другое. Чисто психологическое. Уничтожив противника или обезвредив его, Сталин лично мог и не питать к нему особой злобы. Известно ведь, что в последние годы он без особого гнева, говоря о прошлом, вспоминал в узком кругу и Николая, и Алексея. Впрочем, о Льве так умиротворенно, в отличие от Бухарина и Рыкова, он не говорил.

Вот что вспоминал секретарь ЦК комсомола Азербайджана: в 1930 году в числе секретарей ЦК партии и комсомола республик Кавказа он был на приеме у Сталина неподалеку от Сочи. Во время встречи с бакинцами (Гусейнов пишет, что Сталин говорил с ними на азербайджанском) он расспрашивал о некоторых большевиках, которых помнил по совместной работе в подполье. Назвал в их числе и Расул-Заде, бывшего, по словам Сталина, самым близким из его друзей. Гусейнов с комсомольским задором, не без задней мысли понравиться вождю своей непреклонностью к отступникам, заявил или, по его выражению «ляпнул», что Мамед-Эмин подлец и предатель. Ответ огорошил всех слушавших этот диалог: нахмурившись, вождь тихо, но четко разделяя слова, сказал: «Сафар, ни-

когда плохо не говори о человеке, которого не знаешь. Если человеку с нами не по пути, это еще не значит, что он подлец». После чего последовало весьма сухое прощание (12).

Эпизод произошел в 1930 году. Еще предстояли 1934, 1937 и последующие годы, которые явно не вписывались в услышанное тогда.

Мамед-Эмин Расул-Заде умер через два года после кончины своего бакинского друга, ставшего одной из самых крупных, зловещих и противоречивых фигур века. В заключение приведем две мысли Расул-Заде, высказанные им в 30-е годы: «Реальное состояние современного мира и его общие условия и факторы, которые веками закрепились в умах и характерах, не позволяют нам совершить недопустимый грех быть утопистами в политике». «Мы находим, что единственная ясная и реальная политика — это политика национальная. Таков смысл истории. Таково веление науки, ума и логики». Есть тут над чем задуматься и в наши дни. Хотя ведь известно, что мудрые мысли высказываются не только для сиюминутного потребления. Для некоторых из них нужно время, чтобы их осознать.

Примечания

1. Некоторые малоизвестные факты из деятельности бакинских революционеров различных оттенков изложены в биографической справке о Расул-Заде в книге «О пантуранизме», изданной в Оксфорде в 1985 г.

2. Речь шла о татарском большевике Сибгате Гафурове.

3. Сулейманов М. Дни минувшие... Баку, 1990. С. 335—338.

4. Судя по официальной биографии Сталина, он впервые приезжает в Баку в качестве одного из лидеров социал-демократов в июне 1903 года. См.: Сталин И. В. Сочинения. М., 1946. Т. 1. С. 421.

5. Ахмедбек Цаликов отзывался об этом странном союзе так: «Большевики усажены на хвост турецкой птице, которая начинает их носить с собой. Там, где садится эта птица, там большевистские паразиты оставляют свои ячейки». — ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 2. Д. 889, Л. 89.

6. Очевидно, это была статья, опубликованная под псевдонимом «Р-де» в № 1 (99) от 13 января 1921 г.

7. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4491. Л. 1—2.

8. Первые брошюры с разоблачением Расул-Заде появились в 1926 г.

9. РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4451. Л. 2.

10. Речь не идет здесь о том, что некоторые ярые противники Советской власти за рубежом являлись платными агентами ОГПУ. При мером тому множество. Но вот как расценить решение Политбюро, вы делившего в 1924 году совершенно секретным решением 15 тысяч дол ларов на издание эмигрантской газеты «Накануне»?

11. В 1936 году было затеяно НКВД огромное следственное дело «Идель-Урал», из которого следовало, что эта идея поддерживается большинством татар и башкир. Может, тут и пригодились печатные «заготовки» Керенского.

12. Сулейманов М. Указ. соч. С. 339.

СТАЛИНСКИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ НАРКОМ

(взлет и гибель «Кольки-книжника»)

Не так уж много в нашей многострадальной истории имен, которые бы стали символами крупномасштабных политических явлений. Одно из них — Николай Ежов (и производное от него «ежовщина») не требует расшифровки и по настоящее время: столь глубокий кровавый след оно оставило. Из детских впечатлений (наверное, общих для моего поколения, начавшего учиться в середине 30-х) запомнились яркие плакаты, на которых изображалась извивающаяся многоголовая змея со свастикой, намертво схваченная могучей рукой в рукавице, утыканной иголками. Для большей популярности плакаты сопровождала надпись «стальные ежовы рукавицы». Этот броский чекистский «комикс» долженствовал обозначать, что борьба против всяческих внутренних и внешних вра-

гов — в надежных руках генерального комиссара госбезопасности, «железного сталинского наркома» Николая Ивановича Ежова. Газеты, журналы, кино и радио взахлеб восхваляли его заслуги в разоблачении вредителей, шпионов, диверсантов, троцкистов и прочих извергов. А потом все исчезло. Но произошло это без обычных броских обвинений и публичных разоблачений, как-то обыденно, что, вероятно, и породило легенды, согласно которым Ежов попал только во времянную опалу, и его видели где-то в Магадане или Норильске и в других провинциальных столицах империи ГУЛАГ.

Впервые о судьбе Ежова в открытой печати было упомянуто в воспоминаниях авиаконструктора А. Яковлева в 60-е годы. Он процитировал фразу, сказанную ему И. Сталиным во время войны. Вот-де был такой подлец и пьяница Ежов, погубивший много невинных людей, но и мы его «крепко наказали» за это, заметил вождь и закончил разговор на эту тему. В сталинском «прейскуранте» возмездия «крепко наказали» означало только смерть. Впрочем, Сталиным были «крепко наказаны» многие руководители карательных органов. Но только Ежов стал символом всего самого гнусного и бесчеловечного, отложившегося в памяти народной как 37-й год, хотя временные рамки этих беззаконий были намного шире, а генетически вели свое начало с Октябрьского переворота.

В литературе, включая и художественную, посвященной нашей истории, имя Ежова прямо или косвенно присутствует в большинстве работ, затрагивающих репрессии. Однако, как правило, он появляется на страницах уже в виде сформировавшегося палача, изверга, а для усугубления негативного впечатления обыгрываются и его физические особенности, и в первую очередь маленький рост, что-то около 150 сантиметров с небольшим, тонкий голос и даже оттопыренные уши.

Не ставя целью создание подробного политического

портрета Ежова и дать ему психологическую характеристику (хотя мы, наверное, зря упускаем из виду при анализе биографии деятелей эту сторону личности, видя в ней только носителя определенных идей), автор попытается изложить в этом кратком очерке в основном начальный этап деятельности человека, чье имя в середине 30-х вызывало в одних ужас, в других — восторг. Как раз в этот период именитый акын Джембул вдохновенно писал:

Разгромлена вся скорпионов порода
Руками Ежова — руками народа.
Ты — пуля для всех скорпионов и змей.
Ты — око страны, что алмаза ясней.

Впрочем, что там акын... Михаил Калинин и Анастас Микоян, каждый в меру своего красноречия, по случаю вручения Ежову ордена и 20-летия создания ВЧК также пропели в 1937 году дифирамбы, только немного уступавшие по своей угодливой образности и звучности тем, что посвящались Сталину. И если о Сталине говорилось, что он — сегодняшний Ленин, то Ежова сравнивали с самим Дзержинским. Такого не устаивался впоследствии даже Лаврентий Берия.

Попутно попробуем уточнить ряд данных о Ежове, кочующих из одной публикации в другую, высказать свою версию причин его неожиданного восхождения на вершину советского и партийного «Олимпа» и восстановить некоторые загадочные страницы его ранней биографии, которые до сих пор являлись белым пятном. Для читателя в нашей республике это тем более любопытно, ибо Казань — трамплин политического взлета Николая Ежова. Именно в Казани прибывший сюда в 1919 году мелкий политработник стал заметной фигурой губернского масштаба в сфере идеологии. Летом 1921 года он был выдвинут на должность секретаря губкома соседней области и попал в цековскую номенклатуру. Впоследствии, когда с 1927 года Ежов уже

прочно обосновался в ее высшем эшелоне в Москве, казанские дела занимали заметное место в его служебной деятельности. Да и он сам как работник учетно-распределительного и кадрового подразделений ЦК ВКП(б) был опорой некоторых «вождей» республики в их «хронической» борьбе с различными течениями и группировками, нередко придуманными в целях карьеры и повышения своего веса в центре. Благо, ввести его в ситуацию и «просвещать» было не нужно. Кадры Татарии он знал не по анкетам.

В 1921 году, будучи делегатом 3-й областной партконференции Татреспублики, Ежов, как и другие, заполнил соответствующую анкету. Вот как изложил он свой предшествующий путь. До 1914 года работал на Путиловском заводе в Петрограде, после этого был призван в армию и проходил службу в годы войны на Северном фронте слесарем 5-й артмастерской. В числе мест пребывания Ежов упомянул города Вышний Волочёк, где пробыл около года, Витебск — около двух и Москву — тоже около двух лет. В анкете был назван и город Тильзит в Восточной Пруссии, кроме того, было указано, что ее автор наряду с русским владеет польским и литовским языками — это одна из загадок биографии «железного наркома». В партию был принят 5-го мая 1917 года в Витебске, а не в марте, как обычно пишут. Дальнейший послужной список изобилует весьма любопытными провалами: с мая 17-го он исчезнет из Витебска и появится там только в сентябре, став комиссаром штаба одной из тыловых частей. В январе 1918 года Ежов снова покидает Витебск и объявляется лишь в августе того же года в качестве члена завкома на бывшем заводе Болотина в Вышнем Волочке, где и пробудет до апреля 1919 года. Затем новый провал в трудовой биографии, только в сентябре 1919-го Ежов назначается комиссаром казанской радишколы, созданной при переведенной из Саратова базе радиотелеграфных формирований, где была сконцентрирована наиболее подготовленная

АНКЕТА

ДЕЛЕГАТА 3-й ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. К. П. (Б.) ТАТРЕСПУБЛИКИ.

Имя

10. ФИО делегата (полное имя) *Николай Иванович Ежов*, Подпись делегата № *6703*

1. Фамилия *Ежов*

2. Имя, отчество *Николай Иванович*

3. Возраст *26 лет*

4. Укажите название района, города, поселка, в котором вы живете

Минск района 8 км

5. Образование *Начальное*

6. Какие должности занимали до поступления в школу или до поступления

*Трудовой с 1917 по 1920 год, в 1920 году
сменил место, вступил в члены ВКП(б), в 1921
г. вступил в члены ВКП(б), в 1922 году вступил*

7. Какие из перечисленных (или еще какие) курсы

были в ВКП(б) с 1922 года

8. Какие курсы и школы прошли после школы и до поступления в школу

*Курсы в Ленинском институте
по линии ВКП(б)*

9. Укажите из каких учебных заведений учились, сколько лет в школе
или в высшей школе учились

Курс

10. Какие должности *Сторож прохода*

11. Основные занятия в 1917 г. *Слесарь, рабочий
на заводе в Костромской*

12. В какой организации состоите сейчас, организационно в какой форме

Минский завод

Анкета делегата 3-й областной конференции РКП(б) Татреспублики Н. Ежова.

13. Какие работы выполняли в 1917 году (какие предприятия)

№ п/п	Наименование работы	В каком учреждении	Должность
1	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
2	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
3	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
4	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
5	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.

14. Какие работы выполняли за время заключенного срока (какие работы)

№ п/п	Наименование работы	В каком учреждении	Должность
1	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
2	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
3	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
4	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.
5	Работал в А. Б. Б. Б.	С. П. П. П.	Б. Б. Б.

15. Присвоены ли Вам звание или починки, звания, ордены и т. д. и какие
 (какие звание) *Присвоены.*

16. Укажите время и место работы (какие предприятия, учреждения, организации и т. д.)
Работал в А. Б. Б. Б.

17. Укажите время и место работы (какие предприятия, учреждения, организации и т. д.)
С 5-го мая 1917 г. работал в А. Б. Б. Б.

18. Укажите время и место работы (какие предприятия, учреждения, организации и т. д.)
Работал в А. Б. Б. Б.

19. Присвоены ли Вам звание и починки, звания, ордены и т. д. и какие
 работы (какие звание) *Присвоены, но не было работы*

Вне очереди на работу "Касора"
Киевщина

1

20. Подготовка к работе и выполнение работы (дата, вид и количество часов)

21. Время выполнения работы выделено до 1 января 1981 г.

В.р.ч.а.	Дат. дуб. экз. работ	В. время выполнения	В. работа
с. 00	1. Мазан	Прополон	весь полдня
с. 00		Помощь	в конце дня
с. 00			обслуживание
с. 00			в выходные
с. 00			

22. Время выполнения работы выделено на время выполнения работы

С. время работы	Дат. дуб. экз. работ	В. время выполнения	В. работа
с. 00	1. Касора	Работы по ремонту	весь день
с. 00		Помощь	весь день
с. 00			в выходные
с. 00			в выходные
с. 00			

23. Подготовка к выполнению работ (дата, вид и количество часов)

— *М.М.*

Л. Л.

1981 г.

Подпись

Л. Л.

№ 0.1. Форма № 0000000
Киев, ул. Гоголя, 200, к. 10

часть военно-инженерной интеллигенции того времени. Судя по некоторым воспоминаниям, Ежов был в Казани комиссаром телеграфной части уже в начале лета 19-го и даже участвовал в подготовке обороны города, которому угрожал Колчак. Но Ежов в анкете не назвал этот безусловно выигрышный момент своей биографии. Не будем его поправлять.

Радио было в то время передним краем научно-технического прогресса, и многие из тех, кто трудился в Казани на этой базе, стали затем видными учеными, хозяйственниками, крупными организаторами радиопромышленности и военной связи. Очевидно, общение с этими людьми не прошло бесследно и для Ежова. Были у него и промахи. Так, исследователи истории радиоформирований Красной Армии В. Косниченко и Е. Шошков пишут, что в феврале 1920 года военный трибунал Запасной армии объявил Ежову выговор за недостаточную бдительность при приеме в радиошколу, следствием чего стало зачисление в нее двух дезертиров. Впрочем, промах был не так уж велик, в то смутное время и не такое бывало. На карьере это не отразилось.

В мае он совершает восхождение на следующую служебную ступень — назначается комиссаром всей Казанской базы радиоформирований, что приблизительно равнялось должности комиссара полка или даже — при небольшой натяжке — бригады. Одновременно армейский политработник Ежов принимает все более активное участие в работе губкома, а затем, после образования Татарской республики — обкома ВКП(б). Судя по воспоминаниям людей, знавших его по казанскому периоду работы, исполнительность, безотказность при выполнении поручений импонировали руководству обкома, и вскоре Ежов становится заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом комитета без освобождения от обязанностей политработника на базе. Временно исполнял он и обязанности заведующего.

Партийная организация Казани переживала сложный период. Создание республики и рост числа ответственных работников из татар вызывали трения у руководящих кругах, многие активисты не могли сразу отрешиться от «губернских» методов. Понадобилось даже специальное письмо Политбюро, в котором этим явлениям была дана должная оценка. Национальные кадры Татарии также были разделены на группировки, наиболее крупные из которых были связаны с именами С. Саид-Галиева, ставшего Председателем СНК республики, и М. Султан-Галиева, занимавшего ответственный пост члена коллегии Наркомнаца в Москве и считавшегося одним из ближайших сотрудников Сталина. Недолгое время одним из секретарей Сталина был и другой казанец М. Брундуков, готовивший для него информацию по нацвопросу.

Не вдаваясь в причины этих конфликтов,— а они были весьма разнообразны, от личных амбиций до принципиальных разногласий по вопросу выбора модели реализации статуса автономии,— отметим, что и ряд работников в центре, включая и самого Сталина, искусно использовал, а нередко и подогревал эти настроения. К сожалению, и среди партийных лидеров Татарии, направленных из центра в то время, не было крупных политических фигур, авторитетных для местных кадров и пользующихся влиянием в СНК и Политбюро ЦК ВКП(б). Только за первые пять лет существования ТАССР сменилось шесть секретарей обкома. Большой резонанс вызвало и загадочное покушение на Председателя СНК республики Саид-Галиева в октябре 1920 года, которое еще более усугубило политический кризис, приведший летом 1921 года к снятию его с должности. Очевидно, атмосфера нестабильности и политических интриг, которую наблюдал Ежов и в которой он формировался как политический деятель, дала ему весьма определенный опыт, который будет им использован уже после отъезда из республики.

Мы мало знаем о личной жизни Ежова в Казани. Известно только, что первая жена оставалась здесь после его отъезда. В августе 1921 года он отъезжает в Москву.

В последнем казанском документе — записке, направленной секретарю областкома А. Карпову, — Ежов просит его (поскольку сам уезжает) посодействовать в поступлении в электротехническую академию Красной Армии талантливому изобретателю Константину Кальяну, бывшему казачьему офицеру, а теперь курсанту радиошколы, прибывшему в Казань из 60-й дивизии, дислоцированной в Киеве. (В своих заявках Кальян выдвинул ряд идей, опережавших уровень радиотехники того времени.) Что ж, обычные комиссарские заботы, элементарные и в целом-то человечески понятные дела. Ничто не предвещает того зловещего ореола, которым будет окружено это имя через 15 лет.

Нам неизвестно, чем занимался Ежов осенью 1921 года, скорее всего, был в резерве ЦК и выполнял отдельные поручения. Не исключено, что он был «замечен» кем-то из набиравших силу цеховских работников, знавших его еще по Витебску и Гомелю. Возможно, ими были Л. Каганович или М. Хатаевич, начинавшие свою карьеру в Белоруссии. Но это только предположение.

В начале 1922 года решением Оргбюро ЦК Ежова рекомендуют на должность ответственного секретаря Марийского областкома. Однако его партийная карьера в качестве первого лица на новом месте завершилась неудачей. Организацию раздирали конфликты между обкомом и нижестоящими комитетами. Для их разбора из Москвы был прислан инструктор ЦК Кубяк, который тоже повел себя не лучшим образом, заявив, что национальная политика партии имеет чисто пропагандистское значение для завоевания масс и не надо делать из нее практических выводов. Так, по крайней мере впоследствии, говорил об этом представитель Марийской области Петров на четвертом совещании по национальному вопросу в июне 1923 года. В ок-

тябре 1922 года ЦК отметил, что дразги и споры не утихли, и Ежов тоже не смог стабилизировать обстановку. Однако эта неудача не смогла отбросить его на исходные позиции. Человек, попавший в номенклатуру, как правило, уже и в то время в случае неудачи передвигался по горизонтали, за исключением особо уж скомпрометировавшихся. Так, Саид-Галиев после провала в Татарии был направлен на ту же должность в Крым.

Опыт работы в Татарии и Марийской области создавал Ежову репутацию руководителя, знавшего национальные проблемы. 1 марта 1923 года на объединенном заседании оргбюро и Секретариата ЦК, в котором участвовали А. Андреев, Ф. Дзержинский, В. Куйбышев, М. Калинин, А. Рыков и Сталин, принимается решение рекомендовать его секретарем Семипалатинского губкома и выдать пособие в размере трех окладов. Скорее всего, это была его первая встреча с Генеральным секретарем. В 1925 году мы видим Ежова уже на посту заведующего орготделом Казахского крайкома в должности, предполагающей особую аппаратную сметку. Очевидно, в центре поняли, что его стезя — незаметная, но весьма влиятельная деятельность в аппарате, не требующая самостоятельных политических решений. В 1927 году Ежов становится работником аппарата ЦК ВКП(б), занимаясь там кадровыми вопросами.

В борьбе за личную власть Сталин еще в начале 20-х годов понял, что успех определяется наличием прочных позиций в аппаратных структурах (известный политолог А. Авторханов полагает, что эту идею Джугашвили усвоил уже в период учебы в семинарии. Автору представляется сомнительным столь раннее созревание аппаратного мышления у будущего вождя). Не случайно все противники Сталина, начиная с Л. Троцкого, жаловались на умаление роли Политбюро и усиление власти секретарей и отделов на всех уровнях партийных комитетов. Судя по воспоминаниям нескольких оказавшихся на Западе работников, лично знакомых со стилем работы Сталина, и в первую

очередь его секретаря Бориса Бажанова, помощники вождя имели власть и реальную возможность ее осуществления, большую, чем лица, занимавшие крупные, но практически «декоративные» должности, как бы громко они ни назывались. В этой аппаратной структуре ведущую роль играли отделы и секторы ЦК, скромно именовавшиеся учетно-распределительными, организационными, кадровыми. Именно им, а не отделам с громкими названиями пропаганды, печати, культуры, промышленности, сельского хозяйства и т.п., принадлежала реальная власть в партии. Эта традиция сохранялась вплоть до последнего времени, отдел организационно-партийной работы был всегда на особом положении и подчинялся только первому секретарю, равно как и общий, финансово-хозяйственный отделы.

В учетно-распределительных структурах ЦК Ежов оказался на своем месте. Ровный характер, исполнительность хорошо отлаженной машины, умение дать необходимую справку в любую минуту дня и ночи отличали работников этого уровня. Такими были А. Поскребышев, М. Шкирятов, Л. Мехлис, Л. Каннер, А. Товстуха, М. Хатаевич и другие. Но только Ежов сделал столь головокружительную карьеру, став, если прибегнуть к терминологии астрономов, сверхновой звездой, на какие-то мгновения угрожавшей затмить всех остальных «тонкошеих вождей», как их именовал в своей эпиграмме О. Мандельштам. Его действия начали вызывать опасения самого Сталина. Но не будем забегать вперед.

Вскоре Ежов становится одним из влиятельных экспертов при подборе кадров в аппарат ЦК. Работая в архиве Политбюро, автор встречал письменные заключения о кандидатурах на должности ответственных инструкторов и заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), подписанные Ежовым. Но в 1928 году политическая судьба Ежова чуть было снова не оказалась вплотную связанной с Татарией. Немного предыстории.

В 1925 году после проб и ошибок удалось наконец подобрать для Татарии влиятельную фигуру партийного секретаря. Им стал Михаил Хатаевич, партиец с дореволюционным стажем, начинавший свою карьеру в Гомеле. Человек собранный и волевой, он быстро овладел ситуацией и прекратил на время раздиравшие республику «группировочные» страсти, когда каждого секретаря оценивали с точки зрения поддержки «правых» или «левых». Очевидно, помогало и то, что в Казань новый секретарь прибыл из ЦК, где возглавлял один из секторов орграспредотдела и был «лично известен» руководству. Поговаривали, что «чулак», так его называли татарские активисты, обыгрывая физический недостаток, — отсутствие руки, пользуется протекцией самого Л. Кагановича.

Однако через два года в партийной организации снова началась склока, как тогда официально называли конфликты. В самом бюро обкома тоже не было единства, и некоторые решения Хатаевича проходили большинством всего в один-два голоса. Наиболее ярким эпизодом борьбы стала так называемая «забастовка наркомов», когда около десяти наркомов и других крупных функционеров республики, в том числе два члена бюро обкома, приехали в Москву и, добившись приема у секретаря ЦК С. Косиора, потребовали убрать Хатаевича. В вину ему вменялись, кроме грубости, сбор компромата на неугодных с использованием органов ОГПУ, о чем открыто говорили на пленумах, сталкивание кадров между собой. Особенно активно помогал Хатаевичу в этом начальник управления ГПУ по Татарии Кадушин.

Хотя этот демарш к каким-то видимым результатам и не привел, жалобщикам дали совет — «ребята, надо работать дружно», опытный политик Хатаевич понимал, что в случае дальнейшего обострения им «пожертвуют», и начал искать достойный вариант ухода. В частности, он просил ЦК прислать на должность Председателя СНК Татарии К. Хакимова или Ш. Ибрагимова, людей известных и ав-

торитетных и, даже не дожидаясь ответа, начал с ними переговоры. Хакимов ряд лет был послом (полпредом) и Саудовской Аравии, а Ибрагимов, верный сторонник Сталина и непримиримый враг Султан-Галиева, с начала 20-х работал в ЦК и некоторое время был партийным руководителем Туркмении. Правда, Ибрагимова только что освободили от этой должности, судя по всему потому, что в ночь на новый 1928 год в 40 километрах от Ашхабада через границу бежал бывший личный секретарь Сталина Борис Бажанов, несколько месяцев проработавший в Туркмении заведующим секретным отделом ЦК.

Но оба кандидата под разными предлогами от предложения Хатаевича отказались. О Татарии в 20-е годы говорили, что здесь руководителем быть очень опасно — «съедят». И тогда Хатаевич обратился к Сталину и Ко-сиору с просьбой прислать на свое место Ежова, заявив, что «есть у вас в ЦК крепкий парень Николай Ежов, он наведет порядок у «татар», а я устал и прошу перевести на другое место». Это назначение было уже предрешено, и Ежов готовился к отъезду, но вмешались другие, более драматические события.

В ходе подготовки к коллективизации был серьезно укреплен Наркомзем, его руководителем стал бывший зам-наркома РКИ Яковлев, в помощь ему на должность зам-наркома — начальника управления кадров — направили Ежова. Сталин посчитал необходимым иметь в наркомате опытного аппаратчика, тем более лозунг «Кадры решают все» не был только фразой.

Очевидно, кадровые проблемы обеспечения «великого перелома» были решены успешно, хотя и не стоит преувеличивать роль Наркомзема, ибо судьбы руководителей вершились в недрах отделов ЦК. В середине 1930 года Ежов возвращается в родное лоно партийного аппарата. Вплоть до 1934 года Ежов занимает в ЦК ключевые посты заведующего отделами распределения и кадров. На этих постах он формирует номенклатуру самого высокого

уровня и многие вопросы докладывает Сталину, минуя секретарей ЦК. Надо полагать, Сталин тщательно присматривался к молодому заведующему, изучал его качества, и ему не могли не импонировать фанатическая работоспособность и деловая честность Ежова. Да и бытовая скромность, сдержанность в потребностях — тоже, особенно на фоне амбициозных и неумных претензий некоторых вождей различного масштаба¹.

Впрочем, Сталин если и не поощрял, то и особо не сдерживал честолюбивые потуги руководителей, стремившихся, например, увековечить свои имена в названиях населенных пунктов, предприятий и учреждений. Дело доходило до трагикомических инцидентов. Так, секретарь одного из крупных обкомов РСФСР написал в Политбюро жалобу: его именем должны были назвать завод в областном центре, а ЦК разрешил удостоить этой чести только Дворец пионеров. Но не будем язвить по адресу «обиженного» партийного функционера средней руки. Тон задавали нравы центра, а уже отсюда все шло на места.

Казань не являлась исключением. Здесь в свое время были фабрика имени секретаря обкома Разумова, а ранее, в начале 20-х, на ипподроме — приз имени наркомзема Валидова, педтехникум имени наркомпроса Брундукова, клуб инвалидов имени председателя ТатЦИКа Сабирова, а во

¹ Некоторые источники указывают на то, что Ежов много занимался самообразованием, имел личные контакты с рядом писателей, в частности, с И. Бабелем. Полагаю, что этот интерес был связан не со специфическими обязанностями по службе. Для этого существовали работники другого уровня. Хотя в казанской анкете 1921 года он честно писал что, нигде не учился, а работая в ЦК, называл свое образование начальным, человеком он был (на фоне таких, как Каганович, Ворошилов или Буденный) довольно начитанным. Очевидно, не случайно и его кличка в кружковой рабочей среде «Колька-книжник». И это тоже не могло не импонировать Сталину, человеку, много читавшему и понимавшему роль самообразования. Хотя, в отличие от Ежова, он чуть было не окончил семинарию. А там учили всерьез и систематически.

Дворце труда — зал заседаний имени Догадова, в Мензелинском районе была объявлена ударная двадцатидневка в честь 20-летия вступления в партию секретаря обкома Лепы и т. п. Сказанное — не в укор этим людям, таковы, повторимся, были нравы, и хотя десятки учреждений блюли нравственность и партийную этику, принцип «что позволено Юпитеру, то позволено и мне» начинал определять действия многих руководителей¹.

Мы отвлеклись не случайно. Это явление отразится в наступивших вскоре событиях, имевших прямое отношение к герою очерка. В разгар репрессий 37-го многих современников поражали в целом довольно равнодушное отношение рядовых людей к ликвидации руководителей и видных интеллигентов, а иногда даже злорадные нотки — «пожили в свое удовольствие». Хотя, безусловно, репрессии, коснувшиеся жен и детей ответственных работников, мгновенно превратившихся из баловней судьбы в отверженных, вызвали сочувствие к этим людям. Об этой противоречивой, как само время, реакции общества правдиво написали в своих воспоминаниях Надежда Мандельштам и Евгения Гинзбург. Складывается впечатление, что, создавая особые условия руководителям и «высшему» слою интеллигенции, Сталин привязывал их к системе, добивался усердия и послушания. Человеку было что терять. Эта система надолго пережила своих создателей со всеми атрибутами «особых» и «специальных» льгот и привилегий, больниц, магазинов, дач, санаториев, «кремлевки», поездок за границу и т. п.

¹ В журнале «Казань» начата публикация потрясающих по художественной силе и откровенности воспоминаний бывшего мэра Казани Павла Аксенова. Они, по моему убеждению, не имеют аналогов по размаху описываемых событий. Кремлевские властители и безвестные «зеки», устилавшие телами великие стройки ГУЛАГа, — все это находит место в эпопее Аксенова. Автор, после многомесячного пребывания в камере смертников, провел около 20 лет в лагерях.

В. Молотов, И. Сталин, Н. Ежов.

Звездные часы Николая Ежова наступили после убийства Кирова и решения Сталина о переходе к широкомаштабным репрессиям во всех эшелонах власти. Видная роль в этих акциях была отведена Ежову, за три года прошедшему путь от аппаратчика высокого ранга до крупнейшего партийного и государственного функционера, члена ЦК и Оргбюро, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК и наркома внутренних дел, маршала. Правда, именовался маршал генеральным комиссаром государственной безопасности.

Мундир для обладателя этого уникального звания был придуман его предшественником Генрихом Ягодой — первым «генеральным комиссаром» — и по эlegantности и внушительности превосходил военные — маршальские. Да

Рядом с тираном.

и включение в звание термина «генеральный» подчеркивало его особую значимость. Это слово было и в названии должности Сталина — «Генеральный секретарь» — и могло быть включено в другие звания только с его разрешения.

По существу, Сталин создавал новые кадры госбезопасности, обязанные своим выдвижением только ему. И хотя ветераны ЧК и ОГПУ верно служили диктатору, в своем большинстве они были уже обречены. В личном архиве Сталина есть одно из последних писем вождю председателю ОГПУ В. Менжинского от 14 ноября 1932 года, в котором тот предлагал учредить орден Феликса Дзержинского (проекты статута ордена, описание и образец самого знака прилагались). Резолюция вождя кратка и безапелляционна — такой орден нам не нужен.

В многочисленных публикациях — от пухлых романов и монографий до воспоминаний жертв репрессий, испивших горькую чашу «ежовщины», — подробно описаны эти страшные годы. И вряд ли дополнительные штрихи и факты могут внести нечто новое в представление об этом времени. Поэтому попробуем заглянуть за кулисы политической жизни, на ее «кухню», где главный повар, по определению Ленина, правда, относящемуся к разряду апокрифических, был большим мастером готовить острые блюда.

После поспешных и нервных действий по наказанию «виновников» смерти Кирова в Политбюро принимается ряд документов, решений, закрытых писем, содержащих долговременную программу ликвидации политических противников. Эти письма (январское 1935 г., июльское 1936 г.) и некоторые постановления предусматривали ужесточение проверки лояльности членов партии, упрощенный механизм исключения из партии и арестов. Ряд решений Политбюро ориентировал органы на новое привлечение к ответственности уже осужденных оппозиционеров. Ежов принимает самое активное участие в этой кампании. Правда, где-то в августе 1936 года произошел небольшой инцидент, который четко выявил границы дозволенного Ежову и напомнил ему, кто является высшим арбитром и главным режиссером.

Вот его суть. 5 августа по поручению Ежова секретарь бюро Комиссии партийного контроля Богушевский разослал во все центральные, краевые и областные комитеты ВКП(б) записку секретаря Пермского горкома партии Гольшева, в которой тот докладывал секретарю ЦК ВКП(б) «дорогому Николаю Ивановичу» об успехах в разоблачении врагов народа и вредителей в Перми. В частности, он писал, что на заводе им. Молотова арестовано 7 руководителей-вредителей, на заводе № 19 — 4, в Краснокамске — 10. Следы вражеской деятельности вели, по мнению ретивого секретаря, в Свердловск, Горьковский край, Москву, и необходимы новые аресты.

Письмо было разослано, очевидно, как положительный пример бдительности и своего рода инструкция. Не исключено, что идею этого обращения подсказал Голышеву сам Ежов. Однако рассылка такого документа от имени секретаря ЦК Ежова была грубым нарушением сложившейся субординации, ибо до этого в качестве документа могли быть использованы только письма к самому Сталину.

Реакция Сталина на доведенное до его сведения Поскребышевым подобное нарушение правил была оригинальной. Не дезавуируя письмо Ежова, он направляет личное обращение к Голышеву, текст которого приведен в книге Д. Волкогонова «Триумф и трагедия», правда, без описания его предыстории. Воспроизведем это обращение: «До ЦК дошли сведения о преследованиях и травле директора моторного завода Побережского и его основных работников из-за прошлых грешков по части троцкизма. Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), просим вас оградить товарища Побережского от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия. О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б). 26 декабря 1936 г.»

Д. Волкогонов считает, что этот жест был сделан Сталиным лишь для создания определенного имиджа незлопамятного и доброго человека. Полагаю, что в данном случае он ошибается. Да, такие акции «добрый» вождь проводил, и нередко. Чего стоит, например, встреченное нами в личном архиве генсека письмо в сельсовет деревни Емельяновой с просьбой не преследовать охранявшего Сталина и других ссыльных стражника Михаила Мерзлякова, или знаменитое выступление на съезде колхозников с предложением простить женщину, в свое время ответившую непристойным жестом и такими же словами на приглашение записаться в колхоз... Но личное обращение к секретарю горкома Голышеву все же больше похоже на косвенную отповедь «высочке» Ежову, без согласования

со Сталиным одобрявшему его методы репрессий и рекомендовавшему их всем партийным организациям.

Это письмо в назидание и поучение было оглашено затем В. Молотовым на пленуме ЦК в 1937 году. Впрочем, видимых последствий для Ежова этот эпизод тогда не имел. Тем временем процесс подготовки почвы для внедрения его в структуру НКВД был ускорен.

Решением Политбюро 29 сентября 1936 года Ягода был отправлен в двухмесячный отпуск «по болезни», расцененный как начало опалы. Очевидно, не случайно на том же заседании сразу же после решения вопроса о Ягоде была утверждена директива правоохранительным и карательным органам, гласившая, что отныне «контрреволюционные троцкистско-зиновьевские элементы» следует рассматривать как разведчиков, шпионов и диверсантов. Предусматривалась также «расправа не только с теми, с кем следствие закончено, не только с подследственными вроде Муралова, Пятакова, Белобородова, но и с теми, которые были ранее высланы». Сам стиль документа и его «катехизисные» речевые обороты показывают, что он, скорее всего, был продиктован Сталиным, может быть, даже прямо на заседании.

Через два дня, 1 октября, Ежов объявил в приказе о своем вступлении в должность наркома внутренних дел. Вскоре решением Политбюро ему присваивается звание генерального комиссара госбезопасности и тем же решением генеральный комиссар Ягода переводится в запас. Затем такая же судьба постигла его заместителя, комиссара госбезопасности 1-го ранга Прокофьева, а многие ответственные работники центрального аппарата были перемещены в провинцию, в их числе и один из наиболее заметных функционеров НКВД, начальник 4-го управления ГУГБ, заместитель наркома Яков Агранов, сделавший себе имя еще в начале 20-х на делах патриарха Тихона, Султан-Галиева, С. Л. Толстой и высылке видных ученых на «философском» пароходе. Он был переведен начальни-

ком управления НКВД в Саратов, где вскоре был арестован. В Саратове проживал и вернувшийся из Соловков Султан-Галиев — один из первых «крестников» Агранова, арестованный вновь в марте 1937 года. Ирония судьбы?

Почти все руководители управлений на местах были также сняты или перемещены, что, как обычно, означало скорый арест. Сам Ягода в начале апреля 1937 года был «отрешен от должности наркома связи» и вскоре «вернулся» на Лубянку, но уже в качестве подследственного.

Как правило, на заседаниях Политбюро одновременно со снятием или арестом работника рассматривались и вопросы о лишении их имен ранее присвоенных городам, предприятиям и другим объектам. Иногда такие «разыменования» носили трагикомический характер. В данном случае имени Ягоды был «лишен» мост через реку Тунгуску, носивший его с апреля 1936 года. В числе многочисленных объектов, лишенных именных названий, на том же заседании упоминаются семь, носивших имена А. Рыкова и Н. Бухарина, в том числе трампарк и туберкулезная больница в Москве. Но тут же следует очередной тур присвоения новых имен: «появляются» город Ежово-Черкесск и Рубежанский химкомбинат его же имени. Число таких объектов растет вплоть до осени 38-го. В каждой республике и области обязательно были колхоз, совхоз и завод имени Ежова.

Но не надо думать, что самолюбие Ежова тешили только подобные ритуалы. В течение 1937 года он проводит целый ряд существенных мер, которые еще более укрепят особое положение органов НКВД в стране. Среди них резкое повышение денежных окладов, установление специальных званий, в два-три раза выше армейских. Так, старший майор госбезопасности был приравнен к комбригу, сержант госбезопасности — к армейскому лейтенанту.

По представлению НКВД Политбюро обязывает всех наркомов утвердить и направить в ГУГБ мероприятия по ликвидации последствий вредительства, своеобразные

«проскрипционные списки». Принятое в тот же день, 3 апреля 1937 года, новое положение об «Особом совещании при НКВД» расширяет и без того огромные полномочия этого внесудебного органа и дает ему право определить срок наказания без вызова обвиняемого до 8 лет тюремного заключения. Под лицемерным предлогом, что предельное наказание только на 10 лет толкает суды на частое применение высшей меры, ВЦИК увеличивает максимальный срок заключения до 25 лет. По представлению Ежова принимаются и меры по усилению культа подозрительности и постоянных поисков врагов. С его же подачи решением Политбюро предусматривалось даже установить памятник Павлику Морозову при въезде на Красную площадь со стороны Александровского сада, и посещение площади началось бы от этого памятника, а затем уже группы экскурсантов должны были следовать к мавзолею. Доносы становятся обычным явлением и нередко деморализуют целые трудовые коллективы и парторганизации, о чем говорилось и на пленумах ЦК.

Судя по всему, с осени 37-го до середины 38-го политическая карьера Ежова была в зените. Ее высшей точкой следует считать избрание его на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) кандидатом в члены Политбюро с сохранением поста секретаря ЦК и наркома. Итак, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро, нарком НКВД и ряд других должностей — такой концентрации власти не имели ни Дзержинский, ни тем более Менжинский и Ягода даже в моменты наивысшего подъема своей карьеры. Не стал секретарем ЦК и Л. Берия.

В Советском государстве отсутствовала социологическая служба, помогающая выявлять общественное мнение, прогнозировать ход политических событий, устанавливать объективные критерии. И статистика, и другие информационные каналы были политизированы и выдавали обществу данные, угодные Сталину и его окружению. И если казанский профессор статистики Перцов еще мог в 1918 году

поставить в качестве эпитафии своей книги полные достоинства слова — «Статистика не знает партий. Партии статистику знать обязаны», то через двадцать лет подобные утверждения были однозначно квалифицированы как вражеская вылазка. Тайной было все, начиная с действительных итогов пятилеток и результатов переписи, до личной жизни вождей, их политического веса и реального места в правящих структурах.

Вместе с тем даже в этом «обществе кривых зеркал» при желании можно было получить достаточно достоверную информацию, используя ряд публикуемых данных, читая сквозь строки или между ними. Во время торжественных актов это был порядок перечня вождей после Сталина. Во время политических процессов — имена вождей, на которых собирались «покушаться» враги. Отсутствие чьей-либо фамилии в списке будущих жертв «троцкистско-зиновьевских диверсантов» означало, что политическое положение этого лица уже поколеблено. Но наиболее серьезным источником информации о том, «кто есть ху», была избирательная кампания. Сугубо заорганизованная, жестко контролируемая, она не допускала случайностей начиная с первых всеобщих выборов 1937 года.

По спущенной сверху разнарядке и лимиту все лица, входившие в Политбюро, выдвигались кандидатами в тысячах мест по всей стране, что, по идее, должно было создать видимость огромной популярности лидеров, хотя заранее было известно, где они будут баллотироваться. Существовала строгая иерархия и в количестве выдвижений. Вне конкуренции, с большим отрывом от других шел Сталин. Каково же было место Ежова в политическом ареопаге в конце 1937 года?

На 1 декабря Сталина выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР в 2375 коллективах. Причем, очевидно, по недосмотру газетчиков, 2375-м в «Правде» был назван коллектив психиатрической больницы в Чернигове. Если бы в этом усмотрели намек, то беды было

бы не миновать,— сажали и за гораздо более безобидные вещи. Дальше шли: Молотов — 1087 выдвижений, Ворошилов — 1005, Ежов — 904, Калинин — 886, Каганович — 815. Таким образом, рейтинг Ежова, только что вошедшего в состав вождей, а ими считались только члены и кандидаты в члены Политбюро, был весьма высок. Он шел четвертым, опережая двух членов Политбюро при подведении окончательных итогов выдвижения. Перед тем, как объявить наконец округа, которые вожди осчастливят согласием баллотироваться, 8 декабря «Правда» опубликовала такие данные: Сталин — 3082, шедший пятым Ежов был назван в 1207 местах.

Все выдвинутые в депутаты вожди должны были произнести ритуальные речи, поблагодарив Сталина за возможность жить и творить, а избирателей — за доверие. В таком ключе и была построена речь Ежова в одном из избирательных округов г. Горького, откуда он баллотировался в Верховный Совет страны. Впрочем, ему было позволено немного потеоретизировать и назвать семь основных итогов развития нашего общества. В конце выступления любимый сталинский нарком, конечно же, заверил советский народ, что и впредь со все усиливающейся энергией органы НКВД будут уничтожать врагов народа. Последним накануне дня голосования выступил в Москве 11 декабря Сталин, также назвавший Ежова в списке вождей.

Очевидно, апофеозом, своего рода вознесением Ежова был снимок, сделанный 12 декабря, на котором запечатлены Сталин, Ворошилов и он, голосующие на избирательном участке № 58 Ленинского избирательного округа Москвы. В течение почти года будут еще публиковаться снимки Ежова в различных сочетаниях с другими вождями, но в число двух самых близких (на фотографии) он больше не попадет.

И еще один триумф предстоит Ежову в декабре 37-го. Страна со священным восторгом, подогреваемым происхо-

дящими событиями (попробуй не вырази восторг), отметила 20-летие органов ВЧК — ОГПУ — НКВД. В номере «Правды» от 20 декабря, целиком посвященном юбилею, опубликованы два снимка — фотографии Дзержинского и Ежова. Большую часть газеты занял список награжденных, весьма щедрый, почти четверста работников НКВД были удостоены орденов. Вряд ли награжденные предполагали, что в течение ближайших двух лет более половины из них будут сами репрессированы. В том же номере, очевидно, для подтверждения реальных достижений «юбиляров», помещено сообщение военной коллегии о суде над восемью врагами народа. Список открывал Авель Енукидзе, двое из осужденных — Цукерман и Штейгер — работники НКВД.

В следующем номере помещены материалы торжественного собрания и речь Микояна, уникальная даже по тем временам по обилию угоднических фраз в адрес органов и лично Ежова. На снимке президиума можно найти всех вождей, но нет Сталина. Что это? Симптом или определенный жест? Ведь Сталин появлялся и на менее значительных «форумах». Во всяком случае запомним: в день наивысшего торжества Ежова, на фигуре которого сконцентрировалось все почтение к органам, Сталин не пришел. Правда, судя по воспоминаниям бывшего работника НКВД Орлова, бежавшего на Запад, Сталин праздновал этот день в узком кругу чекистов, в основном из своей охраны.

Минул еще год. Весь 38-й в его репрессивной ипостаси шел под эгидой Ежова. Во время последнего крупного публичного процесса в марте 1938 года, главными «героями» которого были Бухарин, Рыков и Ягода, имя Ежова упоминалось не единожды. Один из обвиняемых, например, каялся в том, что он мучил Николая Ивановича своим отказом от признательных показаний. Другой, бывший чекист, арестовывавший в свое время Г. Зиновьева и Л. Каменева, по фамилии Буланов, подробно рассказывал о том,

что по приказу Ягоды он пытался отравить Ежова, опрыскивая ртутью портьеры кабинета. Эта версия была подержана маститыми медиками-экспертами, на закрытом заседании доложившими о проведении анализа мочи железного наркома, «подтверждающего» это гнусное покушение...

Итак, в активе Ежова ряд крупных достижений, которые должны были укрепить его авторитет в глазах Сталина. Это и успешно проведенный процесс правотроцкистского блока, хотя в ходе его произошел первый на таких судилищах сбой — Н. Крестинский отказался от предварительных признательных показаний. И уничтожение высшего командного состава армии, в котором генсек видел потенциальных заговорщиков. И чистка органов от старых кадров, которые, по мнению Сталина, были медлительны и чересчур тесно связаны с партийно-советской элитой дружескими, а Ягода — и родственными отношениями. Весь этот слой, помнивший вожда как весьма недалекого и серого функционера, да еще испортившего отношения с Лениным, должен был уйти в политическое небытие.

Ежов не знал отказа у Сталина в своих требованиях по упрощению механизма репрессий. Кроме ОСО, им были введены еще более удобные для карательных акций «тройки» и «двойки» в управлениях государственной безопасности на местах, а кое-где — и в управлениях милиции. Решения этих зловещих органов, наводивших страх и на самих работников НКВД, принимались без оформления элементарных следственных дел, нередко простой записью в журнал. Если суды и даже ОСО при НКВД СССР требовали хотя бы формального соблюдения некоторых процессуальных норм, то для «троек» и «двоек» было достаточно заключения следователя.

Позднее, когда Ежов будет арестован и начнется избивание поставленных им кадров, выяснится, что многие дела, возвращенные из суда и ОСО на доследование, передавались на усмотрение местных «троек», которые отправляли на расстрел около 50 процентов попавших к ним лиц.

В частности, в Татарии за это был привлечен к ответственности ряд работников НКВД, двое из них — нарком и его заместитель — были расстреляны в 1940 году.

Заместитель наркома Татарии Шелудченко, вымаливая пощаду у Сталина, писал, что он «применял физические методы» к Султан-Галиеву, разоблаченному самим вождем еще в 1923 году. Но даже эта заслуга не была принята во внимание.

Однако до середины 1938 года Ежов чувствовал себя еще уверенно, хотя на его политическом горизонте уже появились первые тучи. Судя по всему, эта уверенность питалась убеждением, что Сталин, лично следивший за ходом репрессий, определявший судьбу тысяч жертв, в основном из высших эшелонов власти, а нередко и самолично подсказывавший направления «главного удара», был доволен его усердием. А рвения наркому было не занимать. Ежов принимает меры и по укреплению кадров милиции, усилению борьбы с уголовной преступностью. Так, он издает приказ «О результатах проверки работы рабоче-крестьянской милиции Татарской АССР». Приказ жесткий и в целом не потерявший актуальности и для нашего времени. В нем констатировались развал работы казанской милиции, очковтирательство, разгул грабителей, воров, насильников и хулиганов. За восемь месяцев в Казани было 212 грабежей, а по отчетам числилось только 152. По итогам проверки были преданы суду начальник управления и начальник политотдела. Подобные же приказы издавались и по ряду других управлений.

Но в обстановке, когда люди парализованы страхом, а результатные промахи и просчеты квалифицировались как результаты вражеской деятельности, эти меры не достигали цели. К тому же львиная доля времени, сил и внимания уходила на борьбу с «врагами народа». Да и выгоднее это было со служебной точки зрения.

В этот период получили распространение «лимиты» на аресты, что само по себе уже чудовищно. А как оценить

элементы «соцсоревнования» по разоблачению врагов, встречные планы по перевыполнению «лимитов»? Так, нарком НКВД Татарии Михайлов в конце 1937 года заявил, что вместо спущенного сверху «лимита» на арест 2—3 тысяч человек он будет просить 5—6 тысяч. И это только по нескольким категориям «врагов». В таких просьбах Ежов не отказывал.

В апреле 1938 года Ежов по совместительству был назначен наркомом водного транспорта. Это не вызвало особого резонанса и было расценено общественностью как стремление Сталина подтянуть флот, отличавшийся расхлябанностью и аварийностью. Назначались же в свое время Дзержинский и Каганович наркомаами путей сообщения.

Новый нарком предпринял ряд энергичных мер по укреплению дисциплины и одновременно — развитию материальной базы пароходств. Впрочем, ни Госплан, ни хозяйственные наркоматы не могли отказать в просьбах такому «совместителю». Да и лица, приглашаемые на Лубянку по делам флотским, становились весьма сговорчивыми.

Как руководитель хозяйственного наркомата Ежов не был оригинален. Он добросовестно исполнял все, что требовала Система. Известно, что 30-е годы — пора массового соревнования. Это было время, когда каждая отрасль должна была иметь своего передового рабочего, чьим именем потом назывались движения и прочие инициативы, исходящие от народа, — стахановское, сметанинское, бусыгинское, боринское... Позднее, уже при Хрущеве, их будут называть «маяками». На речном флоте выбор пал на бригадира грузчиков Днепропетровского порта А. Блидмана, который действительно работал хорошо. Он был принят Ежовым, опыт его рекомендовали для распространения во всей отрасли. Бригады «блидмановцев» возникли во всех подразделениях пароходств, в том числе и в Казанском порту. Других каких-то замеченных в стране мероприятий

у речников Ежов провести не успел, да и основная «работа» отнимала почти все время.

Летом 1938 года в стране проходили выборы в Верховные Советы республик. Доказывая благотворность борьбы с врагами народа, Сталин говорил, что их разоблачение в 1937 году сплотило общество в единый блок коммунистов и беспартийных, и выборы, а точнее их результат в процентах участвовавших и голосовавших за этот «нерушимый блок» подтвердил этот вывод. Так как борьба с врагами продолжалась, и уже после выборов были «разоблачены» новые контингенты вредителей, по логике Сталина, новый тур выборов должен был продемонстрировать еще большее сплочение.

Именно тогда в политическую жизнь вошли вождеденные «три девятки», иными словами, на выборах голоса, поданные за кандидата, должны были составлять 99,9 процента. На многие годы вперед была задана эта цель, и автор, работавший в партийном аппарате в 50-х, хорошо помнит, как сидели в обкоме целые сутки инструкторы, обзванивая свои районы, добиваясь этих цифр, прибегая иногда к лукавству, ссылаясь на то, что в других районах эта цифра уже достигнута. Но вернемся к Ежову.

По решению ЦК он баллотировался в депутаты Верховного Совета ТАССР по Кызыл-Армейскому избирательному округу г. Казани. Очевидно, было принято во внимание, что он был связан с этим городом, а порт столицы республики занимал важное место в грузообороте Средне-Волжского пароходства. Одновременно с ним баллотировались в других округах республики в Верховные Советы России и Татарии сразу три работника НКВД республики — нарком Михайлов, заместитель Шелудченко и начальник одного из отделов Сирачев. Первые два были выдвиженцами Ежова, присланными в Казань осенью 37-го. После ликвидации «людей Ягоды» в структурах НКВД появилось много вакансий, и они были заняты лицами, пришедшими с низов. И Михайлов, и Шелудченко до выдви-

жения на республиканскую работу занимали посты начальников горотделов НКВД в Туле и Каменске. Все три депутата в 1939 году сняты и судимы за беззакония и фальсификации.

Страницы казанских газет были заполнены материалами о Ежове. Вспоминая былое, работник завода им. Ленина В. Черкасов писал, что комиссар телеграфного полка Ежов проявил большую распорядительность при подготовке Казани к эвакуации в начале лета 19-го во время наивысших успехов Колчака. Предметом особой гордости автора воспоминаний была рекомендация для вступления в партию, данная ему Ежовым в то время. Главный инженер порта Савинов весьма тепло повествовал о том внимании, которое Ежов оказывает речникам Татарии. На приеме у наркома был решен ряд вопросов развития порта, правда, в конце беседы он сказал Савинову: «плохо работаете в Казани, нельзя так дальше», но и эту оценку главный инженер назвал вдохновляющей для улучшения работы коллектива. Из других материалов мы узнаем, что решающую роль в организации Центрального музея Ленина в Москве и выделении для него здания также сыграл Ежов. Есть и ссылка на слова Калинина о том, что Ежов принес в НКВД ленинскую партийность. Венцом казанской кампании по прославлению наркома двух ведомств стала статья местного наркома Михайлова «Верный ученик тов. Сталина», заканчивавшаяся словами: «облик т. Ежова — это облик Феликса Дзержинского».

Благодарные избиратели Казани отдали за Ежова 99,9 процента голосов. Наверное, все-таки голосовали «за» все 100 процентов, ибо у перепуганного народа явно было преувеличенное представление о возможности НКВД: ходили слухи, что с помощью особых приборов чекисты сразу же узнают, кто и как голосовал... Но как бы то ни было, объявили «три девятки». Не мог же Ежов получить больше голосов, чем Сталин.

Между тем Ежов не мог не видеть, что его «звезда»

начинает закатываться. Об этом можно судить и по такому объективному критерию, как уменьшение частоты упоминаний в печати. Очевидно, где-то в начале осени 38-го Сталин пришел к выводу о необходимости замены Ежова и наведения «партийного порядка» в органах. Судя по некоторым апокрифическим данным, он начинает поиски более популярной кандидатуры и ведет переговоры со знаменитым летчиком, любимцем народа без всяких кавычек Валерием Чкаловым. Но это версия.

Каковы же, на наш взгляд, объективные причины, приведшие к падению Ежова? Размах репрессий и вседозволенность органов НКВД постепенно приводили к параличу исполнительных структур. На местах стали уже сажать и тех партийных и советских функционеров, которые пришли взамен арестованных в 1937 году. Слежка и доносы становились способом существования многих людей. В ряды секретных осведомителей начали вербовать руководящие кадры партийных, советских и общественных организаций. Руководители районных, городских, областных и республиканских органов НКВД практически взяли под свой контроль партийные структуры. И хотя на пленумах ЦК 1937—1938 годов и в ряде решений Политбюро и Оргбюро неустанно повторялись требования народу с разоблачением врагов народа не забывать и о внимательном отношении к людям, а идущие от Сталина расхожие афоризмы типа «сын за отца не отвечает», «растить человека так же бережно, как садовник растит дерево» стали как бы молитвенной частью ежедневных разговорных ритуалов на всех уровнях,— практически ничего не менялось.

Наверное, Сталин понял, что процесс выявления врагов становится неуправляемым и может привести к непредсказуемым последствиям. Хотя почему же непредсказуемым? Процессы 1936—1938 годов сняли своеобразное «табу» с руководителей: ни революционные заслуги, ни близость к Ленину не были теперь гарантией от ареста и объявления агентом империализма. А где же гарантия

того, что набравший скорость и вес репрессивный аппарат не усомнится в правоверности самого близкого окружения, а может быть, и самого вождя? Ведь по логике репрессий человек, допустивший засилье врагов во всех сферах, не может не быть замешан в их интригах. Впрочем, и это только версия¹. Возможно, Сталину нужно было просто «канализировать» общественное недовольство на определенную личность, не подвергая сомнению сами принципы репрессий и славный чекистский корпус.

Мы не знаем, что происходило в недрах НКВД осенью. По некоторым данным, Ежов все более и более отходил от практической работы, был деморализован и беспробудно пьянствовал.

Разгул «троек» и «двоек» вызвал обеспокоенность и ряда членов Политбюро и, очевидно, соответствующая ин-формация шла к Сталину. Попыткой ввести в хотя бы ква-зизаконное русло процесс расследования дел стал приказ НКВД от 23 октября по упорядочению следственных дей-ствий и созданию специальных следственных частей в ап-паратах областного и республиканского уровня. Все чаще в Москве появляется Берия, в котором всезнающие аппа-ратчики видят нового руководителя.

Сообщение об освобождении Ежова от обязанностей наркома внутренних дел по собственному желанию (нар-комом водного транспорта он остался) и об утверждении наркомвнуделом Л. Берии появилось в печати 9 декабря 1938 года, но решающие события произошли, по всей ве-роятности, раньше, в середине ноября. Взрывом политиче-ской «бомбы» для большинства ответственных работников стало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноя-бря «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении след-ствия», доведенное до сведения широких кругов функцио-

¹ Впрочем, эта версия находит косвенное подтверждение. Есть дан-ные о том, что Ежов имел досье и на Сталина. См.: Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 35.

неров, включая всех секретарей рай(гор)комов, начальников отделов НКВД, прокуроров. Его явно торопились быстрее довести до сведения «руководящих масс»: каждая область и республика получили от 200 до 300 экземпляров этого подписанного Молотовым и Сталиным документа, в препроводительной части которого зав. особым сектором ЦК Поскребышевым предлагалось немедленно ознакомить с ним всех указанных лиц.

Текст этого, без преувеличения, исторического постановления заслуживает тщательного анализа. Он дает достаточно достоверные сведения об основных пунктах обвинения, предъявленного Ежову, так как все сказанное о недостатках имеет прямое отношение к наркомку. В начале постановления, правда, отмечено, что в 1937—1938 годах проведена большая работа по разгрому врагов. Следует длинный перечень основных уничтоженных вражеских групп. Весьма поучителен список «так называемых политэмигрантов», в который вошли поляки, румыны, финны, немцы, латыши, эстонцы, харбинцы и другие, также отнесенные к сонму врагов.

Однако главное идет после положительной оценки проделанной работы. Там говорилось, что в ходе репрессий было допущено упрощение следствия, «заброшена агентурно-осведомительная работа», вместо кропотливой работы с осведомителями сотрудники НКВД пошли по пути массовых арестов и, «войдя во вкус», возбуждали вопросы о предоставлении новых «лимитов на массовые аресты». Из текста документа видно, что СНК СССР и ЦК ВКП(б) еще в постановлениях от 8 мая 1933 года, 13 июня 1935 года и 3 марта 1937 года требовали ограничить массовые аресты и организовать эффективную работу, но это не было выполнено. Весьма зловещая констатация: здесь как человек, не выполнивший мудрых решений партии и правительства, Ежов ставится фактически на одну доску с уже расстрелянным Ягодой, возглавлявшим НКВД до сентября 36-го. За примиренческое отношение к отмеченным

недостаткам упрек получает Прокуратура СССР. Но не больше. Самое же страшное следует ниже: все это, оказывается, связано «с происками еще неразоблаченных врагов, в том числе в центральном аппарате НКВД» (разрядка моя.— Б. С.). Итак, в центральном аппарате все еще гнездятся враги. Кто их возглавляет, тоже было ясно.

Весьма жестко сформулирована постановляющая часть документа. НКВД теперь запрещены массовые аресты и выселения из приграничной полосы. В 3-дневный срок предписано ликвидировать созданные по специальному приказу Ежова судебные «тройки» при органах НКВД на местах и «тройки» при управлениях милиции. Все дела отныне должны направляться только в суды и ОСО при НКВД СССР. И, наверное, самый жесткий удар по Ежову и его ближайшим подручным был нанесен следующим пунктом: «Поручить Прокурору СССР Вышинскому выделить квалифицированных работников для проверки следственных дел в центральном аппарате НКВД СССР и на местах». Этих работников прокуратуры отныне будут утверждать в ЦК. В Советском государстве это высшая степень легитимности. Забегая вперед, скажем, что работники прокуратуры, ранее послушно выполнявшие все указания НКВД и нередко сами подвергавшиеся репрессиям за недостаточное усердие, теперь стали брать реванш. Утвержденные в ЦК полномочные представители были разосланы во все республики и области. Так, приехавший в Казань в декабре 1938 года один из этих особоуполномоченных прокуратуры по фамилии Коперник освободил несколько десятков человек, ранее «признавшихся» во всех приписанных им следователями преступлениях. В числе их был будущий академик Б. Арбузов и другие ученые.

Вслед за этим постановлением 1 декабря те же инстанции принимают новое— «О порядке согласования арестов», которым ужесточается механизм разрешения на арест руководящих работников. Райкомы, горкомы и обкомы

ВКП(б) были выведены из шокового состояния, связанного с тем, что многие аресты, в том числе и партийно-советских работников, проводились по инициативе органов даже без формального согласования с ними. В Татарии, например, с июля по октябрь 37-го были арестованы все члены бюро обкома и наркома. Отныне любые аресты коммунистов могли быть произведены только с ведома и согласия партийного комитета. Несколько ограничив произвол того времени, этот порядок имел и свои отдаленные последствия. Вплоть до недавних пор наличие партийного билета служило дополнительным механизмом, затрудняющим отправление правосудия. Сколько принималось решений приблизительно такого звучания: имярек такой-то заслуживает предания суду, но учитывая, что он наказан в партийном порядке, санкции на арест не давать...

Судя по воспоминаниям выживших жертв репрессий, среди заключенных назначение Берии породило иллюзии смягчения режима и краха «ежовщины». Они знали больше тех, кто оставался на свободе, и понимали, что опала Ежова не закончится оставлением его на посту «водного» наркома. Частично эти надежды оправдались, и некоторая часть заключенных, особенно среди подследственных-военных, вышла на свободу. Это, конечно, связано не с личными качествами нового наркома. Скорее всего, этим подкреплялась идея о том, что беззакония — дело рук Ежова и его подручных, а мудрое партийное руководство восстановило справедливость...

Конец 1938 года был ознаменован появлением сверхсекретного документа, не имеющего аналогов в нашей истории. Речь идет о приказе НКВД № 00827, подписанном комиссаром госбезопасности 1-го ранга Берией. Этот приказ был направлен на места со следующим экстраординарным препроводительным письмом: «Рассылается для сведения членов бюро ЦК Нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов приказ НКВД от 27 декабря, утвержденный ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК И. Ста-

лин. 28 декабря 1938 г.» Первый и последний раз документ НКВД был разослан от имени партии.

Положение, очевидно, было критическим. Приказ, утвержденный ЦК, читай — Сталиным, гласил, что имеют место случаи вербовки агентов и осведомителей из числа ответственных руководителей партийных, советских и хозяйственных аппаратов и работников обслуживающего аппарата партийных органов. Формулировка о случаях, конечно, неточна, но не мог же Сталин открыто признать, что многие партийные и государственные лидеры самого различного уровня, в том числе и весьма высокого, стали сексотами, и сам партийный аппарат все больше превращается в придаток органов. А это уже было опасно и для самого вождя. Может быть, в этом и была одна из главных ошибок Ежова, стоившая ему в конечном счете жизни.

Постановляющая часть документа кратка и категорична: «Прекратить вербовки ответственных работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций, а также обслуживающего персонала партийных комитетов. Немедленно прекратить связь с агентами и осведомителями этой категории и сообщить им об этом с вызовом и отображением подписки. Личные и рабочие дела указанных выше категорий агентуры уничтожить в присутствии представителей рай(гор)комов и составить акт об этом. Сообщить об исполнении приказа специальной докладной запиской через десять дней». Наверное, не один из «этой категории агентов» из числа секретарей комитетов, наркомов и других крупных руководителей вздохнул с облегчением. А в первые дни нового, 1939, года по всей стране горели папки с анкетами и доносами... высокопоставленных сексотов. Через 15 лет на пленуме ЦК, обсуждавшем дело Берии, один из его участников, Сердюк, обвиняя своего всеильного шефа в попытке снова насадить агентуру в партийном аппарате, напомнил присутствующим об этом постановлении и сожжении личных дел осведомителей в 1939 году. Правда, Сердюк

«забыл» сказать, что приказ 38-го года был подписан Берией.

Впрочем, запрет касался вербовки официальной, однако ничто не мешало доносить, так сказать, по велению сердца, без официального статуса секретного сотрудника. Да и категории работников, которых запрещалась вербовать, были весьма малочисленны, так что поле деятельности для отбора было очень широким. И если кто-то в будущем напишет исследование на тему «Синдром стукачества как неотъемлемая часть образа жизни в советском обществе», то материала для размышлений, увы, будет предостаточно..., но не документов. Пожалуй, прав бывший шеф спецслужбы В. Бакатин в том, что нельзя раскрывать списки агентов, даже в далеком советском прошлом.

Ведь лозунг «Каждый коммунист — это сотрудник НКВД, а каждый гражданин — помощник» неоднократно звучал на разных этапах истории страны. И при всей своей утопичности частично выполнялся¹. И когда сейчас в быту и на страницах печати (в Татарии тоже) уже дети и внуки начинают полемизировать, чей отец или дед был большим стукачом и доносчиком и кто что сказал на допросах о другом, хочется предупредить: не надо... Мы никогда полностью не узнаем, в какой обстановке все это было, да

¹ Вот один из таких документов раннего этапа. В совершенно секретном письме ЦК РКП(б) от 4 июня 1923 года, подписанном В. Молотовым, в частности, требовалось обязать всех коммунистов, знающих что-либо о меньшевиках, «в порядке партийной дисциплины немедленно давать все сведения органам ГПУ», а партийным комитетам «оказать всяческое содействие органам ГПУ». См.: ЦХИДНИТ. Ф. 15. Оп 1. Д. 841. Л. 148.

Чуть позднее даже в «святая святых» партийной жизни — порядок выдачи документов о приеме и постановке на учет коммунистов, — были внесены «кощунственные», на первый взгляд, изменения. Так, например, обкомы были обязаны выдавать органам ОГПУ незаполненные бланки партийных билетов для принятия в первичные организации секретных сотрудников. Их имена нередко оставались неизвестными для райкомов и обкомов.

и было ли. Не судьи мы им. Особенно по периоду 30-х годов. Хотя человек порядочный и там пытался сохранить достоинство. Но таких было мало, очень мало. Преобладали другие (об одном из самых зловещих периодов казанской Лубянки — «Черного озера» в 1937—1938 годах читатель узнал из опубликованного очерка «Конец карьеры «Колуна»). Автор не входит здесь в обсуждение болезненной для любого общества этико-юридической проблемы об агентах государства в преступных структурах. В любых спецслужбах они есть, даже в самых демократических. По правовым нормам США, например, обнародование их фамилий преследуется по закону. Речь идет о политическом «беспределе» в этой области, принявшем наиболее уродливые формы в середине 30-х.

Автору в процессе работы в архивах КГБ и Политбюро пришлось прочитать многое, что хотелось бы забыть. Вот, например, категория «камерные» осведомители. Представьте: в тесной камере десятки «врагов народа» ждут своей участи, и один из них, завербованный следователем, сообщает на допросах все, о чем говорят сокамерники. Цена — сохранение жизни. Иногда шел настоящий торг. Так, следователь заявил одному завербованному: «Укажу, что привлек 2—3 сообщника к контрреволюционной работе — это 10 лет, а не согласишься, их будет 10—15, а это уже «вышка». Сговорились. И это обычная практика тех лет. Страшно общество, в котором подобное происходит. Для меня лично было ударом, когда в списках этих лиц я встретил несколько людей, которых знал, общался с ними. Умерли они в чести, но я им не судья. У них есть дети, внуки... Но они есть и у тех, на кого давали «материалы», которые, очевидно, сыграли роковую роль.

Мне вполне понятно пронизанное горечью интервью А. Яковлева, ряд лет возглавлявшего работу по реабилитации жертв репрессий, в котором он заявил: самое тяжелое в ней для него — это то, что из сознания уходят незапятнанные образы крупных деятелей, ранее казавшихся

ему людьми чести и долга¹. Зуд обращения в органы вошел уже в политические гены целого поколения. В наше сравнительно либеральное время меня потрясло сообщение в печати о том, что когда один из казанских диссидентов (не берусь судить, хороший он человек или нет, но дело не в этом) разослал по адресам видных интеллигентов страны, в том числе и казанских, свое стихотворение, посвященное А. Сахарову, находившемуся в Горьком, то почти все они поспешили сообщить в КГБ о злополучном опусе. Причем некоторые не забыли приписать, что их он возмущает, и они как преданные коммунизму граждане просят изобличить этого мерзавца. Не могу упрекнуть за эти «сигналы» начальника отдела кадров или секретаря отдела, в силу своей службы обязанных это сделать. Но доктора и профессора литературы и философии, химии, математики, да и «инженеры человеческих душ» разных специализаций, получив лично им адресованное послание, даже в случае искреннего несогласия с ним (не исключаю и этого), могли бы не фиксировать свою преданность строю подобным холуйским образом. Не всем дано быть борцами. Но порвать или сжечь можно было. Никакими последствиями это не грозило.

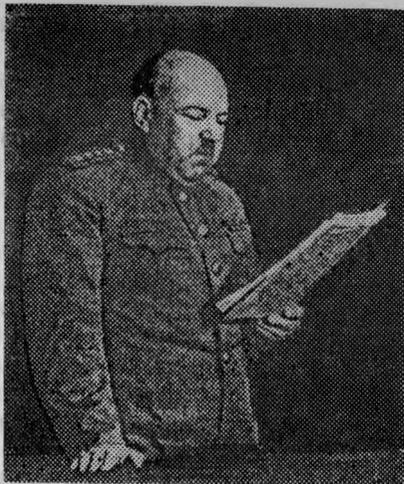
¹ Автор читал в делах 1936 года записку одного «инженера человеческих душ», весьма преуспевающего потом в произведениях на морально-этические темы, о том, что его знакомый издательский работник грозит убить Сталина. Вот так, с большевистской, так сказать, прямотой и искренностью «резал правду-матку». Судя по контексту предшествовавших событий, тут явно сводились личные счеы. Весьма предусмотрительный «душевед» написал все это на имя директора издательства. Попробуй тот не передай донос «куда следует»! Расчет был безошибочен. Вскоре «террорист» был арестован. Не привожу фамилий действующих лиц только потому, что, к сожалению, подобные примеры были не единичны. Дело ведь не в лицах, а в явлениях. Вспомним хотя бы апокрифические, но, очевидно, не так уж преувеличенные данные о количестве осведомителей, в основном добровольных, сообщенные С. Д. Игнатьевым, только что назначенным министром госбезопасности в 1951 году, в беседе со Сталиным. См.: Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 55.

Вот на какие невеселые размышления навели картины прошлого и совместное творение Сталина и Берии. Впрочем, только ли прошлого? Кое-кому и сейчас очень хочется заменить графу старых анкет о занятиях «до 17-го года» другой — «чем занимался 19 августа». Будем верить, что демократия не возьмет в свой арсенал и это. Было уже. До сих пор расхлебываем.

Итак, начало 1939 года. Органы НКВД получили остростку для того, чтобы они лучше поняли, что наступили новые времена, по решению ЦК ВКП(б) в течение первого полугодия все руководители отделов НКВД прошли переутверждение на бюро обкомов, горкомов и райкомов. Для многих оно кончилось плачевно. По Татарии, например, 28 начальников районных отделов НКВД — около половины этой категории кадров — не были утверждены по различным причинам. Приблизительно такие же результаты были и в других областях и республиках. Отныне установилось равновесие. Органы получали представительство в партийных структурах, процент которого менялся в зависимости от обстановки, но хватать партийных работников им теперь было запрещено. Времена, когда один из следователей НКВД Татарии, за свою выдающуюся, даже по тогдашним меркам, жестокость получивший прозвища «колун» и «молотобоец», данное своими же, рычал на избиваемого им секретаря райкома — «скоро всех вас, секретаришек, пошлем под чекистский пресс», — прошли. Партийные структуры все больше и больше контролировали органы, особенно по части подбора кадров.

О последних месяцах Ежова известно пока мало. В публикациях встречаются самые разные предположения. Последний раз, уже в качестве наркома водного транспорта, он «появился» на снимке президиума торжественного собрания в январе 1939 года. В начале апреля его арестовали. Обвинение — по пяти пунктам статьи 58 УК РСФСР. Как говорили опытные зеки, дали «полный букет». Признался он почти во всем. Ссылаться на то, что каждый его

Армвояжурисг В. Ульрих.
Объявляется оцередной приговор.

крупный шаг направлялся и контролировался Сталиным, не решился, да и понимал бесполезность этого. Были ли «мальчики кровавые в глазах», когда выслушал приговор, не знаю. Не уверен, что он вообще был в состоянии понимать происходящее. Расстреляли его 4-го февраля 1940 года в Москве. По некоторым данным, прах после сожжения был помещен в то место колумбария Донского монастыря, где лежали «невостребованные». Там же, где в 1937—1938 годах нашли место упокоения многие военачальники, наркомы, члены ЦК и другие представители правящего слоя общества. Хотя за день до суда Сталин обещал ему жизнь... Очевидно, правы те, кто считает, что надежда умирает последней. Иначе чем объяснить просьбы и Ягоды, и Ежова, и даже Берии,— пожалуй, самого крупного политика из них,— о помиловании. Ведь кто-кто, а они-то уж хорошо понимали неумолимость правил политической игры, в создании которых и сами принимали самое активное участие. Ежов несколько раз напоминал в своем последнем слове о том, что вчера Берия от имени Сталина обещал ему сохранить жизнь при условии полного признания вины. И он усердствовал в этом и, хотя заявил, обращаясь к председателю судившей его военной коллегии Василию Ульриху: в случае чего «прошу расстрелять быстро и без мучений», но все последнее слово было пронизано букваль-

но животной надеждой на продление существования. Председатель — этот невозмутимый «Харон» советской юстиции, переправивший на тот свет многих из партийно-политических лидеров страны, — несколько раз прерывал подсудимого, требуя говорить по существу.

И еще из области тайных закоулков человеческой психологии. При обыске в письменном столе Ежова нашли конверт из плотной бумаги, в котором хранились завернутые в отдельные бумажки пули, чуть сплюсненные от соприкосновения с человеческой плотью. Четыре пули — по одной, извлеченных из тел Зиновьева и Каменева, и две — Смирнова, расстрелянных в 1936 году. Неизвестно, хранил ли такой «сувенир» Берия после расстрела Ежова. Все могло быть. Расстреляли Ежова не сразу же после объявления приговора, как это должно было произойти, а через два дня. Может быть, Сталин и Берия действительно обсуждали, как быть с Ежовым, разгласившим на суде условия тайной сделки — «жизнь за полную капитуляцию и «помощь» суду». Прецедент такой был — Радеку на подобных же условиях «продлили жизнь» на два года. Да и на дворе стоял уже 1940 год — год некоторой либерализации и надежд. Полагаю, что на ликвидации настоял все же Сталин. У медиков есть термин — нарушение функций, несовместимое с жизнедеятельностью. Очевидно, по диагнозу сталинской «политической медицины» Ежов знал чересчур много, и это было несовместимо с его «жизнедеятельностью».

Из слышанного в 60-е, когда вернулись уцелевшие. Человек, знавший Ежова по Казани и Москве, до ареста секретарь обкома в Казахстане, говорил мне: «Хорошо пел Николай народные песни..., задумчиво. Особенно — «Ты не вейся, черный ворон...». Женщина, репрессированная как сестра «султангалиевца»: «Сына Ягоды после ареста матери и бабушки из местечка Акбулак, что на границе Оренбургской области и Казахстана, послали в детдом, где его избивали и «воспитатели», и сверстники. Ежов прика-

зал изменить фамилию, перевести Гарика в другое место и не трогать».

Питерский слесарь, казанский партработник, железный нарком Николай Ежов остался в истории как палач и как жертва. Но зададимся вопросом, а кто из руководителей наших спецслужб сохранил высокий имидж в общественном сознании? Был Дзержинский, но сейчас и о нем стало известно гораздо больше, чем допускалось в рамках «сказания» о благородном железном Феликсе. Берия... Судя по опубликованной наконец-то стенограмме июльского 1953 года Пленума ЦК, это был не только тупой убийца и сексуальный маньяк. Весьма любопытно прочитать, в чем, кроме убийств и интриг, его обвиняли бывшие соратники. В них он, конечно же, виновен, и получил по «заслугам». Но вот многие его предложения и реакция на них остальных вождей после смерти Сталина весьма поучительны... Не вызывают симпатий обличители Берии Каганович, Ворошилов, Микоян, Маленков, Булганин и другие вожди калибром поменьше. Не истина их интересовала, а собственная карьера и благополучие. Это подтвердилось в дальнейшем. Так, может быть, дело не только в личности, а в системе политических координат, в которые эта личность ставится, особенно возглавляя спецслужбы в тоталитарном обществе? И как бы мы вспоминали Чкалова, состоясь его назначение? Такое было не только в нашей стране.

Что же касается личного вклада во все эти мерзости, помните «Дракона» Шварца? Гениальная пьеса и она не только о фашизме. Диалог двух героев, один из которых оправдывается в содеянном зле и говорит, что он этому научился в школе дракона. Ответ точен и беспощаден: «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?» Увы, «первых учеников» на этой стезе у нас всегда хватало. Выгодно было это. Может, в этом и все дело. Как говаривал мой покойный друг, участник гражданской войны и ученик молодого Курчатова Абдулхак-

абы Кудашев, «нужно такое общество, где быть порядочным и хорошим выгоднее, чем быть подлым и злым!» Не так уж и наивно. А Ежов... Он свое получил. Только вот вопрос: достанет ли нам прошлого опыта, чтобы не было новых палачей и новых жертв?

А это вопрос не риторический. Идет реорганизация спецслужб, как в калейдоскопе меняются названия и проекты по «слиянию» и «преобразованию». Происходят вещи и совсем непонятные. А ведь в них работают живые люди, относящиеся, смею заверить, не к худшей части нашего общества. Десятилетия после смерти Сталина не прошли бесследно, но над нами все еще висит «синдром 37-го». Однако и в 30-е шла борьба не только с «врагами народа». Немало было и настоящих шпионов, бандитов¹. И еще. Даже академик А. Сахаров, не питавший особой любви к КГБ, имевший веские причины для этого, считал, что это все же наименее коррумпированная часть аппарата управления. Об этом также надо бы думать нашим законодателям.

126 ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ РЕКТОРА КГУ

(неизвестные страницы биографии
Г. Камая)

Мой собеседник сделал паузу, встал из-за стола, отвернулся, подошел к окну, а потом, очевидно, взяв себя в руки, сказал резко, как будто споря с кем-то:

¹ Очевидно, под влиянием длившейся многие годы разоблачительной кампании в общественном сознании сложился новый стереотип. Если в 30-е годы страна была охвачена «шпиономанией», то сейчас прошлое воспринимается как период, когда страдали только невинные. Как и в любом обществе хватало в 30-х и уголовников, и казнокрадов,

«И тогда я подписал все, что было отпечатано. Мне уже было все равно. Хотелось лечь и не проснуться!» Речь шла о 1937 году, а моим собеседником был профессор Гильм Камай. Фигура почти легендарная. Штурм Перекопа, а перед тем — вступление в партию, блестящий старт в науке, обучение в Томском университете и усовершенствование знаний в лучших лабораториях Германии, которая была тогда Меккой химиков. Самый молодой заведующий кафедрой КХТИ и в 34 года самый молодой ректор университета в Казани, первый из татар ректор-профессор. Все это были страницы его биографии.

Нарком просвещения А. Бубнов, выступая в 1934 году на XVII съезде партии — съезде победителей, назвал Камая в числе наиболее талантливых представителей молодой советской интеллигенции. У молодого ректора были интересные планы повышения престижа и уровня университета, «потерявшего» к этому времени несколько факультетов, преобразованных в самостоятельные вузы. Он добивался открытия исторического факультета, отделений татарского, чувашского, русского языков и литературы, издательства восточной литературы, подготовки национальных кадров высшей квалификации. Деятельность Камая была прервана арестом в сентябре 1937 года. Все это я знал. Как и то, что в годы войны Камай блестяще выполнил ответственное задание Госкомитета обороны по созданию высокоэффективного боевого отравляющего вещества на случай, если фашисты начнут широкое применение газов. Запомнился его рассказ о том, как он провел бессон-

и сам факт осуждения в 1937—1938-м не является «индальгенцией». Разведки других стран также вели весьма активную деятельность и, очевидно, небезуспешную. Так, например, судя по немецким документам от 30 апреля 1941 года, генштаб германской армии имел весьма точные данные о состоянии и технических новинках советского флота. См.: Военно-исторический журнал, 1994, № 2. С. 65—72. Зная абсолютную засекреченность печатных данных, можно с достаточной долей достоверности предположить их источники. Во всяком случае, информация шла не только на основе наблюдений «из окон поездов».

ную ночь в вагоне, прижимая к груди упакованный со всеми предосторожностями сосуд с «продуктом органического синтеза», как туманно был назван в сопроводительном документе этот «демон», и о потрясающих картинах его испытания на животных. Вот это выражение — «бессонная ночь» и стало поводом для дальнейшего разговора...

«Одну-то выдержать легко,— продолжил Камай,— а вот пять дней и ночей на ногах (126 часов?)... и когда тебя бьют наотмашь в лицо, а затем ногами по наиболее болезненным местам». И не знаю до сих пор, почему Гильм Хайрович рассказал мне все это. Может, хотел предостеречь от поверхностного и чересчур бравурного восприятия его биографии (я беседовал с ним как автор будущего очерка о нем для сборника «Герои труда»). Это была исповедь о крушении в один миг всех иллюзий о случайности произошедшего и горечи понимания того, что есть ситуации, когда за высоким научным и политическим авторитетом скрывается трусость и предательство. Через много лет, изучая в архиве ИМЛ и КГБ документы, связанные с процессом реабилитации некоторых «султангалиевцев», я убедился в том, что Гильм Камай в основном был прав.

Как это было? К осени 1937 года процесс репрессий в Татарии набрал темпы. Подвал Черного озера (казанский аналог Лубянки) и тюрьмы поглощали сотни людей. Уже сбивался с ног оперативный состав НКВД, некоторые ордера на арест ожидали своего часа неделями, что еще год тому назад было невозможно. Приход к руководству республиканским НКВД летом 1937 года А. Алемасова, а затем в октябре В. Михайлова ознаменовался фактической ликвидацией партийно-советского руководства республики, избранного на партийной конференции в июле, хотя и до них было проведено немало арестов¹. Первый

¹ Санкция на полный разгром руководящей верхушки республики была дана Георгием Маленковым, проводшим в августе 1937 года в Казани три дня. Он выступал на пленуме обкома и на совещании аппарата НКВД.

секретарь Татарского обкома А. Лепа был арестован в сентябре в Кремлевской больнице в Москве и присоединен к остальным членам бюро и заведующим отделами, находившимся в тюрьме. Н. И. Ежов, хорошо знавший кадры Татарии по прежней работе в обкоме в начале 20-х, требовал «усилить изъятие» врагов народа. Как уже повелось во всех сферах жизни страны, на требования начальства подчиненные отвечали повышенным «встречным планом». Не был исключением и НКВД. В недавно опубликованной в «Советской Татарии» полосе «Курьер КГБ» приведен уникальный по своей циничности и откровенности документ того времени — письмо Наркома НКВД Татарии Михайлова своему заместителю Шелудченко, который раскрывает механизм планирования репрессий. В частности, Михайлов писал: «...по линии только контрреволюционных националистических формирований мы должны взять 2—3 тысячи. Я буду просить 4—5 тысяч человек, так как мы работали слабо и участок еще не начат...». Вдумайся, читатель! Это написано в октябре 1937 года. Число погубленных жертв оказалось недостаточно, и вместо ранее планируемых 2—3 тысяч предлагается посадить 4—5 тысяч... Людей, которые работают, растят детей, планируют будущее и не знают, что уже обречены.

Вот в этой обстановке и было начато «дело Камая». Он был весьма «подходящей» фигурой. Хотя социальное происхождение безупречно — сын грузчика, но много и подозрительного: любимец врага народа Бубнова, учился в Германии и состоял в «фашистском химическом обществе», один из родственников — в Харбине, да еще, говорят, помог устроиться на учебу в КХТИ сестре Султан-Галиева. Во всяком случае, эти мотивы были приведены в единогласном решении парткома КГУ об исключении его из партии. Вскоре он был арестован. Обвинения были стандартны: учился в Германии — стало быть, агент гестапо, да еще по просьбе профессора А. Е. Арбузова передал во время командировки немецкому ученому собственноруч-

но в качестве сувенира «выдутую» маститым химиком колбу и оттиски работ, а это уже квалифицируется как передача секретного прибора и документов. Причем была назначена для вышей убедительности экспертиза — химик-практик одного из заводов и доцент вуза послушно подтвердили, что эта злополучная колба может быть использована в военных целях и укрепить мощь фашистской Германии. Признание выбивалось по методу, названному ранее. Вначале у одного Камая.

Но очень уж хотелось руководству местного НКВД отличиться. Ведь до сих пор не было еще разоблачено ни одной крупной группы ученых в области технических наук. Одиночки были, были и небольшие группы ученых-гуманитариев. А ведь Казань — город вузов с большим отрядом высококвалифицированной интеллигенции, имеющей выход на оборонные предприятия, и не может быть, чтобы враги не использовали их. Для начала взялись за активное формирование «шпионско-диверсионной» группы ученых-химиков. Арестовали В. Разумова, Б. Арбузова и несколько других преподавателей, аспирантов-выпускников КХТИ. Всего 18 человек. Были получены и «признания», и свидетельские показания. Но завершение дела замедлилось в связи со зловещими событиями в недрах самого НКВД. Очевидно, размах репрессий уже вел к разрушению ряда основных структур управления страны, и началась дезорганизация экономики. Сталиным и новым шефом госбезопасности Берией было принято решение несколько замедлить темпы, а вину за беззакония свалить на исполнителей. В конце 1938 — начале 1939 года были арестованы или смещены многие руководители НКВД республик и областей. Ликвидированы Н. Ежов и его главные подручные. Были прекращены и некоторые «дела». В Татарии репрессировали Михайлова, Шелудченко и несколько начальников отделов НКВД. Двое первых в 1940 году расстреляны по приговору военной коллегии Верховного суда. В числе дел, в фальсификации которых они обвинялись,

было и «дело 18 профессоров и аспирантов». Их заявления о методах выбивания показаний были приобщены к обвинительному заключению на Михайлова.

Г. Х. Камая и его «подельников» освободили. Дальнейшая биография его известна всем. В университет он не вернулся, до конца дней своих работал в КХТИ. Выдающиеся научные труды Камая высоко оценивались во всем мире. Он был награжден орденами и отмечен почетными званиями. Правда, Академия наук СССР, в состав которой он неоднократно выдвигался, так и не удостоила его принятием в свои ряды. Но Камай не первый и не последний талантливый ученый, оказавшийся в положении «неудобного». Причины здесь различные, в том числе и чисто субъективные и даже низменные, не имеющие отношения к науке. Но в целом его биография после 1940 года в ее внешнем восприятии была сравнительно благополучной. Умер он в 70 лет. Думаю, это намного меньше, чем ему было отпущено природой. На войне один день засчитывается за 2—3. За сколько же судьба ему зачла почти два года, проведенные в тюрьме, включая многие сутки на ногах под градом побоев, мы не знаем.

После одного из откровенных разговоров, когда я показал ему свой очерк, Гильм Хайрович сказал: «Пусть думают читатели, что все было хорошо, ведь и на самом деле много в моей жизни было хорошего. А всю правду об этом жестоком времени, когда мы отходили от ленинского пути, еще не скоро скажут».

Наверное, все-таки это время наступает...

ГУДЕРИАН В КАЗАНИ

Еще с детских лет запомнилась мне небольшая зеленого цвета автомашина, бегавшая в довоенный период по улицам Казани. Двухместная, больше на-

поминающая чуть увеличенный и поставленный на четыре колеса мотоцикл. И тарыхтела так же. Сосед по дому — дядя Федя, слесарь, работавший на одном из заводов, как-то заметил, увидев ее у нас на Третьей горе: наших «танковых немцев возила». Но сообразив тут же, что сказал лишнее, замял разговор. Так впервые в мое сознание вошли «казанские танковые немцы». Потом все это заслонили военные события, и только название «Танкодром», обозначающее поле между Ометьевом и кирпичными заводами, где нам дали участок для посадки картофеля, напоминало о чем-то секретном. К тому времени — шел 1942 год — танков там давно не было, хотя отдельные ямы и траншеи с остатками колючей проволоки на нем еще встречались.

Вспомнил все это я, прочитав недавно книгу «Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер, тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы», изданную в 1992 году в Москве. Можно спорить по поводу того, насколько адекватно название книги, но безусловно одно: она приподнимает завесу особо охраняемой государственной тайны над парадоксальными событиями, происшедшими в Советском Союзе в 20-х — начале 30-х годов. Впрочем, тайны только для нас. В мире после разгрома фашистской Германии уже было многое известно. Ну, а наши правители, следуя давней традиции, подкрепляемой ведомствами, где вокруг «секретов» и «режима» кормились тысячи и тысячи высокооплачиваемых чиновников, продолжали скрывать от собственного народа страницы отечественной истории, не вписывающиеся в благостное видение прошлого. И особенно в один из основополагающих постулатов о нашей постоянной борьбе против немецких планов экспансии и завоевания мирового господства. Однако все было не так просто и прямолинейно.

Уже в конце второй мировой войны начался процесс выяснения «послеверсальского феномена», позволившего капитулировавшей 11 ноября 1918 года Германии, факти-

чески лишенной вооруженных сил, буквально через десять с небольшим лет снова предстать перед миром до предела милитаризированной державой, имевшей современное вооружение, особенно авиационное и танковое (по Версальскому мирному договору 1919 года германская сухопутная армия не должна была превышать 100 тысяч человек, запрещалось ей вооружение тяжелой артиллерией сверх установленного калибра и танками, а также постройка и приобретение подводных судов. Кроме того, военные силы Германии не должны были включать военной или морской авиации). Ряд неблагоприятных фактов о тесном сотрудничестве в военной области между Германией и СССР был вскрыт на Нюрнбергском процессе. Однако в пропагандистский арсенал Запада они вошли несколько позднее, уже в разгар «холодной войны». Тогда же появилась и знаменитая «справка Совинформбюро», где было безапелляционно заявлено, что германский милитаризм, реваншизм и фашизм были вскормлены «золотым дождем» западных стран, в первую очередь США. Отчасти это верно. Но о том, что у первого в мире рабоче-крестьянского государства было «рыльце в пушку», догадаться не составляло большого труда. Шло обычное пропагандистское «перетягивание каната». Хотя усердно подкармливаемые КПСС за счет собственного народа «братские компартии» и «народные» движения сумели во многом дезориентировать общественное мнение своих стран.

Итак, что же происходило на самом деле?

Авторы упомянутой книги Ю. Дьяков и Т. Бушуева в подробном и аргументированном введении к ней считают, что еще в начале 20-х при заключении Рапалльского договора с Германией (неожиданного для западных демократий) Советы однозначно сделали выбор в пользу военного сотрудничества с ней. Не вдаваясь в мотивы этого решения, хотя у нашей страны была, по мнению публикаторов, альтернатива, скажем, что в договоре и принятых на его основе последующих соглашениях имелись конкретные

пункты о развитии военно-технических связей. Они были весьма односторонними. В обмен на передачу новейших для того времени военных технологий и образцов вооружений советская сторона предоставляла свою территорию для опытных производств и полигонов. Таким образом, на территории СССР были созданы три крупнейших центра военно-технического сотрудничества: авиационный в Липецке, танковый в Казани и, пожалуй, самый секретный «Томка» близ Самары, разрабатывающий технические и тактические основы ведения химической войны (мы не касаемся многих других форм сотрудничества, включая обучение высших кадров Красной Армии в Германии).

Но вернемся к делам казанским. В документах, которые были доступны автору в центральных и местном архивах, нет данных о причинах выбора именно Казани в качестве центра подготовки танкистов из числа офицеров рейхсвера. Наверное, определенную роль сыграло то обстоятельство, что Казань издавна была средоточием крупных военных структур — и до 1917 года, и в годы гражданской войны. После их ликвидации ряд помещений и территория военного ведомства оказались почти незанятыми. Хотя, возможно, имелись и другие причины, о которых могли бы поведать пока неизвестные секретные архивы.

Осенью 1926 года между представителем ВИКО в Москве полковником авиации рейхсвера Лит-Томсенем и представителем КА Я. Берзиным был подписан договор об организации танковой школы в Казани (ВИКО «Виршафтсконтор» — организация, осуществлявшая общее руководство созданием военно-технических центров. В документах советская сторона именуется «КА» Красная Армия), подписавший договор Я. Берзин руководил Разведуправлением РККА). Школе передавались помещения бывших Каргопольских казарм, примыкавших к озеру Кабан. Напротив, на небольшой возвышенности, располагался пустырь, пригодный для проведения ходовых испытаний техники и тактических занятий. Для более крупномасштабных опера-

ций и учений предполагалось использовать находящийся в семи километрах к юго-востоку от казарм полигон. Строительство танковой школы поручалось специально для того созданной секретной организации «Кама». Судя по документам, не доведшимся до сведения немцев, общим обеспечением секретности и безопасности школы, строительной организации «Кама» и прочих элементов комплекса должно было заниматься Разведывательное управление РККА, а обеспечением секретности строительства и функционирования школы, включая подбор обслуживающего персонала и некоторых технических работников, — местный отдел ОГПУ. Приказом по ОГПУ, подписанным Г. Ягодой, личная ответственность за безопасность немецкого персонала на период строительства, равно как и агентурное обслуживание «Камы», возлагалась на И. Кадушину — начальника ТатОГПУ и специальную группу работников.

Сроки создания и открытия школы были весьма сжатыми. Намечалось, что первые курсанты из числа немецких и советских офицеров-танкистов начнут занятия в июле 1927 года. Договор был заключен на три года, но не исключалась его пролонгация. По штатному расписанию предполагалось иметь с немецкой стороны 42 человека, с советской (в основном технический и обслуживающий персонал) — 30 человек. Количество курсантов с обеих сторон определялось примерно в 20 человек. На первых порах они должны были овладеть навыками командира танкового взвода. В дальнейшем предстояло готовить командиров рот, батальонов и более крупных соединений, к лету 1927 года немецкая сторона успешно выполнила взятые на себя обязательства: были построены учебные классы, мастерская, подготовлено учебное поле (расходы составили более двух миллионов марок). Начали поступать и первые образцы техники, правда, устаревшие.

Не обошлось в этом «тихом» деле, как водится, без громкого скандала. Правда, был он отнюдь не политического свойства, да и немцы имели к нему лишь косвен-

ное отношение. В мае 1927 года начальник ТатОГПУ Кадушин зачастил к проживавшим в гостинице «Казань» немецким служащим организации «Кама». Причем нередко являлся туда в нетрезвом виде и с дамами, известными, мягко говоря, своим легким поведением. Один из его подчиненных, начальник команды по охране «Камы», приревновав свою подругу, обвинил Кадушину в домогательствах ее и обратился к секретарю обкома Хатаевичу с жалобой. Случай был чересчур уж однозначный, к тому же жалобщик пообещал в случае отказа принять меры, просто пристрелить «обидчика». Хотя до этого Кадушин вполне устраивал обком и его секретаря, поставляя компромат на местных работников, особенно коммунистов-татар и татарскую интеллигенцию, о чем открыто говорили на партийных конференциях, на сей раз грянул гром.

Хатаевич позвонил Ягоде и попросил его убрать. Выяснилось, что он ко всему прочему «прибавил» себе партийный стаж. А это было намного серьезнее, чем тесное общение с «жрицами» свободной любви. Решение было суровым: снять с работы и запретить занимать руководящие должности в ОГПУ в течение двух лет. Впрочем, совсем пропасть Кадушину не дали и, кажется, он был направлен на один из «островов» архипелага ГУЛАГ, начальником, разумеется. Дела по «Каме» принял новый начальник ТатОГПУ Д. Кандыбин, с которым будет связано немало драматических событий в жизни республики. Он же, кстати, успев вовремя «сбежать» из органов в судебное ведомство, поставит в 1941 году свою подпись в качестве члена военной коллегии Верховного суда СССР под несправедным приговором, обречшим на смерть генерала армии Д. Павлова и почти все командование Белорусского военного округа. На них попытался свалить вину за трагические поражения первых недель войны И. Сталин. По иронии судьбы Кандыбин хорошо знал по работе в Казани личный состав танковых курсов, в том числе и будущего генерал-полковника Гудериана, сыгравшего

не последнюю роль в первоначальных успехах немецкой армии в 1941 году. Пребывание в Казани пошло ему, очевидно, впрок.

В 1928 году «Кама» вышла на проектную мощность, строительные работы были завершены, а сама организация с 1 августа того же года получила новое название — «Технические курсы Осоавиахима». Возглавил курсы генерал рейхсвера Лютц. Ему тоже пошло на пользу пребывание в Казани. Через три года он станет начальником всех мотомеханизированных войск Германии. Это косвенное, но убедительное свидетельство того, что подготовка офицерских кадров, немецких по крайней мере, велась в Казани на должном уровне.

Между тем в конце 20-х в печать западных стран, в том числе Германии, начинают просачиваться отдельные факты о секретных работах рейхсвера на советской территории. Особо неблагоприятное впечатление на общественность произвела информация о производстве иприта и начиненных им боеприпасов. В памяти народов Европы были еще свежи воспоминания о последствиях использования в годы первой мировой войны химического оружия, и отношение к отравляющим газам напоминало современное отношение к ядерному оружию. Поэтому были приняты чрезвычайные меры по конспирации, а любая попытка разглашения сведений о курсах, вольная или невольная, расценивалась как предательство интересов Советского государства и помощь мировому империализму. Потому-то до сих пор вижу, как изменился в лице сосед после неосторожно обреченной фразы.

Вскоре появляется совместно разработанное ОГПУ и Разведуправлением РККА положение о казанских курсах Осоавиахима со специальным разделом «О конспирации». В нем, в частности, отмечалось: «Жизнь и работа курсов приспособляется под общий тип военных организаций, имея целью скрыть настоящего хозяина курсов (разрядка моя — Б. С.)». Поэтому личный состав

должен фигурировать как технический и преподавательский состав курсов Осоавиахима». Беспрецедентным было и указание о том, что «постоянные и переменные работники из числа офицеров и унтер-офицеров рейхсвера должны носить в часы занятий, а также при официальных приемах форму РККА, но без петлиц. Вне занятий весь персонал может носить штатское платье». А ведь где-то в наших или немецких архивах наверняка сохранились фотографии в советской военной форме храбрых немецких танкистов — будущих командиров танковых батальонов, дивизий, корпусов, армий, проутюживших гусеницами советскую землю вплоть до Волги. Одним из конечных пунктов зимней кампании 1941—1942 годов значилась, как известно, Казань. Совершенно не исключаю, что в разговорах танковых генералов немецкой армии, включая и самого Гудериана, вполне могла в то время звучать фраза: «Вот доберемся до своей альма-матер на берегу Кабана и наконец отдохнем».

Прикрытие велось и другими способами. Так, в штатном расписании курсов имелась должность — «помощник начальника курсов», а в положении подчеркивалось, что «наименование «помощник» вводится главным образом для конспирации». Практически это был полномочный представитель советской стороны. За исключением чисто военно-технических вопросов и руководства немецкими офицерами, чем ведал начальник курсов, назначаемый ОГЕРСом, все остальное — от связи с местными органами власти и до найма и увольнения домашней прислуги, дворников и рабочих — находилось в компетенции его помощника, как представителя РА (Из контекста документа следует, что ОГЕРС представляет Германию, РА — СССР. Можно только строить догадки насчет истинного звучания этих аббревиатур. Кстати, и сами публикаторы признаются в своей бессилии раскрыть некоторые аббревиатуры — настолько тщательно была зашифрована инструкция. Впрочем, сути дела любая расшифровка не меняет.)

Помощнику подчинялись и советские командиры, проходившие обучение. Любые юридические действия, требующие официальной печати курсов, осуществлялись также им.

Разумеется, дело не ограничивалось тайностью, секретными инструкциями, внешним камуфляжем, хотя все это использовалось и в дальнейшем. В Казани со стороны ОГПУ были приняты меры по распространению дезинформации о назначении курсов: они в частных разговорах назывались сельскохозяйственными. Примечательно и то, что первоначально в Казань был доставлен всего один танк, и то в разобранном виде, зато прибывшие одновременно три новеньких сельскохозяйственных трактора «Рейнметалл» без особой нужды выезжали из ворот Каргопольских казарм.

Однако тщательно маскируемое и скрываемое нередко обнаруживало себя. В 1937 году один из арестованных ответственных работников, замаливая и другие грехи, жался в том, что, узнав от Разумова (секретарь обкома) о том, что под видом сельскохозяйственных курсов у Кабана размещена танковая школа, готовящая немецких офицеров, рассказал об этом другому ответственному и долго скрывал разглашение тайны от «органов». Впрочем, на это покаяние в данном случае не обратили внимания. Обвинения, предъявленные ему, были гораздо серьезнее — «намерение организовать покушение на тов. Сталина и создание террористических групп». Так что расстрел был обеспечен без каких-либо дополнительных отягчающих обстоятельств.

К весне 1929 года техническая оснащенность «сельхозкурсов» достигла запланированного уровня: они имели 7 танков, из них 4 в полной боевой готовности, 6 легковых и 4 грузовые автомашины, 5 мотоциклов, радиотехнику, несколько пушек, десятки пулеметов, лучшие в мире оптические приборы (бинокли, перископы, дальномеры) фирмы «Цейс», стрелковое оружие, боеприпасы к нему...

и 8 тракторов «Рейнметалл» и «Крупп» с набором плугов (образ сельскохозяйственных курсов). Все это потребовало привлечения значительных финансовых средств. В секретной справке для Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Разведуправления РККА Я. Берзин, курировавший казанские курсы, сообщал, что «арендаторы» — так начиная с 1929 года именовалась немецкая сторона — израсходовали только на оборудование, не включая стоимость техники, от 1,5 до 2 миллионов марок.

С 15 ноября прошли обучение и успешно сдали практические зачеты по вождению танков, в том числе в ночное время и с преодолением саперных сооружений и водных преград первые офицеры-курсанты — по десять человек с каждой стороны. Впоследствии это соотношение изменилось в пользу служащих рейхсвера.

При укомплектовании курсов боевой техникой возникали определенные дипломатические сложности, разрешаемые только на самом высшем уровне. Так, в марте 1929 года К. Ворошилов, обращаясь к Сталину, писал, что с открытием навигации немцы через Ленинградский морской порт направляют для казанской школы 10 новейших танков, но просят дипломатическое прикрытие в виде фиктивной сделки о покупке бронемашин у фирмы «Рейнметалл». Далее нарком, очевидно, воспроизводит точную аргументацию немецкой правительственной стороны: «По Версальскому договору Германия не имеет права строить танки, ввиду чего актом формальной покупки танков нами (акт о покупке по прибытии танков будет уничтожен) немцы хотят обеспечить себя на тот случай, если об этом узнает внешний мир. В этом случае формально не будет замешано германское правительство, а ответственность за производство и продажу танков падет на промышленность». Излагая детали этого военно-политического мошенничества и поддерживая его, Ворошилов заверял, что планируемая акция не нанесет СССР «политического ущерба».

ба». «Скорое прибытие» танков, простодушно заканчивал он письмо, «для РККА крайне желательно».

Надо полагать, у Сталина были свои соображения о «большой внешней политике», недоступные пониманию прямолинейного и простоватого наркома, главным достоинством которого, как отмечалось в одной из характеристик 20-х годов, было то, что он — в отличие от Фрунзе — «физически здоров». Во всяком случае, резолюция Сталина: «О танках. Мы не можем пойти на фиктивную сделку 26.03.29» исключала такой, отдающий чересчур уж низкопробной аферой, вариант. Не забудем, что 1929 год являлся годом кризисным, у СССР и без того были весьма крупные внешнеполитические сложности, умяотать их, очевидно, Сталин не желал. Скорее всего, отыскался какой-то иной выход, не «подставлявший» СССР. Может быть, к сделке подключили неприметного посредника или третью страну. В то время «рука» Москвы была очень длинной. Но, как бы там ни было, танки в Казань прибыли.

В течение трех лет через казанскую школу прошли 65 человек из числа начсостава советских танковых и мотомеханизированных частей: строевые командиры, преподаватели бронетанковых вузов, инженеры-танкисты, инженеры-радиотехники, инженеры-артиллеристы и специалисты по оптике. Соответствующую подготовку за этот же период получило около ста офицеров из кадров рейхсвера.

Передовая же для того времени немецкая техника, которой располагала школа, использовалась не только в учебных целях. Хотя в популярной и особенно сугубо патристической литературе усиленно подчеркивается, что во всем мы были пионерами и чуть ли не все образцы военной техники разработали сами, на деле происходило то, что происходит в любой армии — берется открыто или выкрадывается через разведку лучшее, что может послужить повышению ее боеспособности. Это, конечно, не исключает собственных разработок. Они в СССР велись интенсив-

но и с высокой результативностью. Однако мало кто считает целесообразным в военном деле тратить деньги и время на изобретение «велосипеда». Так было и, очевидно, будет, пока есть армии и потенциальные противники. Ведь только недавно мы узнали, например, правду (но не всю) о решающей роли нашей разведки в обеспечении советских ученых точной информацией и технологией создания ядерной бомбы. Думаю, не случайно во главе этого проекта стоял Л. Берия, в руках которого были сосредоточены и закрытая промышленность, и вездесущая разведка.

Чем же помогла казанская танковая школа нашей военной промышленности? Некоторый свет на это проливают сведения, содержащиеся в сверхсекретном документе, составленном для Политбюро в 1932 году. Согласно ему при создании советских танков были использованы следующие новинки: в Т-28 — подвески ходовой части танка Круппа; в Т-26, БТ и Т-28 — сварные корпуса немецких танков; в Т-28 и Т-35 — внутреннее размещение команды в носовой части; в Т-26, БТ, Т-28 — приборы наблюдения, прицелы, идея спаривания орудий с пулеметом, электро- и радиооборудование. Перечень весьма длинный и внушительный. Едва ли стоит сомневаться, что в него заложили избыточную информацию. Это ведь документ не пропагандистский, и подписан он И. Грязновым — заместителем начальника Управления по механизации и моторизации РККА. В военном деле Сталин не любил вранья, особенно если речь шла о технических новшествах. Очевидно, некоторые конструкторские решения наших знаменитых танков КВ и Т-34 надо искать и в не известных до сих пор отчетах «сельскохозяйственных курсов», располагавшихся на берегу Кабана.

Как дальше сложилась судьба казанской школы? Судя по ряду документов, еще в начале 1932 года у советской стороны имелись планы продолжения сотрудничества с расчетом на длительную перспективу. Больше того,

ТЕКО, как теперь назывались курсы в Казани, считалось главной исследовательской лабораторией для технического и методического усовершенствования командиров. В целях соблюдения конспирации и решения других организационных вопросов предполагалось даже преобразовать его в научно-исследовательскую станцию РККА. Другими словами, в главный танковый военно-технический и военно-тактический центр Красной Армии.

Однако уже в конце этого года внезапно наступает «охлаждение» нашего интереса к совместным действиям с немцами. Это касалось не только Казани, но и Липецка, «Томки», где тоже были достигнуты выдающиеся результаты. Подобное решение могли принять только Сталин и Политбюро. Причины надо искать в области внешнеполитической, затрагивающей, очевидно, глобальные проблемы. Во всяком случае, военные круги робко, но все же пытались замедлить свертывание сотрудничества, считая, что возможности использования добываемых сведений и технологий в целях укрепления военного потенциала страны далеко не исчерпаны, и даже предлагали увеличить срок обучения на курсах до 6 месяцев. Однако политические мотивы взяли верх. Но это тема особого разговора, выходящего за рамки поставленной автором цели.

В июле 1933 года Берзин докладывает Ворошилову, что во исполнение директивы наркома обороны завершается полная ликвидация совместных «станций» в Липецке, «Томке» и Казани. Подробно перечисляется имущество, отправляемое в Германию и передаваемое советской стороне безвозмездно или за символическую плату. В Казани немцами безвозмездно оставались все постройки, мастерские, оборудование, в том числе спортивное, мебель, казино, прачечная, стрелковые тир, радиоприборы. Практически за бесценок продавались 14 легковых и грузовых автомашин (из этого акта я узнал, что виденная мной до войны двухместная машина была марки БМВ, их оставили 5 штук), радиоприемники и передатчики «Теле-

функен», оптика, в том числе 10 цейсовских биноклей, и многое другое.

Демонтаж шел быстрыми темпами. По прошествии некоторого времени поступила новая директива о скорейшей ликвидации предприятий «друзей». И уже спустя месяц тот же начальник Разведуправления подписал докладную записку о принятых мерах. Он сообщал, что из Казани в Ленинградский порт отправлены тракторы, 2 крытых вагона с оборудованием. Несколько позже было отправлено еще 4 вагона. Ни одного танка из Казани в Германию не ушло. Они и не входили в документы. Вскоре большинство из них (за исключением двух, разобранных на запчасти) поступили на заводы Харькова и Ленинграда. Надо думать, что и там они нашли применение при разработке собственных образцов бронетехники.

А казармы на берегу Кабана использовались по своему прямому назначению, переходя от одного владельца к другому, обрета в последствии своего нынешнего хозяина — танковое училище. Оно официально ведет свое начало с 1919 года, а как танковое — с 1941 года. Но может быть нам следует вести отсчет его танкового профиля с 1926 года?.. Ведь готовили на тех давних «сельхозкурсах» не только немцев. Первые шаги в нелегком танковом ремесле делали и наши офицеры. Возможно, в Казани еще живут люди, работавшие там и могущие кое-что вспомнить. Я имею в виду технический и обслуживающий персонал. На то, что остались в живых курсанты с нашей и с немецкой стороны, надежд мало. Прошло уже более 60 лет с момента последнего выпуска. Да и жизнь танкиста на войне коротка. Горели в танках, гибли от пуль и снарядов советские и немецкие выпускники школы и в апельсиновых рощах Испании, и в снегах Финляндии и в степях Монголии. Затем пришла вторая мировая с ее гигантскими танковыми сражениями. А многих наших выкосили еще в 1937—1938 годах свои. Остается уповать только на чудо, которое, однако же, нет-нет да и случается.

Вот на этом хочу завершить одну из таинственных страниц истории Казани и республики. Но точку в ней, полагаю, ставить рано — слишком глубоки воды казанской «Камы».

ЧЕЧЕНСКИЙ «СИНДРОМ»

В притихшем зале дворца Правительства Чеченской-Ичкерии Республики прозвучали слова приговора по уголовному делу, возбужденному (посмертно) по обвинению Сталина, Серова, Круглова, Кобулова, Бочкова, Гранского, Гвешияни и Струева в массовом уничтожении граждан чеченской национальности в селе Хайбах. Он гласит: **расстрелять вышепоименованных военных преступников...** Это был, наверное, самый эмоциональный момент в ходе состоявшейся с 20 по 23 мая 1994 года международной научно-практической конференции «Народубийство в СССР: идеология, политика и практика» (по материалам А. Авторханова).

Ниже автор попытается изложить свои поверхностные наблюдения, связанные с самой конференцией и особенно с положением дел в этой республике, которая одним представляется «мини-империей зла», а другим — светочем свободы и носительницей всех мыслимых достоинств.

В приглашении на эту конференцию, неожиданно полученном за два дня до ее начала и подписанном председателем оргкомитета — вице-президентом республики, поэтом и общественным деятелем Зелимханом Яндарбиевым, рекомендовался воздушный путь. Уже во время полета меня втянули в обсуждение кровоточащих северокавказских проблем. Сидевшие рядом со мной два милиционера-ра-осетина, сопровождавшие колонну «КамАЗов» из Владикавказа в Казань, а теперь налегке возвращавшиеся

Трагедия чеченского народа.

домой, подробно рассказывали о «зверствах» ингушей. На мой вопрос, как эти эпизоды звучали бы в пересказе другой стороны, тот, что постарше, заметил: «На войне как на войне...».

Как и было обещано, у аэропорта ждала машина с чеченским номером. Меня предупредили, что раньше дорога до Грозного занимала чуть более трех часов, теперь же, дай Бог, уложится в пять. Нам пришлось четыре раза пересекать границу — между Ставропольским краем, Кабардой, Северной Осетией, Ингушетией и Чеченской республикой с тщательной проверкой и досмотром. Люди в «камуфле» и омовской форме, надолбы, пулеметные точки, БТРы на контрольно-пропускных и досмотровых пунктах показались вовсе не лишними, особенно когда недалеко от дорожных знаков мы увидели сожженные дома, заросшие сады, воронки от взрывов — следы осетино-ингушской войны. О ней напоминала и крупно выведенная надпись на бетонном блоке: «Запретная зона. Стреляют без предупреждения».

В Грозном мы оказались во второй половине дня и сразу же попали в зал, где проходила конференция. Начиналось дневное заседание. Вели его З. Яндарбиев и поочередно несколько наиболее уважаемых ученых. В их числе и неперемный докладчик на подобных форумах историк Хаджи-Мурат Ибрагим-Бейли. Были и другие знакомые по конференциям ученые, в том числе и те, кто участвовал в жарких телевизионных дискуссиях по национальным проблемам в начале перестройки. Все три дня в работе конференции участвовал Джохар Дудаев, несколько раз бравший слово для выступлений. Он подчеркнул, что в исторической науке у некоторых авторов наметилась тенденция облегченного подхода к понятию «сталинизм» и если не оправдания, то, во всяком случае, поиска факторов, смягчающих историческую вину империи и тоталитарного общества перед личностью, в том числе и перед депортированными народами. Нетрадицион-

но прозвучала и его мысль о том, что Россия, оплакивая своих воинов, павших в Афганистане, не должна забывать и о гораздо большем ущербе, нанесенном народу этой страны, и в первую очередь мирному населению. Нужно не раз и не два подумать, прежде чем отправлять своих солдат за рубежи страны, под какими бы громкими благородными лозунгами это ни происходило. Призывы типа «омыть сапоги в водах Индийского океана» могут исходить только от профессиональных тыловиков, лично ничем не рискующих. Эта мысль была особенно весома в устах человека, командовавшего воздушной дивизией дальнего действия, в отсеках сверхзвуковых машин которой находились многие мегатонны, способные превратить в пустыню материки.

Выступления ученых из северокавказских республик, Грузии, России, Прибалтики, зарубежных исследователей раскрывали механизм имперской политики по отношению к завоевываемым территориям и их народам в далеком и не совсем далеком прошлом. Если брать общий вектор конференции, то она была не антирусской, не антиросийской, а антиимперской. Весьма интересным было выступление профессора Мухамеда Шишани — чеченца по национальности, преподающего в одном из университетов США.

В первый день конференции в двух выступлениях была допущена, на мой взгляд, необъективная оценка Татарстана и позиции его руководства в современной политической жизни. Когда мне предоставили слово, я сказал, что подобные оценки могут иметь два источника: или грязные, провокационные слухи, в том числе и со стороны тех в самом Татарстане, кого не устраивает разумная, в интересах всего народа, политика Президента М. Шаймиева, Правительства и Верховного Совета республики, и тех, кто до сих пор предпочитает митинговую демагогию созидательному труду, или же недостаток объективной информации. Затем слушателям была представлена краткая

информация о прошлом и настоящем татарского народа и других народов республики. В перерыве один из выступавших ранее подошел с извинениями, честно сказав, что, действительно, кому-то выгодно создавать искаженный образ Татарстана.

По просьбе оргкомитета и Президента Дудаева автору было поручено председательствовать на заключительном заседании конференции. Это было своего рода признанием выдающейся роли Татарстана в достижении национального согласия на территории бывшего СССР и ликвидации постимперских политических нравов.

Почти все выступавшие в той или иной степени говорили о научной и общественно-политической деятельности Абдурахмана Авторханова. Это действительно феноменальная фигура нашего времени: единственный из ныне живущих учеников Бухарина по Институту красной профессуры, автор книг, опубликованных в СССР еще до войны. Он стал одним из самых видных специалистов в мире по национальной политике. Автор десятков книг и сотен статей, анализирующих суть тоталитарного варианта марксизма, в том числе и уникальной работы — «Технология власти». Он дважды побывал в застенках доверенного НКВД и может судить о сталинизме не только по архивам и научным сочинениям. Сейчас живет в Мюнхене и в свои 85 лет сохраняет ясный ум и феноменальную память. Он тепло поблагодарил Президента республики Дудаева за приглашение на конференцию и обещал приехать позднее, если позволит здоровье.

Теперь, очевидно, следует рассказать о тех событиях, которые послужили основанием для «приговора» (с него начинается этот очерк). В исторической памяти каждого народа есть события, прошедшие кровавой чертой через его судьбы. Мы многие годы считали символом зверств и бесчеловечности такие деяния фашистов, как Орадур во Франции, Лидице в Чехии, наконец, злодейское сожжение деревни Хатынь и убийство ее жителей в Белоруссии.

Вспомним колокола Хатыни и пустые глазницы печей, оставшихся на месте сожженного села. Но это были деяния фашистов, которые были осуждены мировым сообществом, преступления, которым нет оправдания, по которым не существует срока давности. Даже в слывшихся демократическими государствах Европы общественное мнение одобряет акции против палачей, совершивших злодеяния в годы второй мировой войны. Вспомним недавние суды во Франции над гестаповцами. Сейчас это жалкие и больные старики, но память французского народа хранит их зверства, когда они еще были молодыми, наглыми, всеильными. А сколько гитлеровских палачей и их пособников мы сами отправили на смерть через многие десятки лет после войны! Напоминаю это для того, чтобы читателю стали более ясными мотивы возбуждения «уголовного дела», действующими лицами которого явились не только генералиссимус, маршал, несколько генералов госбезопасности, но и один из «мелких бесов» карательной системы младший лейтенант Николай Струев.

Известно, что депортация народов в годы войны, начавшаяся с немцев Поволжья, захватила в 1944 году почти половину населения Северного Кавказа. В этот трагический список входили и «титульные», давшие название республикам, национальности — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкары и некоторые другие, не поименованные в таких названиях народы. В ходе депортации они понесли огромные потери, в основном из-за нечеловеческих условий перевозки в товарных вагонах и неустроенности мест их поселения в Казахстане, Средней Азии и некоторых районах Сибири. Эти и другие факты, связанные с массовой депортацией, названной Авторхановым «народоубийством», известны, они широко освещались в печати. Мы знаем, и как медленно, с оглядкой на прошлое, шел процесс реабилитации народов, затянувшийся на несколько десятков лет после ухода из жизни «отца народов» и его приспешников. Однако во всей этой страшной истории были и такие

страницы, дотронуться до которых не решались даже самые убежденные, как нам казалось, антисталинисты. Наверное, это тоже наследие сталинизма, уже вошедшее в наши гены.

Итак, дадим слово документам. Причем документам, достоверность которых не вызывает сомнения, вышедшим из недр НКВД и адресованным самим главарям уголовно-государственной структуры — Сталину и Берии. Три документа тесно связаны между собой логикой развития событий.

Документ первый: «Совершенно секретно, наркому внутренних дел СССР тов. Л. П. Берия. Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвешiani».

Документ второй: «Грозный, УВД. Гвешiani. За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной награде с повышением в звании. Поздравляю. Нарком внутренних дел СССР Берия».

Документ третий: «От имени ВКП(б) и Комитета обороны СССР объявляю благодарность всем частям и подразделениям РККА и войск НКВД за успешное выполнение важного правительственного задания на Северном Кавказе. И. Сталин».

Напомним, что эти телеграммы сверхсекретной категории относятся к февралю-марту 1944 года. Немцы в основном уже отброшены с территории СССР, бои приближаются к границам Польши, Румынии и Венгрии, выходят из войны Италия и Финляндия, наша армия ведет там кровопролитные бои. В операции по выселению стариков

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами и медалями работников Наркомата внутренних дел и Наркомата государственной безопасности

За образцовое выполнение специальных заданий Правительства награждать:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА I СТЕПЕНИ

1. Генерального комиссара госбезопасности Берня Лаврентия Павловича.
2. Комиссара госбезопасности 2 ранга Кобулова Богдана Захаровича.
3. Комиссара госбезопасности 2 ранга Круглова Сергея Никифоровича.
4. Комиссара госбезопасности 2 ранга Серова Ивана Александровича.

ОРДЕНОМ КУТУЗОВА I СТЕПЕНИ

1. Генерал-полковника Аполлонова Аркадия Николаевича.
2. Комиссара госбезопасности 1 ранга Меркулова Всеволода Николаевича.
3. Генерал-майора Пияшева Ивана Ивановича.

ОРДЕНОМ СУВОРОВА II СТЕПЕНИ

1. Комиссара госбезопасности 2 ранга Абакумова Виктора Семеновича.
2. Комиссара госбезопасности 3 ранга Воронина Александра Ивановича.
3. Комиссара госбезопасности 3 ранга Гвешани Миланла Максимовича.
4. Комиссара милиции 2 ранга Грушко Евгения Семеновича.
5. Комиссара госбезопасности Добрынина Георгия Прокофьевича.
6. Комиссара госбезопасности Дроздова Виктора Александровича.
7. Полковника госбезопасности Жукова Александра Алексеевича.
8. Комиссара госбезопасности Прошина Василия Степановича.
9. Комиссара госбезопасности 3 ранга Равава Авксентия Нарикевича.
10. Генерал-майора Сладкевича Моисея Иосифовича.
11. Генерал-лейтенанта Стаханова Николая Павловича.

93. Капитана госбезопасности Торопченко Николая Александровича.
94. Капитана Трубина Ивана Васильевича.
95. Старшего лейтенанта милиции Трусова Николая Сергеевича.
96. Майора госбезопасности Туфанова Сергея Николаевича.
97. Младшего лейтенанта госбезопасности Федорова Дмитрия Андреевича.
98. Младшего лейтенанта госбезопасности Фомичева Михаила Андриановича.
99. Капитана госбезопасности Хамунова Алексея Савельевича.
100. Старшего лейтенанта госбезопасности Циклаури Шалву Носифовича.
101. Старшего лейтенанта госбезопасности Цулукидзе Николая Илларионовича.
102. Старшего лейтенанта госбезопасности Цыбазова Николая Петровича.
103. Старшего лейтенанта госбезопасности Цыпенкова Николая Алексеевича.
104. Старшего лейтенанта Четверикова Ивана Трофимовича.
105. Капитана госбезопасности Чистякова Кузьму Григорьевича.
106. Подполковника Шаловалова Терентия Яковлевича.
107. Капитана Шапошникова Василия Васильевича.
108. Подполковника Шелелева Павла Родионовича.
109. Младшего лейтенанта милиции Шишкалова Гродни Агафоновича.
110. Старшего лейтенанта госбезопасности Штесура Каленика Никитовича.
111. Капитана интендантской службы Южанина Алексея Ивановича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Гаджиев

Москва, Кремль, 8 марта 1944 г.

2/100
За «выдающиеся» заслуги...

и детей участвовали хорошо экипированные солдаты и офицеры войск и НКВД, оперативные работники, всего свыше 100 тысяч человек. Как бы они пригодились на западе, где в ожесточенных боях батальоны, пополняемые наскоро обученными новобранцами 17—18 лет, просили «огня». А здесь великовозрастные, в расцвете сил служивые люди «храбро» вели под конвоем отцов, матерей, сестер, дедов и бабушек тех, кто воевал и погибал там, где-то за Днепром и «Вислой сонной»!

Фронттовики, воевавшие на передовой, знают, как долго подчас шла к ним награда. Нередко, пока бумаги гуляли по штабам, солдат уходил из жизни. За операцию «Гсры» ждать наград не пришлось. Буквально через несколько дней после того, как ушли последние эшелоны в далекую Сибирь и Казахстан, Калинин подписал указ о награждении за образцовое выполнение специальных заданий правительства. В открытой печати он не публиковался. Документ после того, что мы теперь знаем, можно назвать кощунственным: орденом Суворова I степени были награждены генеральный комиссар госбезопасности Берия Л. П., комиссары г/б 2 ранга Кобулов, Круглов, Серов; орденом Кутузова I степени — генерал-полковник Аполлонов, комиссары г/б Меркулов и Пияшев. Заметим, что по своему статусу эти высшие полководческие награды предусматривались за успешное выполнение фронтовых операций, приведших к разгрому армий и целых фронтов врага. Орденами Суворова и Кутузова II степени награждались еще 30 комиссаров и генералов госбезопасности. Итак, 37 генералов и комиссаров ведомства Берии получили высшие полководческие ордена. Военные историки, очевидно, могут выяснить, много ли было таких операций против настоящего, вооруженного до зубов противника, после которых проливался столь щедрый дождь высших орденов. Разве что за Берлинскую. Не были забыты и меньшие чины. Орден Красного Знамени получили 79 человек, Отечественной войны I степени — 47, Отечествен-

ной войны II степени — 61, Красной Звезды — 120, медаль «За отвагу» — 259, медаль «За боевые заслуги» — 111. Полагаю, что немало участников операции «Горы» носят эти награды и сейчас.

А теперь о самом страшном и мерзком. В высокогорном селе Хайбах, где находился колхоз имени Л. П. Берия, в двадцатых числах февраля 1944 года скопилось более 700 человек, в том числе из окрестных сел. В основном это были старики, беременные женщины, дети, люди с физическими недостатками. Операция по выселению шла успешно и Берия, находившийся в своем бронированном салон-вагоне на станции Слепцовской, что близ Грозного, мог быть доволен. Однако февральские метели в горах задержали транспортировку людей. Торопили и железнодорожники, эшелоны выделялись на срок не более двух недель, после чего их следовало вернуть для перевозки боеприпасов. Вот в этой ситуации полковниками Гвешiani и Гранским по согласованию с Кругловым и Кобуловым отдается приказ об уничтожении скопившихся в Хайбахе беспомощных людей. Они были заперты в огромной конюшне. Ворота наглухо приперты бревнами, обложены сеном, облитым керосином, и... специально выделенные офицеры подожгли конюшню, одновременно из пулеметов и автоматов открыв огонь...

Не хочу рассказывать подробности этой бойни. Когда в 1992 году здесь шли раскопки и производилась эксгумация трупов, не выдержали нервы самых крепких людей. Зверства, правда, не в таких массовых формах, происходили и в ряде других сел. Подбрасывали на дорогах отравленную пищу, бросали в печные трубы гранаты, убивали, грабили и мародерствовали. По приказу командира взвода мл. лейтенанта Струева его подчиненные курсант Сница и сержант Сидоров расстреляли двух калек — Гайсултанова и Жабиева, а восьмилетнего Умара Гайсултанова курсант заколол штыком.

Операция «Горы» закончилась «успешно». «Полковод-

цы» и исполнители получили награды. Ушли на восток эшелоны, были разрушены деревни, кладбища и мечети, земли чеченцев и ингушей переданы соседним республикам (вот где была этническая мина, взрыв которой пришелся уже на наше время).

О трагедии Хайбаха не забыли. После XX съезда партии, когда начался «реабилитанс» по-хрущевски, при всей его половинчатости люди перестали бояться. По письмам чеченцев в ЦК началось расследование ряда преступлений, в том числе и самого гнусного из них — хайбахской бойни. Работники ЦК КПСС в общем-то довольно объективно изучили дело, и в докладной записке зав. сектором Тикунова содержалось, в частности, предложение лишить Круглова и Серова полководческих орденов, выданных за «подвиги» в Чечне. Однако правда оказалась настолько жгучей, накладывала такое огромное пятно на нашу армию и органы, что и Хрущев не решился обнародовать сведения об этих злодеяниях. Время сказать обо всем этом пришло с началом перестройки. Долго продолжалось расследование. Некоторые из «полководцев» Хайбаха были ликвидированы вместе с Берией. Генерал-лейтенант М. М. Гвешiani, один из ближайших подручных Берии, уцелел и умер в чести в Тбилиси. Его сын стал академиком, а главное — зятем Косыгина. Есть ли связь между этими событиями, я имею в виду благополучное «пенсionерство» Гвешiani и семейную карьеру сына, не знаю. Могла и быть. До последних лет благоденствовал Струев. Преподавал историю в школе, вел кружок по патристическому воспитанию учащихся. В душе тоже считал себя жертвой Хайбаха, ибо за эпизод с расстрелом инвалидов и больных его вычеркнули из списка награждаемых. На одну награду получил меньше. Умер в 1992 г.

В конце конференции выступили авторы только что изданной книги «Хайбах: следствие продолжается». Рассказывали о трудном пути к истине, о попытках людей, боявшихся правды, помешать ее появлению на свет. Рас-

сказывая о трагедии горного села, приводили примеры не только подлости, но и мужества. С благодарностью вспомнили имя капитана Громова из «хайбахской команды», отказавшегося участвовать в расстреле. Некоторые солдаты пытались предупредить население об угрозе расстрела. Но все это единицы. Подавляющее большинство выполнило приказ. В этом тоже трагедия тоталитарного общества с уголовной структурой круговой поруки, скрепленной кровью.

Мы говорим о чеченском феномене. Но вдумайтесь: Хайбах! Он не может не влиять на психологию народа. В Хатыни убивали фашисты, и это было понятно — враги! В Хайбахе зверствовали люди, одетые в нашу форму, убивали тех, чьи родственники воевали против фашистов, против тех, кто сжег Хатынь. Мы ищем фашистских убийц и находим. За Хайбах никто не получил даже «выговор».

Возвращался я из Грозного со сложными чувствами. Много противоречиво и не поддается однозначной оценке. В общем, как говорил великий политолог-практик Федор Сухов: «Восток — дело тонкое!» Через два дня после приезда узнал о новом покушении на Джохара Дудаева. Погибли глава департамента внутренних дел и его заместитель, принявшие, судя по печати, силу взрыва на свою машину. С одним из них меня познакомили во время поездки на могилу Гамсахурдиа, находящуюся неподалеку от центра. Погибли люди, преданные идеям президента. Очевидно, в Грозном и в Москве и где-то между ними кое-кого не устраивают попытки Дудаева и Ельцина поискать политическое пространство для диалога. Прогнозов о судьбе республики много, сейчас только ленивый не именует себя политологом или этносоциологом.

Из запомнившегося. Это в первую очередь две встречи с Д. Дудаевым и весьма откровенный и не комплиментарный; обмен мнениями о «татарстанской модели суверенитета», которую связывают с идеями М. Шаймиева. У нас с Чеченской республикой разные пути, разные геополитиче-

ские параметры, разная история, сходен только вектор движения — к свободе, к суверенитету. Но об этом, наверное, в другом очерке. В том числе и об оппозиции. Были ведь очень интересные встречи с разными людьми — чеченцами, русскими, татарами, ингушами, рабочими и академиками, офицерами и писателями.

Виденное в чужих краях наводит на размышления о более близких проблемах. В наше время надо быть особенно разборчивым и деликатным при анализе исторических событий. Особенно это касается тех, кто занимается литературой и историей. Нельзя допускать призывов к вражде и реваншу даже в замаскированном виде. Чеченская поговорка гласит: «Рана, нанесенная кинжалом, лечится медиком, нанесенная словом — только кинжалом». И у нас в Татарстане иногда случаются бездумные призывы людей, лицемерно прикрывающихся высокими словами о нации. Уверен, что в случае осложнений они же первые и сбегут. Запасные позиции у некоторых уже подготовлены. Мне же, моим детям и внукам жить здесь, в Татарстане. Так может сказать и большинство граждан нашей республики. Поэтому будем разумны. Договор с Россией готовили компетентные и порядочные люди с обеих сторон, и он дает возможность пользоваться суверенитетом, не расталкивая других локтями. Решать назревшие проблемы должно разумное большинство. Оно у нас есть, и им надо дорожить. Появляются и новые обнадеживающие симптомы. Недавно состоялось расширенное заседание исполкома Всемирного конгресса татар. Оно показало, что эта организация находит пути осуществления многих национальных чаяний. Были, конечно, и неконструктивные, в основном кулуарные, выступления. Но не они определили ход заседания. Ряд интересных предложений выдвигают и другие культурно-национальные объединения республики. Становится заметным фактором консультативного и координирующего влияния и отдел меж-национальных отношений аппарата Президента РТ.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Книга писалась в течение ряда лет. За это время могли измениться и меняться оценки и видение фактов по некоторым сюжетам, затронутым в этой книге, как у политиков, так и у историков. Это относится не только к очеркам на «злобу дня», но и трактующим «преданья старины» глубоко. Автор не считает возможным для себя пойти по проторенному пути и вносить в текст конъюнктурные «исправления». До и новых факторов, которые могли бы существенно изменить личные оценки исторических событий, пока не вижу. Единственное дополнение, внесенное в книгу после ее сдачи в печать, следующее. В очерке «Чеченский синдром», написанном летом 1994 года под свежими впечатлениями от поездки в Грозный, я высказал тревогу по поводу развития событий в этом регионе. К сожалению, мои предчувствия подтвердились. Но произошедшее там оказалось намного более трагичным и страшным, чем кто-либо предполагал.

Содержание книги — это мое видение истории в то время, когда она писалась. Не больше и не меньше. Один из классиков когда-то обмолвился во время полемики: «Я не серебряный рубль или красивая девушка, чтобы нравиться всем». Полагаю, что он прав, и тоже исхожу из этого.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Архив Сталина: «татарский след»	7
Ильяс Алкин: жизнь и судьба (легенды и реальность)	19
Казанский полицмейстер Шаги-Ахмет Алкин, мусульманин и флантроп	58
Турецкий министр под «колпаком» жандармерии	67
Эхо выстрела у Лядского сада (покушение на премьера Татарстана)	75
Загадка Священной книги (судьба «Корана Османа» в России)	90
Муфтий и Совнарком: попытка диалога	96
Хадж генерала Давлетшина	104
Меч над крестом и полумесяцем	108
Казанский протодьякон — друг Сталина	122
Загадка стальной двери Кафедрального собора (о судьбе сокровищ собора)	131
«Наложить в партийном порядке кару...» (вожди и писатели в начале 20-х годов)	141
«Обозвать азербайджанским погромщиком...» (судьба бакинского друга Сталина Расул-Заде)	159
Сталинский железный нарком (взлет и гибель «Кольки-книжника»)	174
126 часов из жизни ректора КГУ (неизвестные страницы биографии Г. Камая)	218
Гудернан в Казани	223
Чеченский «синдром»	231
Вместо эпилога	251

Султанбеков Б. Ф.

С89 Сталин и «татарский след» — Казань. Татар. кн. изд-во, 1995.— 252 с.
ISBN 5—298—00484—9

В настоящей книге известного широкому кругу читателей ученого, историка-исследователя Булата Султанбекова впервые раскрываются факты из документов, выявленных в ряде архивов России и Татарстана.

Большинство из них хранилось под грифом «совершенно секретно». Очерки посвящены личностям и событиям, сыгравшим значительную, а подчас и загадочную роль в истории, но в силу ряда причин преподносившихся нередко в искаженном виде. Рассматривая некоторые из них, автор выдвигает версии и гипотезы, расходящиеся с теми, которые в процессе изучения и освещения исторического процесса в определенный период находились под неусыпным контролем тоталитарного режима.

Книга адресована всем интересующимся нашей историей. Она может быть использована также учителями, студентами, учащимися школ и других учебных заведений.

С 5030209000—018
M132(03) — 95 без объявл.

БК 63.3(2Тат)